

Вопросы элитологии Issues in Elitology

2020, Volume 1, Issue 1

ISSN:

18+

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Научный электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 1, №1

2020

ISSN:

18+

ISSUES IN ELITOLOGY

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol 1, No 1

2020

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Сетевое издание предоставляет свою площадку для открытой научной дискуссии, не делая при этом никакого различия ни для именитых учёных, ни для начинающих молодых авторов. Главный критерий отбора материала – рукописи должны быть высокого научного качества и отвечать духу конструктивного профессионального сотрудничества.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведётся с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре:
- ISSN:
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part in influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

- Certificate of registration issued by Roskomnadzor::
- ISSN:
- Materials are intended for persons over 18 years old

EDITOR-IN-CHIEF	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Pavel L. Karabuschenko Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
JOURNAL MANAGER	МЕНЕДЖЕР СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
Yuriy D. Goncharenko e-journal "Issue in Elitology". Astrakhan, Russia	Юрий Дмитриевич Гончаренко сетевое издание "Вопросы элитологии". Астрахань, Россия
EDITORIAL TEAM	РЕДАКЦИЯ
Leonid Ya. Podvoisky (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
Maria M. Bicharova PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia	Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия
Irena V. Lebedeva PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
EDITORIAL BOARD	РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Arushan A. Vartumyan Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia	Арушан Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия
Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia	Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт- Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia	Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия
Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia	Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия
Evgeny N. Moschelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Larissa I. Nikovskaya Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPA. Moscow, Russia	Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия
Alexander V. Ponedelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA). Rostov-on-Don, Russia	Александр Васильевич Понеделков д. полит. наук, профессор, Южно- Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия
Ravil G. Rezakov Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia	Равиль Гарифович Резаков д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия
Maria M. Fedorova Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia	Мария Михайловна Федорова д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия
Alexander N. Chumakov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Александр Николаевич Чумаков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Elena V. Khlyshcheva Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Владиславовна Хлыщева д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор:

Павел Леонидович Карабущенко
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

Дирекция журнала:

Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev[at]gmail.com

**Мнение редколлегии журнала может
не совпадать с мнением авторов**

CONTACT:

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief:

Pavel L. Karabuschenko
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

CEO:

Rastyam T. Aliev
Email: rastaliev[at]gmail.com

**The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Карабущенко П. Л., Подвойский Л. Я. От редакции	11
---	-----------

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Карабущенко П. Л. Философские корни элитологии	16
--	-----------

Подвойский Л. Я. Философия любви и совершенства В.С. Соловьева	45
--	-----------

ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Хлыщева Е. В. Феномен элитарной культуры: проблема концептуализации	78
---	-----------

ИСТОРИЯ ЭЛИТОЛОГИИ И ЭЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Вартумян А. А. К вопросу о деятельности транснациональных элит в России: исторический аспект	93
---	-----------

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

Косов Г. В., Татарков Д.Б. Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа	111
--	------------

Гришин Н. Б. Общественное участие в процессе делимитации избирательных округов	130
--	------------

Маркелов К. А. Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств	147
--	------------

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Лебедева И. В., Саракаева Э. А. Графомания и всемирный заговор элит	171
---	------------

Лебедева И. В., Подулясская А. Ю. Новая сверхдержава на пути к мировому лидерству	177
---	------------

CONTENT

INTRODUCTION

Paul L. Karabushenko & Leonid Ya. Podvoisky Editorial Note	11
--	-----------

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ELITE STUDIES

Paul L. Karabushenko The Philosophical Roots of Elitology	16
Leonid Ya. Podvoisky The Philosophy of Love and Perfection of V.S. Soloviev	45

ELITE STUDIES OF CULTURE

Elena V. Khlyshcheva An Elite Culture Phenomenon: the Problem of Conceptualisation	78
--	-----------

HISTORY OF ELITE STUDIES AND ELITE STUDIES OF HISTORY

Arushan A. Vartumyan On the Issue of the Activities of Transnational Elites in Russia: a Historical Aspect	93
---	-----------

POLITICAL ELITE STUDIES

Gennady V. Kosov & Dmitry B. Tatarkov Middle East Node of the Greater Mediterranean in the Context of Elitological Analysis	111
Nikolai V. Grishin Public Participation in Delimitation of Constituencies	130
Konstantin A. Markelov Modern Geostrategic Concepts the Political Elites of the Caspian States	147

CRITICISM AND REVIEWS

Elina A. Sarakaeva & Irena V. Lebedeva Graphomania and the Global Conspiracy of Elites	171
Irena V. Lebedeva & Alla Yu. Podulyasskaya A New Superpower on the Way to World Leadership	177

EDITORIAL NOTE

Paul L. Karabushenko (a), Leonid Ya. Podvoisky (b)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: Pavel_karabushenko[at]mail.ru.
ORCID 0000-0003-2776-4089

(b) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: leonid.podv[at]gmail.com

Abstract

The article is an opening message from the journal's editors summarizing the key aspects of the issue.

Keywords

journal; elite; elitism; elitology; almanacs

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОТ РЕДАКЦИИ

Карабущенко Павел Леонидович (а), Подвойский Леонид Яковлевич (б)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: karabushenko[at]mail.ru.
ORCID 0000-0003-2776-4089

(б) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
Email: leonid.podv[at]gmail.com.

Аннотация

Статья представляет собой вступительное слово редакторов журнала, суммирующее ключевые аспекты выпуска

Ключевые слова

журнал; элита; элитарность; элитология; альманах

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Предлагаемый Вашему вниманию первый номер научного журнала «Вопросы элитологии» представляет собой ребрендинг (переоформленный вариант) альманаха (ежегодника) «Вопросы элитологии: философия, культура, политика», который издавался усилиями российского элитологического сообщества с 2004 г. Сложившиеся в то время традиции, станут основой и для настоящего журнала, редакция которого продолжает свое профессиональное сотрудничество и работу со своими авторами.

В журнале сохранены традиционные разделы прежнего альманаха: «Философия», «Культура», «Политика», а также разделы «История» и «Рецензии». Данная структура не исключает в будущем отраслевую детализацию направлений, в зависимости от характера проводимых научным сообществом исследований.

Динамика научных исследований заставляет нас учитывать новые тенденции развития науки, а использование многообразия элитологического опыта позволяет нам самим быть более гибкими и подстраиваться под новые научные направления, которые постоянно возникают в ходе своего дальнейшего развития.

Оценка элиты в качестве культурно-исторического феномена, заставляет современную элитологию придерживаться комплексного подхода и использования самого широкого набора методологических приемов и средств. Именно комплексность побуждает элитологов обращаться за помощью к смежным научным дисциплинам, обретая в их лице надежных помощников в процессе всестороннего исследования данного феномена. Поэтому наш журнал открыт для всех, кто занимается изучением элитности и элиты в различных сферах её профессиональной деятельности.

Мир элит – это сфера высоких культурных достижений, последних научных открытий и технологий, сфера совершенства духа (в его религиозном и светском аспектах) и политических верховных решений. Это многогранный мир, концентрирующий в себе все самое лучшее, всё самое великое, то, что Платон называл «Благом». Постигание этого совершенства и дает человеку истинное понимание смысла своего творчества. Именно в этом и обнаруживается историческое предназначение элитологии – её миссия состоит в том, чтобы раскрыть коды феномена элиты и элитности, делать их доступными для широкого и объективного обсуждения мировой научной общественностью.

Политика журнала состоит в том, чтобы находиться вне какой-либо политической идеологии и занимать нейтральную по отношению к религии позицию. Перед нами стоит единственная научная цель –

заниматься пропагандой и популяризацией элитологических идей и учений, направленных на улучшение всех сфер общественной и духовной жизнедеятельности человека, содействовать сплочению рядов элитологов и вести открытую конкурентную научную дискуссию.

Редакция намерена в будущем выпускать специальные тематические номера, посвященные конкретным элитологическим проблемам. Для этого редколлегии необходимо будет изучить существующие в настоящее время запросы на актуальные научные проблемы, установить наиболее востребованные направления и обсудить наиболее приемлемые темы.

Мы открыты для сотрудничества и рассматриваем все конструктивные предложения по выработке наиболее оптимального направления стратегии развития журнала.

Журнал предоставляет свою площадку как для уже состоявшихся ученых, так и для начинающих авторов. Главный критерий отбора материала – его качество. Редакция придерживается хорошо известного принципа – лучше меньше, да лучше.

**Философские
аспекты элитологии**

**Philosophical Aspects
of Elite Studies**

THE PHILOSOPHICAL ROOTS OF ELITOLOGY

Paul L. Karabushenko (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: Pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

All sciences emerged from the philosophical cradle, continuing to carry its traces, to experience its influence on themselves, to use its terminology and methodological technologies. Elitology was one of the last to separate from philosophy, although it was one of the first to appear in the depths of its historical knowledge. Elitology has not only a long history, but also very deep philosophical foundations that give it certain advantages. For most of its scientific history, elitology existed precisely as a kind of philosophical paradigm, which had various forms of theoretical manifestation. It was this diversity that gave it stability and survival even in the most unfavorable conditions. It is largely due to this that elite studies have been formed and are positioning themselves as a complex scientific discipline that comprehensively studies the phenomenon of the elite and eliteness. At the same time, philosophy itself continues to develop the theme of the chosenness and superiority of the best, regardless of any scientific innovations.

The variety of elitological experience indicates that the elite is a separate sociocultural phenomenon that requires a special objective comprehensive study. It is philosophy that provides this complexity and a reliable methodological basis. Apparently, elitology is in no hurry to break its genetic ties with the philosophical tradition and continues to use its data in its own research very actively. The understanding of the philosophical foundations of elitology is undertaken in this article, which makes possible the further development as an independent scientific discipline.

Keywords

elite; chosenness; the best; elitology; community of elites; personality; personalism; hierarchy; value; structure; methodology

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ФИЛОСОФСКИЕ КОРНИ ЭЛИТОЛОГИИ

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Все науки вышли из философской колыбели, продолжая нести в себе ее следы, испытывать на себе ее влияние, использовать ее терминологию и методологические технологии. Элитология одной из последних отделилась от философии, хотя одной из первых и появилась в недрах ее исторического знания. Элитология имеет не только продолжительную историю, но и весьма глубокие философские основания, дающие ей определенные преимущества. Большую часть своей научной истории элитология существовала именно в качестве некой философской парадигмы, имевшей различные формы теоретического проявления. Именно это многообразие и придавало ей устойчивость и выживание даже в самых неблагоприятных условиях. Именно во многом благодаря этому, элитология и сформировалась и позиционирует себя в качестве комплексной научной дисциплины, всесторонне изучающей феномен элиты и элитности. При этом сама философия продолжает и далее разрабатывать тему избранности и превосходства лучшего, невзирая ни на какие научные нововведения.

Многообразие элитологического опыта указывает на то, что элита представляет собой отдельно взятый социокультурный феномен, требующий специального объективного комплексного исследования. Именно философия обеспечивает эту комплексность и надежную методологическую основу. И судя по всему, элитология не торопится порывать свои генетические связи с философской традицией и продолжает весьма активно использовать ее данные в своих собственных исследованиях. В настоящей работе предпринимается осмысление философских основ элитологии, без чего дальнейшее развитие ее в качестве самостоятельной научной дисциплины будет весьма затруднительным.

Ключевые слова

элита; элитность; избранность; лучшее; элитология; сообщество элит; личность; персонализм; иерархия; ценность; структура; методология

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Все люди от природы стремятся к лучшему, только у каждого своего представления о том, что это такое. Лучшее это не просто самое хорошее, но и дающее благо, высокое качество, явное достоинство и превосходство в имеющемся избытке. Лучшее избираемо по аксиологической концентрации и именуется «элитой», благодаря выявленной в ней элитности. Процесс элитизации представляет собой поиск, обретение и приумножение элитного качества. Поэтому перед элитологией стоит главная задача – объективная оценка и адекватный анализ указанного поиска, обретения и приумножения элитного качества.

Мы привыкли рассматривать элитологию преимущественно как социально-политическую науку. На самом деле это комплексная дисциплина, которая в настоящее время проходит стадию своего научного становления и оформления. И именно на этой начальной стадии своего развития она в большей степени нуждается в философском сопровождении. Для нас *элитология – это наука о лучшем, для лучших и во имя лучшего*. Именно так может быть сформулировано её кредо. Речь не идет об установке на превосходство одних над другими, а акцентируется внимание на том, что все люди стремятся стать лучше, но не всем удастся преодолеть сопротивление плохого. Элитология – это помощь в реализации этого нашего общего стремления, ибо стремление к лучшему есть родовой признак всего человечества.

МЕТОДОЛОГИЯ

Среди методов научного анализа наиболее часто применяемыми в элитологических исследованиях являются методы диалектики, компаративистики, герменевтики и семиотики. Именно они позволяют выявить качественные параметры конкретной элиты, установить ее политико-правовые нормы и культурно-исторические коды. *Диалектический метод* позволяет нам увидеть феномен элиты и элитности в его динамическом развитии, выявить существующие внутри и вовне противоречия. *Сравнительный метод* помогает систематизировать и типологизировать однородные явления, с последующим выходом на их всесторонний качественный анализ. *Герменевтика* позволяет вскрыть смыслы творческой активности субъектов элитных групп, которые создают о ней и себе тексты. *Семиотика* раскрывает знаковые системы, которыми пользуются элиты в процессе общения, вскрывает их коммуникационные связи. В настоящей работе использован весь комплекс указанных методов, с целью получения необходимого ана-

литического материала, в анализе конкретной элитологической ситуации¹.

Помимо этого в качестве базового концепта исследования использованы принципы объективности, историзма и комплексного подхода. Детальное раскрытие философских корней элитологии приводит нас к пониманию того, что перед нами феномен, проверенный на прочность многотысячелетней историей человечества. И раскрыть его полностью в одной работе статейного формата просто невозможно. Это задача всех элитологических исследований вместе взятых. Перед собою мы ставим *задачу* лишь обозначения тех узловых, по нашему мнению, проблем, которые смогут в дальнейшем актуализировать и систематизировать подобные комплексные исследования. Отсюда *объектом* нашего исследования выступает элитология, как комплексная дисциплина, а в качестве *предмета* – её философские (исторические, логические и диалектические) корни.

Автор придерживается принципов, разработанных еще классиками элитологической мысли (Платон, Аристотель, Л.А. Сенека, Т. Карлейль, В. Парето, Н.А. Бердяев, Г.К. Ашин), относительно природы и сущности феномена элиты и элитности.

Чем больше в науке философских основ, тем надежнее ее методологическая база и тем легче ей установить междисциплинарные связи с другими науками. Элитология демонстрирует подобный пример методологического и коммуникационного многообразия. Поскольку по природе своей это креативная когнитивная дисциплина, комплексно изучающая феномен элиты и элитности, то она вынуждена постоянно прибегать к творческому методологическому заимствованию у других наук. Это объясняется тем, что элитология одной из последних на данный момент оформилась в качестве самостоятельной научной дисциплины и многие необходимые ей принципы по факту были уже разработаны до неё. Поэтому подобного рода заимствования оправданы, тем, что экономят время и позволяют видеть междисциплинарные связи.

¹ Принцип «конкретный анализ конкретной ситуации» широко используется и в элитологических исследованиях. По мнению Г.К. Ашина, «в каждом случае нужно исходить из необходимости научного анализа. Вот, например... структурно-функциональный анализ работает при анализе массовой культуры. В нормативном плане, наоборот, я говорю, что не восхищаюсь этой культурой, а считаю, что это убожество. Короче говоря, надо все знать, и свою голову иметь, и свои концепции разрабатывать» («Очень не люблю я элиту...», 2008, стр. 25).

ОБСУЖДЕНИЕ

Тема взаимосвязи элитологии с философией уходит своими корнями еще в Античность. Обсуждение ее отдельных моментов мы можем найти уже в философском наследии Пифагора, Гераклита, Платона, Аристотеля, Сенеки... (Карабущенко, 2020а). В последующих философских концепциях проблема элиты и элитности рассматривалась в связи с темой духовного совершенства личности, творчества и святости, познанием высших истин и эзотерических учений.

Первой научной работой, в которой специально рассматривались философские основания элитологии, стала статья профессора Г.К. Ашина «Философская составляющая элитологии» (Ашин, 2004). В ней автором весьма подробно были проанализированы основные позиции этого вопроса и намечена перспектива дальнейшего развития исследований в этом направлении. Своего рода продолжением этой темы стала наша работа «Философские аспекты современной элитологической науки», (Карабущенко, 2004), в которой были даны характеристики отдельным сторонам этого вопроса, указаны связи и истоки философского присутствия в элитологии. В ведущих российских философских журналах тема элитологии всплывала всякий раз, когда затрагивались проблемы анализа идеала, совершенства или аристократии.

Данная тема нашла также весьма широкое обсуждение и в рамках элитологических конгрессов, которые проводились в 2010-е гг. в России (Рудой, 2013б; Шутов, 2016; Лунев & Карабущенко, 2017; Шутов, Локота & Понеделков, 2019). Совокупность всех этих работ указывает на то, что данная проблема весьма остро интересовала сообщество российских элитологов, которые уделяли её анализу значительное внимание.

ХОРОШЕЕ – ЛУЧШЕЕ – СОВЕРШЕННОЕ (ИДЕАЛ)

Разобраться в феномене элиты всегда бывает крайне сложно. Перед элитой всегда находится «веер возможностей» и запутанный лабиринт творческих решений. Онтологический анализ элиты показывает, что элита (для того, чтобы выжить) всегда должны быть лучшей, но чаще всего не может быть даже хорошей. Поэтому она всегда стремится к лучшему, обладая всем хорошим. Элитой фактически являются те, кто способен из хорошего сделать лучшее, а из лучшего – совершенное.

Стремление человека к лучшему, есть поиск возможности исправить несовершенство своей природы (*Государство*, 341c - 342d) (Пла-

тон, 1994). О том, что лучшее управляет хорошим, в свое время указывал ещё Платон (хорошие граждане должны, по его мнению, управляться лучшими политиками) (*Протагор*, 319a-e) (Платон, 1990в). Именно в диалогах Платона мы постоянно встречаем одну и ту же триаду: «хорошее, лучшее, совершенное», которое определяет высшее и благое (у которой есть её противоположность: «плохое, худшее, несовершенное», что ведет к безобразному и злему) (*Горгий*, 463d - 464c) (Платон, 1990а). Сама природа установила справедливость, согласно которой «лучшее выше худшего и сильнейший выше слабого» (*Горгий*, 483c) (Платон, 1990а). Справедливость же есть равенство среди равных (*Горгий*, 488e-489a) (Платон, 1990а). Лучшее лежит в основе платоновского блага (благое, наилучшее, хорошее). Оно является руководящим началом, поскольку представляет собой самое лучшее знание (*Хармид*, 172c-d) (Платон, 1990д). Без этой категории нет Платона и нет платонизма.

Так, что же такое элита с философской точки зрения? Для нас элита - это то лучшее, что абсолютизировало свое хорошее. Хорошее это первый шаг к лучшему. Хорошее есть надежда на лучшее, а лучшее есть намёк на совершенство. Лучшее – это искомое, что составляет смысл человеческого бытия; лучшее есть предельная в оценке мера качества; лучшее – это устремившееся к совершенству хорошее, полностью изжившее в себе все дурное и скверное. Когда хорошее достигает Абсолюта, все считают его лучшим. *Хорошее - Лучшее - Совершенное*, вот путь человека к Идеалу. Но это путь есть путь в бесконечность. Хорошее – это качество начального уровня, с которого начинается трудный путь к совершенству, через обретение в себе лучшего. Из этого следует, что элитология – это наука о лучшем, которое через реализованную элитность личности существует в форме общественных социокультурных элит.

Элита постигается через её сравнения с совершенством. Без такого сравнения она не идентифицируется. Поскольку родовые качества элиты превосходят аналогичные качества субъекта масс, то сравнивать их нет смысла. Как утверждал В.С. Соловьев, сущность явления проявляется через его сопоставлением с тем, что находится выше его по качеству. Поэтому третьим элементом в отношении «хорошего и лучшего» должна быть категория совершенного. Совершенство – это достигнутый идеал, максимальное воплощение идеи в реальности. И именно совершенное является «проверочным камнем» лучшего.

История природы и человека показывает, что всё лучшее стремится выделиться и занять некий элитный статус, стремится быть из-

бренным. Но лучшее – это не всегда обязательно избранное. Лучшее должно быть еще и достигнутым. Л.Н. Толстой полагал, что идеал – понятие недостижимое. Но тогда это уже не идеал, а утопия. Идеал есть совершенство (предел) некой идеи, до которой все-таки можно при большом желании и умении дотянуться. Принцип «лучше вообще ничего не делать, если не можешь это делать хорошо», был девизом многих правителей (в том числе и русского царя Александра I) (Балязин, 2007).

Лучшее возникает там и тогда, где и когда пытаются усовершенствовать хорошее. Лучшее может стать врагом хорошего, когда этот процесс завершается неудачей^{2*}. А риск неудачи в достижении идеала всегда велик. Лучшее как враг хорошего может быть и в смысле диалектического отрицания отрицания, когда новое качество (лучшее) заставляет нас отказываться от старого качества (хорошего). Улучшение хорошего есть основное правило прогресса. Лучшее устраняет недостатки хорошего, доводя его до совершенства, Абсолюта, полного воплощения на практике, заложенной в нем его идеи. Когда хорошее трансформируется в лучшее, её прежнее качество теряет свой смысл. В этом плане лучшее действительно оказывается «врагом» («могильщиком») хорошего, ибо рассматривает его как уже пройденный этап своего развития.

На практике диалектика лучшего и хорошего видна на примере социализации личности. Развитие профессионализма это поэтапная элитизация лучшего, что есть в человеке. «Однажды, посмотрев тренировку советских футболистов, Пеле сказал, что знает, почему они играют так плохо – тренировки посвящены устранению недостатков, а надо развивать достоинства. По мнению этого футболиста, у него и его товарищей масса недостатков, но мало кто их замечает, потому что то, что у них получается лучше всего, они умеют делать в совершенстве, а те недостатки, что остались – лишь продолжение их достоинств» (Таранов, 2006, стр. 37). Данное правило может быть распространено на всю профессиональную сферу деятельности, с тем лишь замечанием, что элитам все равно надлежит исправлять свои недостатки, а не скрывать их.

^{2*} Фраза «лучшее враг хорошего» (фр. «Lemieuxest l'enneinidubien» принадлежит итальянцу М. Джiovанни, который употребил ее в 1574 г. в своих комментариях «Декамерона» Бокаччо. Затем ее повторил У. Шекспир в «Короле Лире» («Стремясь к лучшему, мы часто портим хорошее»). Но широкую известность это выражение получило благодаря Вольтеру, применившего его в своем романе «Недотрога» (1747). В шутивно-ироническом смысле - поощрение того, кто готов отказаться от хорошего во имя лучшего, когда однажды сделанная работа переделывается, тратится время на ее совершенствование и пр.

Идущая от Платона и Аристотеля *философия избранности* (поиска лучшего в очищенном от плохого хорошем) была самой ранней попыткой осмысления сущности феномена элиты/элитного. Не будь философии избранности, элитология обеднела бы наполовину, ибо была лишена своей важнейшей методологической и мировоззренческой части.

НАУКООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ ЭЛИТОЛОГИИ

Каждая наука в своем развитии проходит через процесс дифференциации и последующей интеграции, которые выявляют ее отличия и устанавливают связи с другими научными дисциплинами. Элитология как научная дисциплина уже содержит некий комплекс устоявшихся правил, терминологических норм и методологических принципов, что позволяет ей претендовать на самостоятельный научный статус.

Сегодня элитология переживает этап своего методологического становления. Если социология и политология исследуют в основном внешние, формальные и в основном количественные показатели элит, то философия, психология и культурология напротив, направляют свое внимание на выстраивание внутренних, неформальных и качественных её характеристик. Если первые исследуют форму, то вторые – содержание. У первых главным выступает статус, у вторых – персональные качества. А именно в генезисе личности мы можем обнаружить конкретные примеры элитизации, реальные случаи возникновения качественного достоинства и превосходства. Элитная личность это, прежде всего, самодостаточное в своем качестве достоинство. Ещё раз повторим, что *элитология – это система знаний о лучшем, для лучших и во имя лучшего*. Поэтому элитологию мы определяем как комплексную науку об элите и её элитности, где элита выступает формой, а элитность – содержанием. При этом комплексность указывает на необходимость всестороннего исследования этого феномена всеми социально-гуманитарными науками.

Таким образом, *целью* данной науки является всестороннее изучение феномена элиты/элитности, включающего в себе всё его метафизическое и диалектическое многообразие. Если *объектом* элитологии является элита (форма), то *предметом* – элитность (содержание). При этом научной *актуальностью* самого предмета выступает процесс его развития – *элитизация*, которая выражается в культурно-историческом *элитогенезе*. Перед элитологией возникает её великая триада: *элита – элитность – элитизация*, где первая (элита) есть

форма, вторая (элитность) – является её содержанием, а третья (элитизация) – является процессом их диалектического развития.

Философия предлагает элитологии совершенно иные методы и критерии в оценки элиты и элитного. Во-первых, она предлагает рассматривать элиту совместно с ее качеством (элитностью) по принципу соотношения формы и содержания. Во-вторых, метафизический и диалектический взгляд на элиту – это дополнительное средство по очищению научного взгляда от наплыва субъективизма. *Метафизика элиты* исследует её как «вещь в себе», чаще всего определяя её как «вещь для себя», а не как «вещь для других». *Диалектическое понимание* элиты заставляет нас видеть ее в перспективе развития; *метафизическое* – в анализе ее состояния по принципу «здесь-и-сейчас», как некую завершенность.

Последнее дает нам основания считать, что элитология – это наука не только об «элите», но и наука обо всём «хорошем» вообще. Дело в том, что реальная элита может быть не только «хорошей» («лучшей»), но и «плохой» («худшей»). Поэтому элитология вынуждена исследовать, как положительные стороны деятельности элиты, так и её отрицательные. В этом мы усматриваем её диалектическую сущность – в элите застывшими являются только монументальные памятники истории искусства, но лишь только «пирамид боится время». Всё остальное – сплошная диалектика.

Расширенное понимание элитологии сводится к тому, что она есть сумма знаний о том, что может быть избранным вообще. *Элитология – это наука о великом и прекрасном, что было создано руками человека и о нем самом, когда он сам становится великим и прекрасным, благодаря максимальному развитию своих духовных качеств.* Путь к этому лежит через элитизацию (развитие) элитности (высшего качества). Только при наличии этого процесса и этого результата, мы вправе говорить о том, что перед нами действительно субъект элиты, а не его имитация. Из этого следует, что *элитология – это наука о духе, а затем уже и о плоти, достигшем своего совершенного состояния.* Те, кто утверждает, что элитология это наука о богатстве и власти (и только!), не знают истинной сущности элитологического знания, которое оказывается для них закрытым по причине возвышающихся перед ними непреодолимой стены власти и пропасти внешнего богатства.

Главное предназначение элитологии – разгадать тайну элиты, расшифровать её код, развеять о ней миф, и разоблачить заговор, который элиты постоянно плетут против всех остальных. В противном случае теряется сам смысл существования этой дисциплины.

На сегодняшний день таинственное в элите превышает ее публичность в разы. И в этом великом закулисье как раз и прячется истинный смысл элиты.

Среди современных наук элитология обнаруживает родственные по духу дисциплины. Мы должны указать как минимум на две из них – аксиологию и акмеологию, которые в разной степени занимаются исследованием схожих проблем. Перед элитологией тоже стоят задачи изучения ценностных систем и профессионального достоинства. Но если для аксиологии и акмеологии эти проблемы являются ключевыми, то для элитологии они носят частный случай. Поэтому мы вправе сказать, что указанные нами дисциплины выступают по отношению к элитологии как её частные случаи, точно также как и сама элитология может расцениваться ими как часть их целого. Обращение элитологии к философии позволяет ей наладить конструктивные отношения с этими двумя науками, установить равноправный научный диалог и сотрудничество. Вместе расшифровать код элиты у них больше шансов, чем, если они будут работать каждая в отдельности.

ФЕНОМЕН ЭЛИТНОСТИ И УТОПИЯ ЭЛИТЫ

С философской точки зрения, элита это некий феномен, наделенный всеми самыми лучшими, достойными и прекрасными качествами, которые являются определенной системой ценностей, идеалов и эталонов для большинства. Это идеал. И философия должна помочь элитологии в изучении этого идеала. Однако в действительности мы видим весьма частое расхождение научного идеала и реального положения дел. В конце работы мы ещё вернёмся к этой теме, а пока остановимся на выяснении сущности феномена элиты.

В последнее время специалистами всё чаще элита рассматривается именно как феномен, нуждающийся в системном исследовании и комплексной оценке (Ашин, 2004; 2005; 2010). Каждый феномен есть своего рода «вещь в себе». И у каждой «вещи в себе» есть своя «святая святых». Перефразируя известные слова А.Ф. Лосев о Платоне, можно сказать, что тема элиты оказывается какой-то вечной проблемой истории человека, «и пока нельзя себе представить, когда, как, при каких обстоятельствах и кем эта проблема будет окончательно разрешена» (Лосев, 1990, стр. 3-4). Возможно, у этой проблемы нет её окончательного решения. Мы знаем элиту также как философию Платона - неспециалистам оказывается легче судить о ней, чем специалистам. Дело в том, что феномен элиты настолько широк и глубок, что даже элитологи «зачастую знают его всего лишь настолько, что могут,

без всякого самоуничтожения, используя знаменитую формулировку Сократа, признаться в том, что они знают, что они его не знают во всей глубине, а другие не знают и этого» (Подвойский, 2012, стр. 217-218). В этой связи элита, как феномен, не может иметь одно исчерпывающее определение, объясняющее все многообразие её повседневного опыта. Поэтому необходима целая система определений, которая выявляла бы совокупную сущность этого феномена (Карабущенко, 2013).

Как феномен, элита нуждается в постоянно уточняющемся определении. Это значит, что мы должны рассматривать не одно, а целый комплекс подобных определений. Именно выявленная терминологическая система и будет составлять наше общее представление об элите и элитности. Чем больше неопределенность в определении понятия элита, тем больше у нас оснований не доверять тому, что это действительно элита. Особенно много такой неопределенности в определении понятия политическая элита. Каждый раздел элитологии даёт свое уточняющее определение этого понятия, поэтому на этом общем определении выяснение его сущности у нас не заканчивается, а лишь начинается. Итак, начнем наше уточнение с того, что выясним её родовые признаки.

Прежде всего, следует указать, что элита – это *избранное большинством творческое активное меньшинство, обладающие большим, чем все это большинство качеством; элита есть избранное большинством самое лучшее качество, которого всегда бывает очень мало* (Карабущенко, 2013, стр. 542). То есть, элита это то, в чем мы испытываем дефицит и в чем особенно нуждаемся. Помимо этого, элиту мы должны рассматривать и как некую группу лиц, обладающих общепризнанным статусом, личным достоинством и неограниченными возможностями в удовлетворении интересов и достижений своих целей. Причем в идеале статус и личность должны одновременно носить элитный характер (но на практике такое совпадение происходит весьма редко). Если статус субъекта элиты регламентируется политико-правовыми нормами, то индивидуальные определяются персонологией и персонализмом (наукой и философией личности). Критерием последних являются интеллектуальные, моральные и волевые качества личности, а не ее административно-политические возможности.

В идеале субъект элиты должен помогать другим стать таким же, как и он, а не мешать им, опасаясь с их стороны адекватной конкуренции. Поэтому субъектом элиты может быть только тот, кто не боится открытой конкурентной борьбе и способен успешно преодолевать скрытое сопротивление других элитных элементов. Поэтому мы

вправе выделить два вида «членства» в элите: 1) субъект и 2) элемент. *Субъект элиты* (как некий идеальный тип) – это полноценный представитель полноценной элиты, имеющий развитое и признанное всеми достоинство, обеспечивающее его личное превосходство над другими. *Элемент элиты* (как тоже идеальный тип) – имитатор элитного качества, представитель т.н. «и.о. элиты» (т.е. формальной, статусной элитарной группы), преследующий сугубо эгоистические цели (в политике это коррупция, в науке и в культуре – это тщеславие и гордыня). Как правило, элементы элиты являются носителями массовой психологии и массовой культуры, а образующиеся из них группы обычно подпадают под квалификацию псевдоэлиты.

Для элиты характерно стремление к идеалу и его максимальному воплощению. По тому, насколько ей удастся реализовывать этот проект, мы можем судить и об ее качестве. При этом идеалом для элиты является стопроцентное совпадение внутреннего личного достоинства субъекта с его статусной позицией. Для Платона идеальная элита является главным критерием его идеального государства: *государство будет тогда процветать, когда правителями сделаются философы (ученые), или когда правители сами станут философами (Государство, 473d)* (Платон, 1994). Концепт философа на троне есть первая попытка теоретически обосновать принцип меритократии. Для платонизма идеальная элита это полное воплощение на практике самой идеи элиты (как стопроцентная адекватность формы и содержания).

Какие ещё особенности мы должны выделить в элите?

Элита – это то, что может быть позитивно оценено как превосходящее все другие качества; обладающее доминацией «своего» и детерминирующее собой «другое». Поэтому элита – это есть предельное выражение доминации в детерминации. В элите мы видим некий предел (конец) всего количественного и доминацию качества. Но в элите заканчивается не масса, а массовое и утверждается элитное качество.

Элита – это объективная социокультурная данность, обладающая колоссальной субъективной энергетикой, под действием которой могут изменяться любые материальные и духовные объекты и феномены. Элита – это феномен, требующий всестороннего и непредвзятого описания и анализа (Карабущенко, 2013). Качество элиты измеряется мерой её полезности или вреда.

С профессиональной точки зрения, *элиты – это лучшие по степени эффективности их практики; это то, что дает наивысшее качество новой ценности (как конечного продукта творческой дея-*

тельности). Поэтому целью развития элиты является элитность, а средством её достижения – элитизация.

В идеале элита – вершина интеллектуального и морального развития, то, что можно считать совершенством; элита – это то, до чего человек может прийти в своем социокультурном развитии; это некий предел для совершенства конкретного исторического времени; обнаруженное и освоенное превосходство в качестве. В реальности элита – это формально высшие иерархические позиции.

Помимо этих частных определений сущности элиты, мы должны так же дать и общее, свойственное для всех видов и типов элиты определение (определение элиты вообще). Согласно этому общему определению, *элита это самое лучшее, что есть у нас, это качество, возведенное в достоинство и признанное в качестве превосходящей силы и авторитета*. С точки зрения эволюционной элитологии (диалектики элиты), *элита – это доведенная до совершенства элитность личного достоинства*. Ибо об элите можно говорить только по завершению процесса её элитизации и тогда, когда достигнутая ею элитность, отличается зрелостью и постоянством (константностью) своего качества. Но самое главное притязание субъекта на элитный статус своей элитности, должно получить адекватный ответ со стороны общности, т.е. быть признанным. Без такого признания, любая элитность остается частным случаем, т.е. не определившейся случайностью.

Для раскрытия элиты в качестве феномена элитология вводит такие понятия как *элитность, элитизация, элитогенез*. И действительно, лучше понять суть феномена элиты поможет нам *элитологическая триада*: элита (как форма), элитность (как содержание) и элитизация (как процесс развития второго в первое). Что эти категории собою представляют?

Элитность – это то самое качество, которое выделяет элиту из массы, делая ее узнаваемой, востребованной и признанной в качестве лучшего; это сумма достоинств элиты; это качество, способствующее росту личного достоинства; это то, что возвышает человеческий дух, в то время как массовость – то, что усредняет, а дикость – то, что лишает индивида его человеческого облика. Отсюда главная задача элитологии – проявить в человеке личность; как можно больше развить и установить в нем персоналистическую элитность (то, что возвышает его дух). Лик – это то, что тянет нас к Богу. Личность – то, что делает нас человеком. Личина – то, что тянет нас к животному. Бывают люди, в которых доминируют что-то одно из этой триады. А бывают та-

кие, в которых сосуществуют все эти три начала в непроявленном состоянии и в непредсказуемой перспективе.

Элитизация – это процесс роста качества до его максимальных пределов (возможностей); это возведение качества в его новую превосходную степень и, в конечном счете, обретение новой формы и нового содержания. Элитизация – это процесс поэтапного развития элитности; это возведение качества в его новую превосходную степень, когда оно приобретает ещё больший вес, ещё большее значение и силу; это процесс нарастания элитности в элите.

И, наконец, третий термин – *элитогенез* раскрывает перед нами особенности развития двух первых качеств и обретения ими элитного статуса (признания законности элитного притязания). Лучше всего смысл элитогенеза раскрывается, когда в его анализе мы применяем диалектические законы и категории. В его анализе мы должны обращать внимание не только на успешные проекты осуществления идеи элиты на практике, но и неудачные попытки прорыва в элитное сообщество. Причем отрицательный опыт нам может дать большее для понимания сущности феномена элиты, чем положительный. При этом процесс элитогенеза во многом повторяет процесс генезиса личности, что заставляет элитологов постоянно обращаться к экспертной оценке персонализма.

Рассмотренные особенности, позволяют нам прийти к выводу о том, что *главный признак элиты с точки зрения философии – это положительный ответ на вопрос, является ли субъект элитной личностью, или всего лишь имитирует своё превосходство*. Именно поэтому элитология должна постоянно обращаться к философии личности и искать в персонализме ответы на многие загадочные моменты поведения элит.

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ

В отличие от масс, которые чаще всего характеризуются как обезличенное и деструктивное начало (Г. Лебон, Г. Тард, В.М. Бехтерев), элиты всегда стремятся к тому, чтобы их субъекты были узнаваемыми и позитивно оцененными. Опыт показывает, что предельная элитность проявляется в качественных характеристиках личности. Но каждая личность, как утверждают персоналисты, есть уникальная ценность нашего бытия. Поэтому каждая личность имеет свой культ. Главное, чтобы этот «культ» был культурным и никогда не был против культа другой личности. Гражданское общество – это как раз и

есть сообщество таких культурных элит, уважающий культ личности других и активно развивающий культ собственной личности.

Субъект элиты всегда претендует на то, чтобы именоваться «очень важной персоной». Но это требование часто бывает подкреплено лишь его официальным статусом и привилегиями. О личном достоинстве, как правило, они скромно умалчивают. Почему? Потому, что часто бывает нечего сказать в связи с ее отсутствием. Было замечено, что субъекты политических элит всегда проявляют излишнюю скромность, когда речь заходит об их персональных достоинствах. Поэтому в определении качественных критериев часто приходится говорить именно об их формальной составляющей. Это упрощенный путь исследования элит. Он формален, а потому и поверхностный.

Вплотную подойти к выяснению сущности феномена элиты можно только через анализ личностного достоинства её субъекта. Поэтому необходима персоналистическая элитология, как основа всех остальных прикладных элитологических направлений. Если политическая элитология чаще всего ограничивается изучением властных и статусных полномочий субъекта правящих элит, то персоналистическая пытается проникнуть вглубь психологии и культуры тех персон, которые и составляют круг конкретной элиты. Как известно персонализм на первое место в качественной характеристике личности ставит свободу духа и творчество (Лакруа, 2004, стр. 138-139). Именно этими качествами в первую очередь и должен обладать любой субъект элиты. Но это в идеале.

Первым шагом на пути к такому персоналистическому пониманию элиты является биографический метод исследования списочного состава конкретной элитной группы. Исследователи полагают, что «биографический метод, сточки зрения исследования элиты вообще и региональной элиты, в частности, является важным и иногда единственно возможным эмпирическим способом для социального измерения и понимания происходящего» (Колесник & Тев, 2009, стр. 84). Особенно это касается политических элит, чаще всего закрытых для глубинных элитологических исследований. Политические элиты вообще составляют исключение из всех персоналистических правил. Законы персонализма на них в большей своей части не распространяются. В нашем понимании, биографический метод - это не изучение трудовой книжки субъекта элиты, а исследование его личностных качеств в реализации им своего жизненного проекта.

В наибольшей мере элитность личности проявляется в её умственных и моральных основаниях. Жить в обществе и быть свободным от нравственности невозможно. Ещё Аристотель в «Политике»

писал, что: «человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» (I,1,9) (Аристотель, 1983). Последний становится им потому, что предъявляет себе самые высокие требования и живет согласно им, не отвлекаясь на суетность дольного мира.

Как свидетельствует всемирная история, элиты появляются везде, где возникают социокультурные иерархические системы и где выстраивается дифференциация человеческих способностей, способствующая выявлению и признанию элитного качества, как персонального достоинства (Ашин & Карабущенко, 2000). Именно на основе оценки этих свойств и качеств и производится классификация элит, по их интеллектуальным, моральным и профессиональным параметрам.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛИТ

Ключевым вопросом элитологии является классификация самих элит. Речь идет о том, какие принципы должны лежать в основе этой систематизации. По нашему мнению, в классификации элит необходимо придерживаться как минимум двух принципов: 1) профессионального и 2) оценочного. Согласно первому принципу, все элиты разделяются по их профессиональному роду деятельности (научная, культурная, религиозная, спортивная и т.д.). Согласно второму – все элиты могут быть оценены как состоявшиеся (полностью реализовавшая свою элитность) и несостоявшиеся (имитирующая свой элитный статус и манипулирующая общественностью). По данному классификационному минимуму мы можем давать экспертное заключение относительно того, с какой элитой мы имеем дело, какие ее достоинства и недостатки.

Ясно, что элита существует в любой профессиональной сфере деятельности. Именно поэтому она отвечает требованиям акмеологии и аксиологии. Но чаще всего мы видим, как термин элита применяется относительно профессиональных политиков. И видим, что как раз именно для политики термин «элита» подходит менее всего. Точнее и справедливее было бы употреблять здесь не термин «элита» (что порой не соответствует действительности, ибо у власти порой оказываются далеко не самые лучшие и не совсем честно избранные), а «правлящий класс», или «элита чиновников», «элита начальства». В этом плане элиты гражданского общества больше соответствуют принципам объективной избранности, элитности персонального качества и на

самом деле являются лучшими в своей профессиональной деятельности.

К элитам гражданского общества мы должны будем отнести научную, культурную, спортивную, религиозную и экономическую элиты. В отношении последней особо отметим, что она весьма часто контактирует с политической «элитой», а потому занимает промежуточное положение между властью и гражданским обществом. Профессиональные элиты гражданского общества, формируются в результате естественного (конкурсного) отбора (селекции) из представителей наиболее известных и авторитетных специалистов, достигших в области своей деятельности акмеологического уровня и получивших объективное общественное признание.

Научная элита – профессиональная элита гражданского общества, формирующаяся в результате естественного (конкурсного) отбора (селекции) из представителей наиболее известных и авторитетных специалистов, достигших в области своей деятельности акмеологического уровня и получивших объективное общественное признание. Эта элита представляет собой концентрированный разум человечества, направленный на решение важнейших стратегических задач. Субъекты такой элиты являются не просто носителями передового на данный момент научного знания, но и активно его развивают, посредством научных открытий.

Культурная элита – профессиональная элита гражданского общества, формирующаяся в результате конкурсной селекции из представителей наиболее известных и авторитетных специалистов, достигших в области своей деятельности акмеологического уровня и получивших объективное общественное признание. Данная элита представляет собой творческое достояние всего человечества, а ее субъекты являются создателями образцов (эталонов) высокой культуры, творцы новых культурных ценностей.³

Религиозная элита – профессиональная элита религиозных организаций, формирующаяся в результате естественного (конкурсного) отбора (селекции) из представителей наиболее известных и авторитетных специалистов, достигших в области своей деятельности акмеологического уровня и получивших объективное общественное признание. Главным критерием религиозной элиты является святость (для аристократии духа) и священнический чин (для церковной бюро-

³ Профессор Г.К. Ашин отмечал: «В иерархии элит культурная элита должна занимать высшее место. Так и Платон полагал. Больше того, даже Миллс так думал... культурные лидеры и есть настоящая элита» («Очень не люблю я элиту...», 2008, стр. 24).

кратии). Её отличительная черта - сакральность и мистический эзотеризм, посвященность в религиозное откровение.

Экономическая элита (бизнес-элита, олигархия) – профессиональная корпорация, формирующаяся в результате успешной финансово-экономической деятельности. Она представляет собой соединение промышленников («генералов производства») и финансистов («жирных банковских котлов»), руководящих производством товаров и услуг, и распределением финансов. В определенных случаях экономическая элита объединяется с политической, создавая олигархическую политическую систему и особый тип элиты власти.

Социальная элита – субэлита, состоящая из представителей бизнес структур, политиков, высших военных чинов и криминала, имеющих подавляющее преимущество в удовлетворении своих материальных потребностей; имеющая самый высший иерархический статус в социальной системе группа лиц, часто входящая также в число экономической или политической элит.

Военная элита (или элита силовиков) – профессиональная корпорация, формирующаяся в результате продвижение чинов вверх по служебной иерархической лестнице. В военную элиту входит генералитет и высшие офицерские чины, занимающие ответственные армейские должности. Наряду с политической военная элита является концентрированным выражением идеи своего государства. В определенных случаях военная и политическая элиты могут объединяться и составлять единое целое. Выделяются два подобных варианта: 1) когда военные становятся политиками (Наполеон) и 2) когда сами политики получают армейские мундиры (И. Сталин).

Политическая элита – профессиональная элита, формирующаяся в результате искусственного (рейтингового) отбора (рекрутирования), с большей долей субъективного влияния вышестоящего начальства. Такая элита измеряется количеством чинов, должностей, статусов и привилегий. При наличии доминации детерминирует все остальные профессиональные элиты. При отсутствии или нехватке доминации – сама становится «жертвой» манипуляции и имитации со стороны военных, экономических или религиозных элитных групп.

В качестве критерия оценки принадлежности к политической элите следует ввести ещё и такой показатель как коррупционная возможность. Чем выше уровень коррупционной возможности, тем выше статус в элитной группе. Элитой будет являться не тот, кто больше всех берет взятки («откатов»), а тот, кто, имея такую возможность, все-таки нашел в себе моральные силы не прибегать к этим теневым

схемам. Об этом в частности писал еще Платон: *«особенно похвально – прожить всю жизнь справедливо, обладая полной свободой творить несправедливость. Таких людей немного»* (Горгий, 526a) (Платон, 1990a). Эта демаркационная линия и является водоразделом между элитой и псевдоэлитой (и.о. элиты).

Как показывает практика, *элита не идеал, но в ней всегда много идеального*. Её чаще всего идеализируют, наделяя не существующими в реальности свойствами и качествами. И эта идеализация порой и составляет главное достоинство элиты, которая является элитой и существует в качестве элиты лишь на словах, но не в своих делах. Закравшаяся в оценки элиты ошибка, может существовать все отведенное ей историческое время, умножая ошибочные мнения и оценки общества относительно того, кто и как им правит. *Чем больше элита совершает ошибок, тем больше она сама является ошибочной*.

ПРИНЦИПЫ КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ЭЛИТ

Качественное определение элиты всегда зависит между должным и нужным/полезным. Должное (идеал) это то, к чему мы стремимся; нужное (реал) это то, от чего стремимся. При этом нужное не всегда оказывается соответствующим качественной научной оценки элиты. Реал (реальное) это то, что уже есть, но недостаточно для того, чтобы оно всегда было в этом уже определившемся своем виде. Оно есть только потому, что кому-то нужно.

Философская оценка элиты утверждает, что в ее оценке должен действовать качественный принцип. На практике же элита (особенно социально-политическая) чаще всего измеряется по ее количественным показателям, что является нарушением принципа элитности. Анализ качества элиты раскрывается через принципы развития её субъекта. В этой связи можно выделить как минимум три качественных показателя в оценке деятельности элиты: 1) принцип самодостаточности личности; 2) принцип экономности профессиональной деятельности и 3) принцип эффективности (оценка результата).

Раскрывая первый принцип (*самодостаточности личности*) мы должны указать на такие его характеристики, как: опора на собственные силы и ресурсы; независимое положение в системе; такая личность сама является источником детерминизма других; она отличается оригинальностью мышления и способностью работать на опережение; обладает обостренным чувством совести (даймоний); чаще всего придерживается философии гуманизма (хотя бы в идеале, хотя бы на словах).

Второй *принцип экономности профессиональной деятельности* может быть определен такими показателями, как: всё лишнее, ненужное; селекция элиты согласно образовательному критерию; строгое соблюдение принципа поэтапности в прохождении иерархических ступеней в профессии; когда затраты на содержание элиты не превышают полученную в результате её деятельности прибыль; акмеологическое признание. Мера состоятельности элиты определяется степенью её эффективности.

Третий *принцип эффективности* регулируется такими показателями, как: успешное решение поставленных задач адекватными средствами; низкий коррупционный уровень; объективный позитивный ответ общества на объективные притязания на признание элиты (когда большинство добровольно одобряет активную деятельность меньшинства).

Именно позитивное развитие качества является базой для элиты. Причем качества самого высокого уровня. Специалисты обращают внимание на усиление тенденций повышения «требований к человеку, связанных с полной самореализацией, ответственным и профессиональным подходом при решении» различных ситуаций, «что предопределяет стремление каждого к систематизации своих действий и целенаправленной деятельности в целом» (Гайнутдинова, 2010, стр. 105). Появление высоких технологий уже требует от элиты не просто принятия судьбоносных решений, но и всю полноту ответственности за них. А это в свою очередь требует усиления качества образования и определенной культуры воспитания субъекта элиты. В результате следует ожидать повышение роли личности в социокультурной истории уже ближайшего будущего. Если раньше человек элиты руководил массами и массовыми технологиями, то уже сегодня мы видим переход на совершенно иные принципы устройства управления и внедрения научных достижений, когда элитам приходится руководить самодостаточным гражданским обществом и высокими технологиями. Наступает эпоха творчества, о которой в свое время писал Н.А. Бердяев («Философия творчества»). Он также пророчествовал о смене исторической эпохи социального неравенства новой исторической эпохой личного неравенства людей, когда наступит торжество аристократии духа над аристократией крови (Бердяев, 1995, стр. 104-108). Всё это позволяет нам проектировать элиту, настаивая на том, какой она должна быть в соответствии с нормами науки. Расцвет элитологии как науки придется на то время, когда все элиты будут формироваться

по ее научной рецептуре. Сейчас она занимается тем, что пытается утопию превратить в реальность.

Сущность современной эпохи может быть определена через такие понятия, как постиндустриализм, глобализация, нанотехнологии, восстания (восстановления) элит. Насколько нынешние элиты готовы к этим параметрам? Уровень их готовности неодинаков, а зачастую формализован и декларативен. Насколько перечисленные нами тенденции оказывают влияние на развитие элитных сообществ – ответа на эти вопросы элитология тоже нам пока ещё не дает. Но дать обязана.

ЭЛИТОГЕНЕЗ

Смысл исторического процесса развития элитного качества в элите и ее роль в формировании историко-культурного контекста конкретной эпохи можно объединить под термином «*элитогенез*». Генезис элиты идет одновременно сразу по двум направлениям: 1) генезис конкретной выдающейся личности, объединяющей вокруг себя элитные слои общества и 2) генезис непосредственно самой элитной группы, формирующейся и концентрирующейся вокруг своего лидера (или группы борющихся за власть лидеров).

В более конкретном (метафизическом) смысле под элитогенезом следует понимать обретение единства формы и содержания феномена элиты/элитности – развитие элитного качества (содержания) в внутри самой элиты (форме), с последующим приданием ей формального избранного статуса. Из истории известно, что не все проекты по созданию элиты завершились успешно. Были и неудачи. Элитные сообщества надламывались, так и не успев окончательно оформиться в качестве официальной (формальной) элиты. *Элитоцид* становился обратной стороной элитогенеза.

Также следует выделять элитогенез идеи элиты (научно-философское познание ее сущности) и элитогенез онтологии элиты (ее объективную реальность). В изучении элитогенеза важен диалектический подход, рассмотрение ее во всем многообразии ее противоречий, как внешних сложностей, так и глубинных смыслов. В настоящее время историческое положение элит определяется тремя ключевыми теориями: «восстание масс» (Ортега-и-Гассет, 2000), «восстание элит» (Лэш, 2002) и теорией постиндустриализма (Белл, 1999).

Элитогенез также включает в себя такие процессы, как селекция (отбор лучших, наиболее ценных качеств и оформление их в достоинство) и рекрутирование (социализацию и профессионализацию, открывающие путь в корпорацию) в элиту, которые являются ее част-

ными случаями. Именно от них зависит то, насколько элита окажется жизнеспособной и когда наступит завершающий ее развития процесс элитоцида. Сам элитоцид может носить как вполне мирный характер (например, завершение общего цикла развития элиты или смерть субъекта), так и насильственный (свержение, переворот, физическое уничтожение).

Элитогенез становится историей только тогда, когда созданная в его ходе элита утверждается в качестве таковой в обществе. Неудачные проекты по созданию элиты как правило историей не являются и постепенно забываются, и стираются из общей памяти более удачной деятельностью других элит, достигших вершин своего профессионального развития. История есть победные скрижали элит, торжествующих на костях своих поверженных конкурентов.

ИДЕЯ ЭЛИТЫ И ЕЁ «ТЕНЬ»

Одним из важнейших вопросов современной элитологии является вопрос об идентификации элиты. Очень часто элитологии приходится заниматься исследованием не самой элиты, а псевдоэлиты, то, что себя выдает за элиту, или ошибочно принимается за неё. Слишком часто перед элитологией оказывается много ложных целей, которые уводят ученых от объекта их непосредственного исследования, заставляя просеивать тонны «горной породы», чтобы найти нужную ей крупницу. Идеей элиты фактически является сама элитология, тогда как её «тенью» – непосредственно сама объективная реальность элиты («реал-элита»).

Семиотика указывает на то, что уже в самом слове «элита» кроются явные противоречия смыслов и значений. Тот смысл, который сама элита вкладывает в этот термин, противоречит (не соответствует) ее реальной природе. Элиты (в особенности политические) предпочитают пользоваться ненаучными системами знаков, поскольку их форма (формальное, статусное) конфликтует с их содержанием (реальным качеством). Поэтому уже на уровне передачи своего знания другим у элит возникают коммуникационные сложности (Лотман, 2010, стр. 6-8).

Главное психологическое отличие правильной элиты от неправильной заключается в том, что «умные субъекты» элиты смотрят на мир с высоты, тогда как «дурные её субъекты» – свысока. И это не игра слов, а смысловое различие, указывающее на существование пропасти между этими двумя категориями. Многое в изучении феномена элиты/элитности может быть сведено к выяснению вопроса о том, яв-

ляется ли ее субъект самодостаточной личностью, или всего лишь имитирует свои персональные достоинства. Выше уже говорилось о том, что роль личность как субъект элиты оказывается на порядок выше, чем в толпе или в массах. Рост личности в человеке уже открывает перед ним перспективу его элитной оценки. Человек элиты заполняет вокруг себя все пространство. И его уход, как правило, воспринимается окружающими как серьезная потеря, повлекшая за собой появление пустоты, чувства сиротства (лишения возможности общения с чем-то, что качественно превосходило вас, стояло над вами, было выше и больше вас).

Что собою представляет современная российская элита, каковы её реальные параметры? Сообщество элит России состоит из политической, социально-экономической и научно-культурной элит, лишенных гармонии взаимодействия и утративших единство понимания своей сущности ещё на раннем этапе формирования российской идентичности. А это значит, выражаясь языком А. Тойнби, элита не готова сформулировать адекватный ответ на вызов своей эпохи. Мы видим явный разрыв между политической элитой и элитами гражданского общества. Политическая элита России больше чем её статус, ибо присвоила себе ещё дополнительные функции (в том числе и коррупцию), и меньше чем её элитность, поскольку лишена творческого начала в саморазвитии. Она скверно самоорганизована и недисциплинирована. Внешне она чрезмерно помпезна и нарочито выпячивает свои сомнительные и спорные достоинства.

Среди самих политических элит действует принцип убывания элитности по мере продвижения субъекта по иерархической лестнице. Это значит, что внутри самой элиты элитой считается лишь только те, кто стоят выше вас в иерархии должностей и званий, а те, кто по отношению к вам находятся ниже, для вас элитой уже не являются. По мере продвижения вверх по этой лестнице, конус пирамиды элиты сужается, стремясь к своему минимуму, который указывает уже не на элиту, а на ее лидеров.

Изучать современные политические элиты опасно, но необходимо. Опасно потому, что элиты очень ревностно оберегают свои тайны, а необходимо потому, что общество должно знать, какие тайны скрывают их элиты, особенно политические. Образно можно сказать, что элитология – это наука о повышенной опасности человеческого бытия, ибо большинство рисков в мире возникают именно из-за непродуманной деятельности элит или по их злому умыслу. Общество имеет право знать всю правду о своей элите. Знать и не идеализировать

её, а вступать с ней в прямой диалог. Именно за такие отношения и выступает элитология.

Элита постоянно мечется между тем, чем она есть в реальности и тем, чем она должна быть в идеале (по природе своей идеи). Конфликт реального и должного – самый главный в элитогенезе.

Для того, чтобы не быть тенью идеи элиты, реальная элита постоянно решает пять стоящих перед ней философских задач (и от того, как она их решает, зависит, будет она со знаком «плюс» или со знаком «минус»):

1) *Онтология элиты* заключается в том, чтобы быть примером для других, ведя достойный образ жизни, действительно указывающий на то, что она лучшая и избранная часть общества (Платон, Аристотель) (*Платон. Феаг, 126c-d; Менексен, 237a-e*) (Платон, 1990б; 1990г).

2) *Гносеологическая задача* заключается в том, чтобы (а) быть первой в процессе познания и обладания Истины (Сократ, Платон) и (б) руководить творческим процессом (Бердяев, 1994). Без позитивного творчества элита – пустой звук.

3) *Этика* требует от элиты не переходить через красную черту морали и не становиться по ту ее сторону (Н. Макиавелли), а идти по пути духовного совершенства (Платон, Сенека, Блаженный Августин) (Карабущенко, 2020а).

4) *Эстетика* обязывает во всем (в творении Природы и Культуры) видеть и находить прекрасное (А.Ф. Лосев) и помогать Красоте спасти мир (Ф.М. Достоевский) (Лосев, 1978).

5) *Антропология* требует не отходить от норм гуманизма и ставить целью своего бытия улучшение человеческой породы, не по ее принуждению, а по ее добровольному стремлению (побуждению) к совершенству (Ф. Ницше, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев) (Карабущенко, 2020б).

От выполнения этих требований зависит качество самой элитности в элите и судьба элиты в истории (станет ли она положительным примером, или будет забыта вследствие ложности своей «элитной» природы).

* * *

Из рассмотренного нами материала видно, что современная элитология вырастает из философии Платона и Сенеки, расцветает в учении Н. Макиавелли, В. Парето и Н.А. Бердяева, чтобы затем обильно заплодоносить уже в наши дни множеством различных научных школ,

теорий и индивидуальных гипотез (См.: Ашин, 2010). Элитологический опыт многообразен и не всегда поддается объективному научному осмыслению. Отсюда постоянно возникающее разночтение в самом элитологическом знании. Причем, чем значительнее оказывается личность ученого или деятеля культуры, тем уникальней является и сам его творческий опыт, а сама его биография приобретает для элитологии интерес объекта исследования элитности в отдельно взятом субъекте.

Анализ истории элитных идей показывает, что все люди от природы действительно стремятся к лучшему, но каждый по-своему понимает, что это такое. Из этого и проистекает все многообразие и неповторимость элитологического опыта. Каждый со своей линейкой пытается измерить элиты, лишь усиливая царящий в этом деле субъективизм. Даже среди самих элитологов нет единомыслия. У каждого свой рецепт и свое видение этой проблемы; у каждого своя научная реплика и свой теоретический акцент. Философия и здесь помогает упорядочить и систематизировать уже само знание об элите и элитном, сделав его более транспарентным и доступным для понимания.

Список литературы

- «Очень не люблю я элиту...» (2008). Интервью с Геннадием Константиновичем Ашиным. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XI(1), 11-30.
- Аристотель (1983). Политика. В А. И. Доватур (ред.). *Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. Том 4.* (стр. 376-644). Москва: «Мысль».
- Ашин, Г. К. & Карабущенко, П. Л. (2000). Манифест элитологии. *Элитологические исследования*, (1-2), 4-10.
- Ашин, Г. К. (2004). Философская составляющая элитологии. *Вопросы философии*, (7), 60-72.
- Ашин, Г. К. (2005). Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях. *Философские науки*, (7), 23-44.
- Ашин, Г. К. (2010). *Элитология: история, теория, современность: монография.* Москва: МГИМО (У).
- Балязин, В. (2007). *Неофициальная история России. Т.10. Тайная жизнь Александра I.* Москва: Олма Медиа Групп.
- Белл, Д. (1999). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования.* Москва: «Academia».
- Бердяев, Н. А. (1994). Смысл творчества. В Н. А. Бердяев *Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т.1.* (стр. 37-341). Москва: «Искусство».
- Бердяев, Н. А. (1995). *Царство Духа и царство Кесаря.* Москва: «Республика».

- Гайнутдинова, Е. В. (2010). Целеполагание как механизм формирования целостной личности в условиях развития современного общества. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 105-111.
- Карабущенко, П. Л. (2004). Философские аспекты современной элитологической науки. В *Вопросы элитологии: философия, культура, политика* Т.1. (стр.14-25). Астрахань.
- Карабущенко, П. Л. (2013). Феномен «элита» в онтологическом и гносеологическом аспектах. В В. В. Рудой (ред.). *Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7-8.10.2013 г. Ростов-на-Дону. Т.1* (стр. 385-401). Ростов-на-Дону.: Изд-во ЮРИФ РАН-ХиГС.
- Карабущенко, П. Л. (2020а). *Элитология Платона (античные аспекты философии избранности)*. Москва: ИНФРА-М.
- Карабущенко, П. Л. (2020б). *Антропологическая элитология*. Москва: ИНФРА-М.
- Карабущенко, П. Л. (ред.) (2013). *Элитология*. В П. Л. Карабущенко (ред.). *Элитология: Энциклопедический словарь*. Москва: «Экон-информ».
- Колесник, Н.В. & Тев, Д. Б. (2009). Биография элиты: возможности социоструктурного анализа. *Социологические исследования*, (6), 76-84.
- Лакруа, Ж. (2004). *Избранное: Персонализм*. Москва: РОССПЭН.
- Лосев, А. Ф. (1978). *Эстетика Возрождения*. Москва: «Мысль».
- Лосев, А. Ф. (1990). Жизненный и творческий путь Платона. В А.Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1*. Москва: «Мысль».
- Лотман, Ю. М. (2010). Люди и знаки. В Ю. М. Лотман *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. СПб.: Искусство-СПБ.
- Лунев, А. П. & Карабущенко, П. Л. (ред.). (2017). Элиты. В *Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете. Материалы международного конгресса. 19-22 апреля 2017 г.*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».
- Лэш, К. (2002). *Восстание элит и предательство демократии*. Москва: Издательство «Логос», Издательство «Прогресс».
- Ортега-и-Гассет, Х. (2000). Восстание масс. В Х. Ортега-и-Гассет *Избранные труды* (стр. 43-163). Москва: Изд-во «Весь Мир».
- Платон (1990а). Горгий. В А. Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (стр.477-574). Москва: «Мысль».
- Платон (1990б). Менексен. В А. Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (стр. 142-157). Москва: «Мысль».
- Платон (1990в). Протагор. В А. Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (стр. 418-476). Москва: «Мысль».

- Платон (1990г). Феаг. В А. Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (стр. 112-124). Москва: «Мысль».
- Платон (1990д). Хармид. А. Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1* (стр. 341-371). Москва: «Мысль».
- Платон (1994). Государство В А. Ф. Лосев (ред.). *Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 3* (стр. 79-420). Москва: «Мысль».
- Подвойский, Л. Я. (2012). Платон и культура в свете философского знания. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2(31), 217-226.
- Рудой, В. В. (ред.) (2013). *Элитология. В В. В. Рудой (ред.). Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС.
- Таранов, П.С. (2006). *Секреты поведения людей.* Москва: ФАИР-ПРЕСС.
- Шутов, А. Ю. (ред.) (2016). *Элитология. В Элитология и стратегии развития современной России. Второй всероссийский элитологический конгресс с международным участием, 21-22.10.2016, Ростов-на-Дону.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Шутов, А. Ю., Локота, О.В. & Понеделков А. В. (ред.). (2019). *Элитология. В Российской элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира: материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15-16 февраля 2019 г..* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУРАНХиГС.

References

- “I really don't like the elite ...” (2008). Interview with Gennady Konstantinovich Ashin. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XI (1), 11-30. (In Russian)
- Aristotle (1983). Politics. In A.I.Dovatur (ed.). *Aristotle. Works: In 4 volumes. Volume 4.* (pp. 376-644). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Ashin, G.K. & Karabuschenko, P.L. (2000). Manifesto of elitology. *Elitological Studies*, (1-2), 4-10. (In Russian)
- Ashin, G.K. (2004). Philosophical component of elitology. *Philosophy Questions*, (7), 60-72. (In Russian)
- Ashin, G.K. (2005). The concept of "elite" and its role in political studies. *Philosophical Sciences*, (7), 23-44. (In Russian)
- Ashin, G.K. (2010). *Elitology: history, theory, modernity: monograph.* Moscow: MGIMO (U). (In Russian)
- Balyazin, V. (2007). *Unofficial history of Russia. T.10. The secret life of Alexander I.* Moscow: Olma Media Group. (In Russian)
- Bell, D. (1999). *The coming post-industrial society. Social forecasting experience.* Moscow: Academia. (In Russian)

- Berdyaev, N.A. (1994). The meaning of creativity. In N.A. Berdyaev *Philosophy of Creativity, Culture and Art. - In 2 volumes. Vol. 1.* (pp. 37-341). Moscow: "Art". (In Russian)
- Berdyaev, N.A. (1995). *The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar*. Moscow: "Republic". (In Russian)
- Gainutdinova, E.V. (2010). Goal-setting as a mechanism for the formation of an integral personality in the development of modern society. *Caspian region: politics, economics, culture*, (4), 105-111. (In Russian)
- Karabuschenko, P. L. (2020a). *Elitology of Plato (ancient aspects of the philosophy of being chosen)*. Moscow: INFRA-M. (In Russian)
- Karabuschenko, P. L. (2020b). *Anthropological elitology*. Moscow: INFRA-M. (In Russian)
- Karabuschenko, P.L. (2004). Philosophical aspects of modern elitological science. In *Issues in Elitology: philosophy, culture, politics T. 1.* (pp. 14-25). Astrakhan. (In Russian)
- Karabuschenko, P.L. (2013). The "elite" phenomenon in the ontological and epistemological aspects. In V. V. Rudoy (ed.). *Elitology of Russia: current state and development prospects: materials of the First All-Russian Elitological Congress with International Participation, 7-8.10.2013, Rostov-on-Don. Vol. 1* (pp. 385-401). Rostov-on-Don.: Publishing house of JURIF RANEPa. (In Russian)
- Karabuschenko, P.L. (ed.) (2013). Elitology. In P. L. Karabuschenko (ed.). *Elitology: An Encyclopedic Dictionary*. Moscow: "Econ-inform". (In Russian)
- Kolesnik, N.V. & Tev, D.B. (2009). Elite Biography: Possibilities of Socio-Structural Analysis. *Sociological Research*, (6), 76-84. (In Russian)
- Lacroix, J. (2004). *Favorites: Personalism*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Lash, K. (2002). *Rise of elites and betrayal of democracy*. Moscow: Publishing house "Logos", Publishing house "Progress". (In Russian)
- Losev, A.F. (1978). *Renaissance aesthetics*. Moscow: "Thought". (In Russian)
- Losev, A.F. (1990). Life and creative path of Plato. In A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes: Vol. 1*. Moscow: "Thought". (In Russian)
- Lotman, Yu.M. (2010). People and signs. In Yu. M. Lotman *Semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles. Research. Notes*. SPb.: Art-SPB. (In Russian)
- Lunev, A. P. & Karabuschenko, P. L. (ed.). (2017). Elites. In *Elites and Leaders: Formation Strategies in the Modern University. Materials of the international congress. April 19-22, 2017*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. (In Russian)
- Ortega y Gasset, H. (2000). Revolt of the masses. In H. Ortega y Gasset *Selected Works* (pp. 43-163). Moscow: Publishing house "Ves Mir". (In Russian)

- Plato (1990). Theagus. In A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1* (pp. 112-124). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Plato (1990a). Gorgias. In A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1* (pp. 477-574). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Plato (1990b). Menexen. In A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1* (pp. 142-157). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Plato (1990c). Protagoras. In A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1* (pp. 418-476). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Plato (1990d). Charmid. A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 1* (pp. 341-371). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Plato (1994). State In A.F. Losev (ed.). *Plato. Collected works in 4 volumes. Volume 3* (pp. 79-420). Moscow: "Thought". (In Russian)
- Podvoisky, L. Ya. (2012). Plato and culture in the light of philosophical knowledge. *Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (31), 217-226. (In Russian)
- Rudoy, V.V. (ed.) (2013). Elitology. In V.V. Rudoy (ed.). *Elitology of Russia: current state and development prospects: materials of the First All-Russian Elitological Congress with international participation*. Rostov-on-Don: Publishing house of the Law Institute of RANEPa. (In Russian)
- Shutov, A. Yu. (Ed.) (2016). Elitology. In *Elitology and Development Strategies of Modern Russia. The Second All-Russian Elitological Congress with International Participation, 21-22.10.2016, Rostov-on-Don*. Rostov-on-Don: YURIU RANEPa Publishing House. (In Russian)
- Shutov, A. Yu., Lokota, O. V. & Ponedelkov A.V. (ed.). (2019). Elitology. In *Russian elitology: innovative responses to the challenges of the modern world: materials of the Third All-Russian elitological congress with international participation on February 15-16, 2019*. Rostov-on-Don: Publishing house of YURIURANHiGS. (In Russian)
- Taranov, P.S. (2006). *Secrets of human behavior*. Moscow: FAIR-PRESS. (In Russian)

THE PHILOSOPHY OF LOVE AND PERFECTION OF V.S. SOLOVIEV

Leonid Ya. Podvoisky (a)

(a) Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. Email: leonid.podv[at]gmail.com

Abstract

The creative work of an outstanding Russian philosopher of the second half of the XIX-th century. V.S. Solovyov (1853-1900) became a significant milestone in the development of all Russian philosophical thought. Before Solovyov we were dealing only with separate philosophical concepts, while in his work we first acquire a full-fledged philosophical system on Russian soil. Soloviev's system is an attempt to create a religious philosophy that synthesizes science, philosophy and religion. The concept of "Sophia" in its broad meaning is central to Soloviev's philosophy. It has all-encompassing implications for the entire world. An important constituent (pivotal) part of this philosophical system is the philosophy of love (which he learned from Plato). At the center of this "core" is his teaching about Sophia in its narrow meaning, as the qualitative perfection of our world.

The aim of our research is to reveal the philosophy of love of Solovyov through the analysis of his elitological categories, the main of which is the category of perfection. It is through the development of these categories that the philosopher expresses his elite doctrine. But it remained for everyone in a latent form due to the fact that elitology itself (as a complex science that studies the phenomenon of elite and eliteness) did not yet exist in his time.

The author has only partially touched on this problem in the given article understanding that it is simply impossible to carry out this task within the framework of one article.

Keywords

philosophy; love; perfection; Sofia; blessing; total unity; personality; creativity; elitism; elitology.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ И СОВЕРШЕНСТВА В.С. СОЛОВЬЕВА

Подвойский Леонид Яковлевич (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
Email: leonid.podv[at]gmail.com

Аннотация

Творчество выдающегося русского философа второй половины XIX в. Владимира Сергеевича Соловьева (1853 – 1900) стало заметной вехой в развитии всей отечественной философской мысли. До В.С. Соловьева мы имеем дело лишь с отдельными (разрозненными) философскими концепциями, тогда как в его творчестве мы впервые обретаем на русской почве полноценную философскую систему. Система Соловьева представляет собой попытку создать религиозную философию, синтезирующую науку, философию и религию. Понятие «София» в его широком значении занимает центральное место в философии Соловьева. Оно обладает всеохватывающими значениями для всего мира. Важной составной (стержневой) частью этой философской системы является философия любви (почерпнутая им у Платона). В центре этого «стержня» выступает его учение о Софии в его узком значении, как качественном совершенстве нашего мира.

Целью нашего исследования является раскрытие философии любви В.С. Соловьева посредством анализа его элитологических категорий, главной из которых является категория совершенства. Именно посредством развития этих категорий философ и выражает свое элитологическое учение. Но оно осталось для всех в скрытой форме по причине того, что самой элитологии (как комплексной науки, изучающей феномен элиты и элитности) в его время еще не существовало. В настоящее время исследователям его творчества приходится переводить многие его мысли с общеполитического языка на элитологический язык, для того, чтобы понять заключенный в них смысл.

В настоящей работе автор лишь отчасти коснулся этой проблемы, прекрасно понимая, что осуществить эту задачу в рамках одной статьи просто невозможно. Здесь намечен только общий план исследования творчества В.С. Соловьева с точки зрения элитологической дисциплины. И автор надеется в дальнейшем углубить и расширить этот взгляд на проблему элитности отечественной философской мысли.

Ключевые слова

философия; любовь; совершенство; София; благо; всеединство; личность; творчество; элитология

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Сергеевич Соловьев – первый русский профессиональный философ, значение которого в духовно-культурном развитии России вышло далеко за ее пределы. В своем оригинальном учении он стремился к целостному синтезу философии, теологии и положительной науки. Его философско-религиозное творчество своеобразно и неповторимо в истории философии

История становления и совершенствования личности великого русского философа В.С. Соловьева представляет для нас уникальный элитологический опыт. В этом опыте мы видим генезис выдающейся (элитной) личности, сыгравшей заметную роль в деле духовного взросления России. По этому поводу предельно точно высказался один из самых ярких исследователей его творчества А.Ф. Лосев, который в частности отметил, что «Вл. Соловьев — это крупнейшая фигура русской философии, публицистики и поэзии второй половины XIX в. ...его изучение представляет огромные трудности ввиду чрезвычайной сложности и многогранности его творческой натуры. Первое и основное, что бросается в глаза при изучении Вл. Соловьева, — большое духовное беспокойство, заставляющее его болезненно чувствовать шаткость и обреченность старого мира. Он предчувствовал наступление мировых событий катастрофического характера; и это предчувствие было у него настолько глубоко и не выразимо обычным прозаическим языком, что он в конце концов заговорил в пророческих тонах и стал изображать наступление конца истории в духе чистейшей мифологии. Поэтому, ...Вл. Соловьев и является для нас в первую очередь предметом академического изучения» (Лосев, 1994).

Именно посредством анализа творческих основ таких личностей, современная элитология получает возможность найти общий алгоритм совершенства своей духовности, постоянно корректировать вектор своего культурного развития, поддерживать необходимую для выживания и процветания планку интеллектуального качества.

МЕТОДОЛОГИЯ

В связи с вышеизложенной актуальностью, *предметом* настоящей работы у нас будет проблема совершенства, а в качестве *объекта* выступать анализ философии любви В.С. Соловьева. В качестве основной *задачи* автор ставит выяснение смыслового содержания категории совершенства в философии любви В.С. Соловьева. В качестве общей рабочей *гипотезы* может служить тезис о том, что важнейшим источником совершенства по В.С. Соловьеву, является София, позна-

ние которой открывает пред человеком воистину сверхчеловеческие возможности. Последнее помогает нам приоткрыть завесу тайны самой личности выдающегося мыслителя, относящегося к числу элитных умов. Основной *целью* настоящего исследования – показать единство философии любви В.С. Соловьева и его идей о совершенстве и прогрессе нашего мира.

Поскольку сам В.С. Соловьев был диалектиком и платоником, то нам не представляется возможным обойти эти константы и не применить их в своем собственном исследовании. Поэтому в качестве главного метода анализа творчества В.С. Соловьева у нас будет метод диалектики, а также базовые принципы развитые и применяемые в историографических исследованиях.

В настоящем исследовании автором ссылается упор на работы отечественных авторов, посвященных творческому наследию В.С. Соловьева (С.Н. Трубецкой, А.Ф. Лосев, А.В. Гулыга, и др.). В статье использованы материалы биографического и историографического характера, помогающие нам проникнуть в творческую мастерскую великого мыслителя. Сам автор неоднократно высказывался по данному вопросу, и настоящая работа является продолжением его прежних исследований.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Всей своей жизнью Владимир Сергеевич Соловьев продемонстрировал нам пример зрелой элитности, задал стандарты профессиональной компетентности в философском сообществе, установил нормы качества творчества. Сам он всегда и всюду стремился достичь абсолюта в решении поставленных перед ним задач. Абсолют для него и означал некий «предел», некое «завершенность» возможного совершенства. Нам сегодня лишь остается по возможности трактовать его мысли и пытаться разгадать его замыслы, относительно того, что прямо им сказано не было, но что имелось им в виду под тем или иным его тезисом. Тема элитности в его трудах открыто не звучит, но она передается им посредством таких категорий, как «благо», «абсолют», «совершенство», «любовь», «мудрость», «качество». Добавить к этому еще платонизм и диалектику, и перед нами будет вполне полная картина духовного мира этой великой личности. Анализом этого его наследия и занимается философская элитология.

Так, в чем заключается элитность и элитарность этой личности?

Один только перечень учеников и последователей В.С. Соловьева заставляет смолкнуть всех критиков, сомневающихся во влиянии его идей на последующее развитие отечественной философской мысли. В

этом перечне мы найдем имена всех ведущих российских (Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский и др.) и даже советских (В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев и др.) мыслителей. Оригинальность и глубина философской мысли В.С. Соловьева ставит его в один ряд с ведущими мировыми философами, что придает его элитности (реализованному внутреннему достоинству) уже элитарный (общепризнанный) характер.

ЭЛИТОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ

Историки русской философии отмечают один примечательный факт – то, что по материнской линии В.С. Соловьев был отдаленным родственником украинского философа Г.С. Сковороды. Его мать, Поликсена Владимировна (? – 1909) принадлежала к дворянской семье Романовых, имевшей польские и казацкие (малороссийские) корни. Она родила 12 детей, самым знаменитым из которых стал четвертый ребенок – Владимир. Известный русский и украинский философ Г.С. Сковорода приходился Владимиру Сергеевичу двоюродным прадедом (Соловьев, 1993). Как видим, родство очень отдаленное, но, тем не менее, сам по себе факт заслуживает внимания и вообще, и особенно в контексте нашей статьи.

Известно, что многие исследователи называли замечательного мыслителя XVIII в. Григория Саввича Сковороду (1722—1794) «русским Сократом». Примечательно, что это название не есть их «изобретение». Он и сам любил себя так называть. Об этом свидетельствует видный отечественный (русский и советский) философ А.Ф. Лосев. Он писал, что «философ из народа» любил сравнивать себя с Сократом, и в самом деле Сковорода во многом напоминает собою древнегреческого мудреца, причем, как по учению, так и по жизни. Жалко только, что русский Сократ не нашел себе своего Платона, какой был у Сократа древнего мира.

По сути дела, так оно и было. Но надо иметь в виду, что практически любая сформировавшаяся философская система (не говоря уже о крупных системах), не есть некое духовно-культурное явление, существующее только «здесь-и-сейчас». Она продолжает жить и в более или менее отдаленном будущем. А есть системы, такие как платонизм, например, которые раз появившись, навсегда становятся культурно-духовным достоянием человечества. Достоянием, которое на протяжении многих столетий исследуется представителями самых разных философских школ и течений. Нет сомнения в том, что так было, так есть, так будет и впредь.

Философская система, как правило, всегда существует и развивается в пространственно-временном континууме, в котором порой она может уходить в тень, а потом неожиданно возникать и выходить на авансцену. То же происходит и с последователями этих философских систем. Они могут обнаруживать себя через значительные промежутки времени, не всегда отдавая себе отчет в этом. И может так случиться, что два философа, не связанные друг с другом напрямую, через десятки лет могут оказаться на одной волне, будучи связаны какой-то внутренней духовной традицией.

На наш взгляд, так произошло и в ситуации с двумя платониками – Г.С. Сковородой и В.С. Соловьевым. Заметим, что на некоторую духовную связь между ними обратил внимание В.Ф. Эрн в работе «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение»: «С принципом целостности, выставленным Сковородой, связана в русской мысли глубокая черта пренебрежительного отношения к кабинетному, отвлеченному знанию и постоянный протест против идола научности. В этом одинаково сходятся славянофильство, Соловьев и Толстой... Его (Г.С. Сковороды – Л.П.) гностицизм возрождается у Соловьева; его близорукость в понимании сущности зла расцветает теократическим искушением, которое с такою властью чаровало мысль Соловьева до конца 90-х годов» (Эрн, 2000, стр. 587-589).

За острый философский ум и озабоченность судьбой мира, России, а также и ее граждан, В.С. Соловьева уже при жизни уважительно называли «русским Платоном» или «русским Оригеном». Заметим, что В.С. Соловьев, из скромности своей, никогда сам себя так не именовал, хотя, надо полагать, цену себе знал. В то же время, он иногда высказывал сомнения и даже разочарования в самом себе, в своем творчестве, в том, что вышло из-под его пера. Ярким примером этого является его самооценка своей работы «Смысл любви», которую он называл «размазней, кашей поганой и мерзостыней». Сурово и несправедливо, хочется подчеркнуть.

На основании изложенного выше, мы вполне можем сделать такое допущение: у Г.С. Сковороды все-таки нашелся «свой Платон» в лице В.С. Соловьева. Понимаем, что здесь есть определенная натяжка, но хочется полагать, что это отнюдь не случайно, что здесь можно усмотреть некую закономерность (Подвойский, 2007).

Хорошо известно, что в эволюции своей личности В.С. Соловьев прошел через стадию «воинствующего атеизма»: «В 13 лет он признается Н. И. Карееву, что не верит больше в мощи. В 14 лет перестает ходить в церковь; в течение четырех лет предается самому крайнему

отрицанию, самому яростному атеизму. Он писал впоследствии (в 1896 г.):

«Будучи с детства занят религиозными предметами, я в возрасте от 14 до 18 лет прошел через различные фазы теоретического и практического отрицания».

Теоретически — он изучал «все учения, подрывавшие доверие к истине христианства»; практически — «предавался иконоборчеству». Величко рассказывает, как однажды «после вечера, проведенного в горячих рассуждениях с единомышленными товарищами, Соловьев сорвал со стены своей комнаты и выкинул в сад образа, бывшие свидетелями стольких жарких детских его молитв» (Мочульский, 1936). В это время он считал за окончательную истину материализм. Тем более удивительно его перерождение от «типичного нигилиста» и «коммуниста» в религиозного философа.

Весь строй мысли В.С. Соловьева отличался напором ясного смысла и убедительности. А.Ф. Лосев в этой связи отмечал, что «Написание и защиту диссертации 21-летним молодым человеком надо считать чем-то удивительным и поразительным даже для тех времен, когда диссертации хотя и содержали всего несколько десятков страниц и почти не имели научного аппарата, но зато должны были опираться на твердо обоснованную собственную теорию. Эта работа молодого Соловьева ярко свидетельствует о необычайном напоре, а также о простоте и ясности его философского мышления, о его убедительности и очевидности, соперничавших с его глубиной и широтой исторического горизонта» (Лосев, 1994). По мнению А.Ф. Лосева, уже в этом раннем опыте мы видим основания для развития будущей выдающейся исторической личности.

Следующий эпизод из его биографии еще больше убеждает нас в этом.

Летом 1875 г. Владимир Сергеевич уезжает в Англию, работать в Британский Музей, где усиленно занимался изучением Каббалы. Но уже через пару месяцев он неожиданно покидает Туманный Альбион и устремляется в Египет. «Официальным поводом для этой поездки, оставшейся и ныне достаточно загадочной, была необходимость изучить некоторые материалы в Египте... Сам Соловьев в известном стихотворении «Три свидания» объясняет свою внезапную поездку в Египет «таинственным зовом Софии»... Через несколько месяцев Соловьев возвращается в Европу и летом 1876 г. был уже в Москве» (Зеньковский, 1991, стр. 13). Известно, что в Египте он искал встречу

с новым мистическим озарением. Но вместо этого нарвался на неприятное приключение с бедуинами, которые его ограбили и избили, приняв его европейское платье (цилиндр и пальто) за дьявольский наряд (Лосский, 1991, стр. 113).

В поэме «Три свидания» (1898 г.) В.С. Соловьев описывает события, которые с ним произошли в 1862, 1875 и 1876 гг. (последовательно, в Москве, в Лондоне и в Египте) – три свидания, три мистических видения образа Вечной Женственности, Софии:

«Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества...
...Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества.
Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев!»

Имея в виду эту поэму, В.Ф. Эрн подчеркивал: «Соловьева можно назвать *философом вечной женственности*, до такой степени мистическое содержание "Трех свиданий" лежит в основе всего философского дела и есть скрытый фундамент не только его эротики, эстетики и позиции, но и *гносеологии, метафизики* и катастрофических "Трех разговоров"» (Эрн, 2000, стр.588-589).

Именно София (Душа Мира) стала основной идеей его религиозной философии. Он понимал ее как мистическое космическое существо, объединяющее Бога с земным миром.

В юношеских устремлениях будущего философа были идеи совершенствования мира, усовершенствования всего человеческого рода. В письме к кузине (1873 г.) В.С. Соловьев делился своими заветными мыслями:

«Я ... так же уверен, как в своем существовании, что истина, мною сознанная, рано или поздно будет... сознана всеми, и тогда своею внутреннею силою преобразит она весь этот мир лжи, навсегда ... уничтожит всю неправду и зло жизни личной и общественной, ... ту бездну тьмы, грязи и крови, в которой до сих пор бьется человечество... и во всей своей славе явится царство Божие — царство внутренних духовных отношений, царство чистой любви и радости — новое небо и новая земля...» (Соловьев, 1911б, Т.3, стр. 84-85).

И для этого у него были веские основания — у него был первый опыт встреч с Софией.

Многие биографы философа отмечают, что его учение о Софии имело жизненно-практический опыт. «Мистическая основа всей философии Соловьева — его учение о Софии; многим оно представляется искусственной и рассудочной попыткой соединения западноевропейской теософии с восточным православием. Соловьева нередко считают гностиком и теософом, учившимся «мистике» у Якова Бёме, Пордэджа и Парацельса. Между тем несомненно, что в основе его социологии лежит мистический опыт. Учение его вышло не из книг, а из подлинного жизненного переживания» (Мочульский, 1936). Именно исходя из этого опыта, он и конструировал свои собственные философские схемы.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ В.С. СОЛОВЬЕВА

Известно, что секрет великой исторической личности всегда уходит в исследования особенностей ее творчества. Это правило наглядно видно на примере истории жизни и творчества В.С. Соловьева, которые невозможно разделить, поскольку вся жизнь этого великого человека была одним сплошным творческим актом.

При изучении жизненной и творческой биографии В.С. Соловьева наше внимание привлекло одно любопытное обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания. Это число «3», которое сопровождает его всю жизнь. Попробуем кратко проследить этот факт.

Начнем с того, что, окончив в 1869 году курс первой московской гимназии с золотой медалью, поступил на физико-математический курс Московского университета, на отделение естественных наук; с 3 курса перешел вольнослушатели историко-филологического факультета; в 1873 году выдержал кандидатский экзамен, после чего пробыл один год вольнослушателем в Московской духовной академии. Как видим, молодой человек находится в постоянном поиске.

В 1874 году в Санкт-Петербургском университете он получил степень магистра философии. После защиты работы на тему «Кризис западной философии» был избран штатным доцентом философии в Московском университете. В 1877 году, т.е., через 3 года после получения степени магистра философии В.С. Соловьев оставил Московский университет и был назначен членом ученого комитета Министерства народного просвещения.

Как видим, число «3» в его биографии явно присутствует. К тому же и год рождения (1853) и день смерти (31 июля) связаны с этим числом.

И еще один факт в этом контексте. 8 января 1900 года В.С. Соловьев был избран академиком Академии наук по разряду изящной словесности отделения русского языка и словесности с квалификацией «философ, публицист, поэт». Опять число «3»!

Еще больше число «3» фигурирует и в его творческой жизни, и в оценках его учения исследователями. Примеров этому довольно много. Мы не претендуем на полное освещение всех этих моментов, но проделанная нами работа в этом направлении предоставляет интересный, на наш взгляд, материал.

Хотелось бы заметить, что вряд ли это случайное совпадение. Скорее всего, В.С. Соловьев, да и не только он один, исходит из того, что число «3» обладает каким-то притягательной силой. Не случайно это проявляется в обыденной жизни, в культуре, в религии. Возьмем для примера религию.

Как известно, большинство великих религий мира основано на святой Троице: Брами, Вишну и Шива у индусов; Отец, Сын и Святой Дух у христиан. Именно в Троице всегда объединялись Высшие божества всех культур. Потому Триада в целом ряде традиций квалифицируется как образ абсолютного совершенства и превосходства, как основная константа мифопоэтического макрокосмоса и социальной организации. Эта тенденция прослеживается с древности. В особенности это нашло отражение в христианской: «Бог троицу любит».

Три ипостаси – это догмат Троицы, потому число «3» – священное число Христианства. В Библии говорится о трех дарах волхвов Христу как Богу, Царю и Искупительной Жертве, о трех образах Преображения, о трех искушениях, о трех отречениях Петра, о трех крестах на Голгофе, о трех днях смерти Христа, о трех явлениях после смерти, о трех качествах или богословских добродетелях: Вере, Надежде, Любви.

К тому же церковь различает три области потустороннего мира: рай, ад и чистилище; в церковной архитектуре мы имеем трехстворчатое окно, а в христианской живописи трилистник или треугольник тоже символизирует Троицу.

Относительно использования числа «3» в философских исследованиях В.С. Соловьева ярким примером может служить его труд «Оправдание добра». Кратко проанализируем оглавление, подробно и тщательно им представленное. Уже из оглавления хорошо видно, что

в этом труде автор намерен рассматривать категории любви и совершенства

Глава первая. *«Первичные начала нравственности»*. В.С. Соловьев выделяет *три* первичные данные нравственности: 1) чувство стыда как естественный корень нравственности; 2) жалость или симпатическое чувство как индивидуально душевный корень должных социальных отношений; 3) благоговение или благочестие как должное отношение человека к высшему началу и составляющее индивидуально-душевный корень религии (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 51-52).

Глава вторая. *«Аскетическое начало в нравственности»*. Три главных момента в борьбе духа с плотью: 1) внутренней саморазличение духа от плоти; 2) действительное отстаивание духом своей независимости; 3) явное преобладание духа над плотью, или упразднение дурного плотского начала (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 53).

Глава пятая. *«О добродетелях»*. Три общие момента нравственности: 1) *добродетель* (в тесном смысле – как хорошее естественное качество); 2) *норма*, или правило, добрых поступков; 3) нравственное *благо*, как их следствие (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 56). Так называемые «богословские добродетели» обладают нравственным достоинством не сами по себе, безусловно, а лишь в зависимости от других данных. Вера есть добродетель лишь под тремя условиями: 1) действительности ее предмета; 2) его достоинства; 3) достойного отношения веры к действительному и достойному предмету (Соловьев, 1988, Т.1, с.57).

Глава восьмая. *«Безусловное начало нравственности»*. Три вида совершенства: 1) безусловно сущее (лат. *actushurus* – чистая осуществленность) – в Боге; 2) потенциальное – в душе; 3) действительно-становящееся – во всемирно-историческом процессе (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 62).

Глава девятая. *«Действительность нравственного порядка»*. Положительное единство всемирного процесса с трех сторон: 1) низшие царства входят в нравственный порядок как необходимое условие его осуществления; 2) каждое низшее обнаруживает тяготение к своему высшему; 3) каждое высшее физически (и психологически) вбирает в себя низшее (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 64).

Глава одиннадцатая. *«Историческое развитие лично-общественного сознания в его главных эпохах»*. Три относительные и аналогичные между собой неправды (аномалии) являемого мира: психологическая (подчинение разума страстям), социальная (подчинение мудреца толпе), физическая (подчинение живой органической формы

неорганическим силам вещества в смерти) (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 67).

Намечена сравнительная оценка *трех* мировоззрений: буддизма, платонизма и христианства (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 67).

Глава двенадцатая. «*Отвлеченный субъективизм в нравственности*». Три вида человеческой полноправности, ложно понимаемых как привилегия: одного (восточные деспотии), немногих (классические аристократии), многих (демократии). И *три* главные аномалии древнего общества: 1) отрицание человеческого достоинства у внешних врагов, у рабов, у преступников; 2) успехи нравственно-общественного сознания в древнем мире; 3) безусловное утверждение человеческого достоинства в христианстве (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 68).

Глава четырнадцатая. «*Национальный вопрос с нравственной точки зрения*». Зло собирательное в виде *троякого* безнравственного отношения: между различными народами, между обществом и преступником, между различными общественными классами (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 68).

Глава шестнадцатая. «*Экономические вопросы с нравственной точки зрения*». Главные условия, при которых человеческие отношения в области материального труда становятся нравственными: 1) вещественное богатство не должно признаваться самостоятельной целью хозяйственной деятельности человека; 2) производство не должно совершаться на счет человеческого достоинства производителей; 3) должны быть признаны обязанности человека к земле.

Оценка *троякого* отношения человека к материальной природе: 1) подчинение ей; 2) борьба с ней и эксплуатация ее; 3) ухаживание за ней для себя и для нее (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 71).

Глава семнадцатая. «*Нравственность и право*». Различия между нравственностью и правом: 1) неограниченность чисто нравственного и ограниченность правового требования, - в этом отношении право есть низший предел, или *определенный минимум* нравственности; 2) право требует главным образом объективной *реализации* этого минимального добра, или действительного устранения известной доли зла; 3) в этой реализации право допускает *принуждение* (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 72).

Глава восемнадцатая. «*Смысл войны*». В вопросе о войне заключаются *три* вопроса: обще-нравственный, исторический и лично-нравственный (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 73). В истории новых времен важное значение для вопроса о войне *трех* общих фактов: 1) обособления большинства народностей в самостоятельные политические це-

лые, или «совершенные тела»; 2) развитие международных связей разного рода; 3) реальное распространение культурного европейского единства на весь земной шар (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 74).

Глава девятнадцатая. *«Нравственная организация человечества в ее целом»*. Обращая внимание на то, что достижение нравственной солидарности человечества христианство поставило в качестве исторической задачи сознательного и вольного совершенствования всех в едином Добре, В.С. Соловьев подчеркивает, что настоящий субъект совершенствования - это единый человек совместно и нераздельно с человеком собирательным. Он выделяет *три* пребывающие воплощения совершенствующегося субъекта, или *три* естественные группы, действительно восполняющие личную жизнь: 1) семья, 2) отечество, 3) человечество. Этому в историческом порядке соответствуют ступени: 1) родовая, 2) народно-политическая, 3) духовно-вселенская. Природная связь трех поколений (деды, родители, дети) должна быть превращена в безусловно-нравственную через одухотворение 1) семейной религии, 2) брака и 3) воспитания.

Брак, по В.С. Соловьеву, соединяет человека с Богом через настоящее, как религия дедов – через прошедшее. В истинном браке естественная половая любовь не уничтожается, а пресуществляется. Для нравственной задачи этого пресуществления необходимыми данными служат естественные элементы полового отношения: 1) плотское влечение, 2) влюбленность, 3) деторождение (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 75).

Говоря о личных представителях нравственной организации человечества, В.С. Соловьев выделяет *три* высших служения: 1) первосвященническое, 2) царское, 3) пророческое (Соловьев, 1988, Т.1, стр. 78).

Как видим, тройное деление/членение имеет место быть в 12-ти главах из 19-ти, что составляет 2/3.

Схематично концепция В.С. Соловьева, по его представлению, выглядит следующим образом: «1. Есть всеединое первоначало всего существующего. 2. Это всеединое первоначало в своей проявляемой действительности, которую мы познаем в области нашего опыта, представляет несомненно духовный характер. 3. Эта духовная действительность принадлежит первоначалу независимо от нашего сознания и перее его» (Баландин, 2001, стр. 290).

Интересно, что число «3» В.С. Соловьев использует даже в названиях поэтических произведений: поэма «Три свидания» и стихотворение «Три подвига». А еще есть статья «Три разговора о войне,

прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе».

Теперь приведем примеры использования числа «3» некоторыми исследователями личности и особенно творчества В.С. Соловьева.

Например, А.Ф. Лосев в предисловии к своей книге «Вл. Соловьев» считает необходимым упомянуть о *трех* вопросах, которые касаются Вл. Соловьева как личности и как философа. Коротко это выглядит следующим образом.

Первый вопрос заключается в том, что при трезвом общественно-политическом подходе к В.С. Соловьеву никак нельзя пройти мимо его диалектики. Конечно, это диалектика идеалистическая. Но ведь и у Гегеля тоже идеалистическая диалектика, которую марксизм поставил с головы на ноги. Думается, что замечательная соловьевская диалектика всеединства, как и гегелевская, тоже заслуживает постановки с головы на ноги.

Второй вопрос – это вопрос о внутренней настроенности В.С. Соловьева как философа. А.Ф. Лосев решительно возражает против мнения, что Вл. Соловьев внутренне как будто был настроен прогрессивно, но объективно-исторически его философия была вполне реакционной. Тот прогресс, который проповедовался на Западе и процветал в эпоху Просвещения, был чужд В.С. Соловьеву, поскольку этот прогресс был буржуазно-капиталистическим. Считая это прогресс объективно-исторической необходимостью для человеческого развития, В.С. Соловьев мечтал о совсем другом прогрессе, который основывался на цельном знании и цельном человеке. Тщательное исследование, подчеркивает А.Ф. Лосев, соловьевский прогресс не имел ничего общего ни с западничеством, ни со славянофильством. Новый человек мыслился В.С. Соловьеву настолько новым, что можно назвать его взгляды в этой области утопическими. Конечно, такая утопия – это еще не революция. Но если подойти к делу общественно-политически, то этот утопизм есть мечта об изменении общества.

Третий вопрос касается личности В.С. Соловьева и его интимной настроенности в проведении своих идей, особенно в самом конце жизни. Время тяжелой реакции, в которое он жил, разрушило всю его утопическую настроенность относительно слияния церковной и светской власти в одно нераздельное целое. Но у В.С. Соловьева была мечта о России, которая (мечта) принимала разные формы, и которая осталась у него единственно непоколебимой. У него была своя Россия, не восточная и не западная, не объективистская и не субъективистская, не узконациональная, но и не широко космополитическая, а, как он писал, «семья народов». По мнению А.Ф. Лосева, последней

мечтой В.С. Соловьева было равновесие субъективной и объективной жизни и равновесие национального и интернационального, а отсюда и мировая роль России (Лосев, 1994, стр. 5-7).

По мнению С.А. Левицкого, развитие учения В.С. Соловьева можно условно разделить на три периода: 1) «теософский», 2) «теократический», 3) «разочарование в теократии». В течение первого периода были сформулированы основные начала своего философского кредо. В этот же период была развита славянофильская идея о преимущественно религиозном призвании России. Во время второго периода он активно проповедует соединение церквей при подчинении православия римскому престолу и порывает со славянофилами. Тогда же Соловьев разработал план «вселенской теократии», основанный на подчинении государства церкви. Третий период, приходящийся на последние годы жизни, характеризуется кризисом и разочарованием в теократии, как в утопии (Левицкий, 1996, стр. 199-198).

Еще один из исследователей философии В.С. Соловьева А.В. Гулыга в результате прочтения 28 писем Соловьева к Кате Романовой обратил внимание на то, что философ в этих письмах подчеркивает, что существующий порядок вещей многих не удовлетворяет. Но есть три типа отношения к этому. Одни, хотя и понимают, что все не так, как должно быть, считают возможным и удобным приноровиться к существующему. Другие довольствуются бессильным презрением и ненавистью к существующей действительности, живут, проклиная ее. Третьи стремятся преобразовать мир. К ним и причисляет себя Соловьев (Гулыга, 2003, стр. 130).

А.В. Гулыга отмечает, что в работе В.С. Соловьева «Философские начала цельного знания» речь идет о трех типах философии. Первый ограничивается познанием внешних явлений, второй возводит понятие, мысль в единственную подлинную реальность, третий охватывает не только знание, но и более высокие потенции души – нравственное и художественное чувство (симпатии Соловьева принадлежат этому виду). Цельное знание, замечает А.В. Гулыга, представляет собой синтез трех разновидностей философствования и состоит, по мнению В.С. Соловьева, из трех частей любой традиционной системы философии – логики, метафизики, этики (Гулыга, 2003, стр. 139).

СОФИЯ

Тема совершенства передается в философском наследии В.С. Соловьева через раскрытие сущности феномена Софии. Встреча с этой сверхреальностью коренным образом изменила жизнь Философа и

нашла отражение в его философском наследии. Мы вправе предположить, что именно философский анализ этого пережитого им мистического опыта, и сформировал стиль и характер его философского мировоззрения (Подвойский, 2003).

Уже в самом его определении сущности мы видим следы присутствия этого уникального опыта: «Первое отношение сущего к сущности или первое определение бытия мы имеем как волю. Но, полагая своею волей сущность как свое другое, сущее различает ее не только от себя как такового, но и от своей воли. Чтобы сущий мог хотеть этого другого, оно должно быть известным образом ему дано..., т.е. представляться им или ему. Таким образом, сущность определяет бытие сущего не только как волю, но и как представление. Это представление есть его самопредставление, так как и представляемая сущность есть его собственная сущность... Сущность не может быть предметом воли сущего, не будучи им представляема» (Соловьев, 1901, Т.1, стр. 331-332).

Именно София является свидетельством существования высших смыслов, высших совершенных начал в нашем мире. Само совершенство нашего бытия как раз и заключается в ней самой. В.С. Соловьев полагал, что человек со-вечен Богу: в противном случае, полагает он, человека невозможно считать свободным и бессмертным существом. «Только при признании, что каждый действительный человек своею глубочайшею сущностью коренится в вечном божественном мире, что он есть не только видимое явление..., а вечное и особенное существо, необходимое и незаменимое звено в абсолютном целом, только при этом признании... можно разумно допустить две великие истины: ... человеческой свободы и человеческого бессмертия» (Соловьев, 1912, Т.3., стр. 117).

Исследователи отмечают, что «в «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев развертывает свой тезис о первичности воли, различая в Боге три Ипостаси, или трех субъектов бытия, имеющих единую сущность. Первый из них — субъект воли по преимуществу, второй — субъект представления, а третий — субъект чувства» (Гайденок, 2005). У В.С. Соловьева мы можем встретить следующую расшифровку этих высших смыслов: «Первый субъект представляет и чувствует, лишь поскольку хочет. Во втором, имеющем уже первого пред собою, преобладает объективный элемент представления, определяющая причина которого есть первый субъект: воля и чувство подчинены здесь представлению... Наконец, в третьем субъекте, имеющем уже за собою и непосредственно творческое бытие первого, и идеальное бытие второго, особенное или самостоятельное значение принад-

лежит только реальному или чувственному бытию: он представляет и хочет лишь поскольку ощущает. Первый субъект есть чистый дух, второй есть ум (nous), третий... может быть ... назван душою» (Соловьев, 1912, Т.3, стр. 100).

В.С. Соловьев утверждает, что «первая материя» определяется как влечение, стремление, хотение — сила, или мощь бытия, женственное начало в Боге. «Будучи в качестве божественной свободным субъектом, эта первая материя, София, или душа мира совершает, по Соловьеву, акт отпадения от Бога, поскольку желает обладать всей полнотой бытия от себя, т. е. утвердиться вне Бога» (Гайденок, 2005).

В результате она «ниспадает из всеединого средоточия Божественного бытия на множественную окружность творения, теряя свою свободу и свою власть над этим творением, ибо такую власть она имеет не от себя, а только как посредница между творением и Божеством, от которого она теперь в своем самоутверждении отделяется» (Соловьев, 1912, Т.3, стр. 131). София как первоматерия, становится центральным персонажем всего соловьевского теокосмического процесса. Для философа она есть женственное начало в Боге; она есть мировая душа; есть тело Христово, или идеальное человечество. София представляется ему истинной причиной творения и его цель.

Исследователями было замечено, что сам образ Софии у В.С. Соловьева двоятся: она представляется ему то как «Другое в Боге», как Божественная Премудрость, то — после ее мятежа и отпадения — как верховное начало природного мира, в своем падшем состоянии ставшее виновником и источником его несовершенства и зла (Гайденок, 2005, стр. 222). «Противоречия соловьевской космогонии, вообще обуславливаются невозможностью объединить в органическом синтезе христианское воззрение на мир с шеллингианской пантеистической гностикой, которая так или иначе делает Божество или божественный мир субъектом мирового процесса и, следовательно, виновником мирового зла» (Трубецкой, 1913, стр. 376).

В работе «Россия и вселенская церковь» В.С. Соловьев различает Софию как божественное начало, как Премудрость Божию, с одной стороны, и мировую душу как верховное начало материального мира, с другой. Мировая душа теперь понимается им как антипод Премудрости, являясь источником зла и хаоса, между тем как София — «лучезарное и небесное существо, отделенное от тьмы земной материи» (Соловьев, 1911, стр. 347).

«Что же касается души мира, то Соловьев, хотя и именуется ее «матерью внебожественного хаоса», но в то же время полностью с этим

хаосом не отождествляет: смысл мирового процесса философ видит в борьбе Божественного Слова-Логоса-Христа с адским началом за власть над мировой душой. Эта борьба и составляет подлинное содержание всемирной драмы, в которой решающая роль принадлежит Богочеловечеству» (Гайденоко, 2005, стр. 223).

Известно, что В.Н. Лосский выступил с критикой подобной оценки, указывая на то, что «учение о Логосе как о «посредстве» между Богом и тварным миром характерно для гностиков, отрицавших иноприродность Творца и творения, искавших именно « онтологического моста» между Богом и миром, связующего звена или цепи звеньев. Святоотеческая мысль никогда не видела в Логосе «посредства» между Богом и тварью, но учила о Богочеловеке, неслиянно соединившем в одном Лице совершенное Божество и совершенное человечество» (Лосский, 1936, стр. 20).

Судя по всему, встреча В.С. Соловьева с Софией означала некую пограничную ситуацию его бытия. Согласно В.С. Соловьеву, человек принадлежит к обоим мирам — и Божественному, и чувственному. В силу этого ему открыты оба эти мира. «Актом умственного созерцания он может и должен касаться мира божественного... В особенности же это положительное, хотя и неполное познание или проникновение в действительность божественного мира свойственно поэтическому творчеству» (Соловьев, Т.1, 1901, стр. 109).

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Хорошо известно, что тема любви была, можно сказать, сквозной как для поэтического, так и для философского творчества В.С. Соловьева. Замечательную мысль по поводу темы любви у В.С. Соловьева высказал А.Ф. Лосев. Приведя слова из книги Н.А. Бердяева «Философия свободы» о том, что «как ужасно, что философия перестала быть *объяснением в любви*, потеряла Эроса, превратилась в спор о словах», А.Ф. Лосев утверждает следующее: «Соловьев и есть тот почти единственный философ второй половины XIX века, во всяком случае, самый значительный и великий, философия которого есть явное или скрытое, но постоянное «объяснение в любви» (Лосев, 1994, стр. 91).

Тема любви нашла свое яркое выражение во многих работах Владимира Сергеевича, таких как «Философское начало цельного знания» (1877), «Критика отвлеченных начал» (1880), «Смысл любви» (1892), «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897), «Жизненная драма Платона» (1898), в статьях для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона «Любовь» и «Платон» (1896). А поскольку В.С. Соловьев был не только философом и поэтом, но еще и лите-

ратурным критиком, то тема любви просто не могла не быть представлена в его стихах и критических статьях. Эта тема нами уже рассматривалась в монографии (Карабущенко & Подвойский, 2007, стр. 123-187) и некоторых статьях (Подвойский, 2002; 2007).

Поэтому здесь мы ее лишь немного коснемся. Но прежде приведем точку зрения такого авторитетного философа как Н.А. Бердяев, который, высоко оценивая работу «Смысл любви», 15 лет спустя после ее выхода в свет, в своей первой работе на тему пола и личности, опубликованной в 1907 г. в журнале «Перевал», писал: «В истории мировой философии я знаю только два великих учения о поле и любви: учение Платона и Вл. Соловьева. «Пир» Платона и «Смысл любви» Вл. Соловьева – это самое глубокое, самое проникновенное из всего, что писалось людьми на эту тему» (Бердяев, 2001, стр. 31). Такую же высокую оценку философии любви дал и А.В. Гулыга, по мнению которого, В.С. Соловьев создал проникновенный философский гимн земной любви, который в мировой культуре можно смело поставить в один ряд с «Пиром» Платона (Гулыга, 1988, стр. 34).

Любовь у В.С. Соловьева наделяется такой несокрушимой мощью, что становится сильнее времени, как подчеркивается в просто замечательной строчке из стихотворения «Три свидания»: «И цепь времен любовью одолев...». Как известно, свое понимание любви В.С. Соловьев выразил в работе «Смысл любви» (1892-1894) в такой формуле: «Смысл человеческой любви вообще есть *оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма*» (Соловьев, 1991, стр. 138).

Интересно, что в 1890 г., в статье, посвященной анализу стихов А. Фета и Я. Полонского, истинная любовь не ограничивается у В.С. Соловьева только таким признаком, как индивидуальность. Он подчеркивает, что настоящим поэтическим мотивом может служить только истинная любовь, то есть та, которая относится к истинному существу любимого предмета. Такая любовь должна быть индивидуальной, свободной от внешних случайностей и вечной (Соловьев, 1990, стр. 220-221).

Поясняя содержание этих признаков, он обращает внимание на следующие моменты. Индивидуальной истинная любовь должна быть потому, что все родовое, в равной мере принадлежащее всем данным субъектам, не оставляет истинного существа ни одного из них. И таким образом, человек, любящий женщин, а не конкретную женщину, любит только родовые качества, а не существо, и, следовательно, такая любовь не есть истинная. Она должна быть свободной от внешних

случайностей, которым подвластны житейские явления, но ни в коем случае не существенная жизненная связь двух лиц. Наконец, из постоянства или прочности любви, характеризующих ее истинность, вытекает такой признак, как вечность, поскольку для истинного существа человека смерть любимого при всем огромном значении, представляет все-таки лишь внешнюю случайность, а значит, не может упразднить ни самого существа, ни его существенных связей и отношений (Соловьев, 1990, стр. 221).

Не анализируя подробно работу В.С. Соловьева, обратим внимание на один аспект, который ранее нами практически не затрагивался. Речь идет об учении андрогинизма, представленном Платоном в диалоге «Пир». Любому человеку, который хоть раз прочел этот диалог, на всю жизнь запоминается яркая речь Аристофана, представляющая один из интереснейшего образцово мифотворчества Платона, где тесно переплетены мифологические сюжеты и воззрения с чисто философскими воззрениями. Как следует из контекста диалога, утрата этой изначальной андрогинности есть следствие не акта самораспада, или некоего добровольного «развода», а следствие акта сознательного разрушения в качестве превентивной меры. Известно, что Зевс, убоявшись, как бы чего плохого не вышло для него и других небожителей от этих мощных *человекочудовищ (интерпретация автора)* поступил по принципу, удачно выраженному русской поговоркой, «Береженного бог бережет» (невольный каламбур получился, в том смысле, что Зевс решил уберечься).

Следует подчеркнуть, что имеющие место романтические толкования этого мифа как мифа, в котором якобы речь идет о взаимном стремлении душ к целокупности, к их целостному воссоединению, строго говоря, к этому мифу не имеют отношения, потому что в нем налицо жажда всего лишь физического соединения. Таким образом, эти «половинки» на уровне генетической памяти помнили, что им вместе было хорошо и удобно и поэтому стремились вернуться в свой «золотой век».

В.С. Соловьев тоже упоминает об этой концепции, но подробно ее не разрабатывает, причем, если у Платона андрогинизм уже *дан* изначально, то у него андрогинизм еще только *задан* и относится не к прошлому, как у Платона, а к будущему. В работе «Смысл любви» он, формулируя задачу любви, говорит, что она заключается в том, «чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность» (Соловьев, 1991, стр. 146).

Особенность этой задачи, данной нашей духовной природой, состоит в том, считает В.С. Соловьев, что человек может, оставаясь самим собой, в своей собственной форме вместить абсолютное содержание, стать абсолютной личностью. Но в эмпирической действительности человека как такового вовсе нет, ибо он существует только в определенной односторонности и ограниченности, как мужчина и женщина. Истинный же человек, убежден В.С. Соловьев, в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Поэтому осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, это и есть собственная ближайшая задача любви (Соловьев, 1991, стр. 146).

В этой связи значительный интерес представляет определение В.С. Соловьевым понятия «брак», данное им в работе «Жизненная драма Платона». Брак, по его мнению, означает ни что другое как то, что, вступая в него, человек утрачивает свою неполноценность, «бракует» ее, и, только соединившись с другим человеком противоположного пола не только телесно, но и духовно может стать таким, каким он должен быть. Буквально же он говорит следующее: «Если подражать корнесловиям Платонова «Кратила», то можно было бы слово брак производить от того, что в этом учреждении человек отвергает, бракует свою непосредственную животность и принимает, берет норму разума» (Соловьев, 1991, стр. 273).

В этой же работе В.С. Соловьев, в конце пятой статьи, конкретно обращается к Платону, упоминая его в таком контексте. Истинная любовь, говорит он, есть нераздельно и восходящая и нисходящая, или те две Афродиты, которых Платон хорошо различал, но дурно разделял (имеются в виду Афродита возвышенная, или небесная, и Афродита для толпы, или земная – Л.П.) (Соловьев, 1991, стр. 168).

Заканчивая эту свою интересную и содержательную работу, которой, как мы уже отмечали выше, сам он был недоволен, называя ее в письме к Н.Я. Гроту «размазней, кашей поганой и мерзостыней» (Соловьев, 1991, стр. 168). Вл. Соловьев обещал читателю еще вернуться к некоторым, поднятым в ней вопросам. И слово свое сдержал. Так, через четыре года после «Смысла любви» в небольшой статье «Любовь», опубликованной в словаре Брокгауза и Ефрона в 1896 г. В.С. Соловьев рассматривает как бы три (опять число «3»! - Л.П.) уровня любви и дает им свое толкование. Например, сначала он определяет любовь как «влечение одушевленного существа к другому для

соединения с ним и взаимного восполнения жизни» (Философский словарь Владимира Соловьева, 1997, стр. 248).

Когда читаешь в самом начале статьи эти сухие, скупые слова, определяющие любовь, после вдохновенных, возвышенных слов о любви, сказанных в работе «Смысл любви», то не можешь поначалу скрыть некоторого разочарования, хотя бы потому, что понимаешь – такое влечение, которое, по его мнению, можно в определенном смысле назвать «заурядными отношениями между полами», (Соловьев, 1991, стр. 164) может иметь место и без того высокого чувства, которое люди называли любовью. Уточним контекст. Речь у В.С. Соловьева идет о том, что если бы он имел в виду лишь *простую любовь*, т.е. обыкновенные, заурядные отношения между полами, то он воздержался бы от всяких рассуждений по этому предмету. Весьма характерны в этом плане его же собственные слова: «Видеть смысл половой любви в целесообразном деторождении – значит признавать этот смысл только там, где самой любви вовсе нет, а где она есть, отнимать у нее всякий смысл и всякое оправдание» (Соловьев, 1991, стр. 131). Логически выводя далее из этой обоюдности отношений три вида любви: родительскую, сыновнюю и супружескую, В.С. Соловьев констатирует, что все эти три вида имеют свои начатки уже в животном мире (Философский словарь Владимира Соловьева, 1997, стр. 248).

Затем выясняется, что с точки зрения нравственной философии любовь есть сложное явление, простыми элементами которого являются: 1) жалость, преобладающая в любви родительской; 2) благоговение, преобладающее в любви сыновней и вытекающей из нее любви религиозной; 3) стыд, чувство, присущее исключительно человеку (стр. 248-241).

Наконец, третий уровень любви. Объясняя его, В.С. Соловьев уже не может обойтись без апелляции к Платону. У Платона любовь есть демоническое (связывающее земной мир с божественным) стремление, конечного существа к совершенной полноте бытия и вытекающее отсюда «творчество в красоте». Это эстетическое значение любви, по В.С. Соловьеву, было оставлено без внимания в средневековой философии, как в патристической, так и в схоластической. Однако в эпоху Возрождения любовь опять становится предметом философских умозрений в духе платонизма (стр. 248-249).

Несколько интересных и глубоких замечаний относительно темы любви в творчестве и системе объективного идеализма Платона В.С. Соловьев приводит в обширной статье «Платон», написанной примерно в то же самое время. Так, он делает предположение, что учение Платона о любви было следствием живого личного опыта, о котором у

нас нет никаких биографических данных, но который достаточно засвидетельствован совершеннейшими и центральными произведениями «Федр» и «Пир». Эти диалоги, по мнению В.С. Соловьева, не просто отражают испытанный их автором собственно-человеческий пафос личной любви, но они выступают еще и в качестве важнейших работ, заполняющих учением о любви кажущуюся пропасть между отрицательным и положительным идеализмом Платона.

Таким образом, пережитая и передуманная Платоном сила любви не осталась для него совершенно бесплодной. Именно благодаря ей, он уже не мог вернуться к отрешенному идеализму, который равнодушен к жизни и миру. Прочувствованная философом любовь уже сама по себе, как субъективное состояние, снимает безусловную грань между двумя мирами и после эротической эпохи, увековеченной в этих диалогах, у него начинается период практического идеализма (стр. 374-380).

Вопросы, связанные с темой любви, затронуты также и в основном сочинении В.С. Соловьева в области нравственной философии «Оправдание добра. Нравственная философия». Мы специально подчеркиваем это обстоятельство, потому что, как правило, практически все исследователи, рассматривающие учение В.С. Соловьева о любви, свое внимание фиксируют в основном на работах: «Смысл любви», «Жизненная драма Платона» и статье «Любовь». Что же касается этой работы, то в ней внимание исследователей обращается чаще всего лишь на понятия стыда, жалости, благоговения и т.п.

Уместно при этом обратить внимание и на тот факт, что именно в этой работе повторены некоторые мысли относительно понятия любви, изложенные в «Смысле любви», и проговорены, как бы апробированы, другие, получившие потом дальнейшее развитие в «Жизненной драме Платона»).

Очевидно, что в этой работе В.С. Соловьев использует понятие любви достаточно широко, не ограничиваясь только ее эротическим аспектом. Так, первое упоминание понятия любви здесь связано с рассмотрением двух форм любви – любви, испытываемой ребенком к родителям, т.е. сыновнею любовью, и любовью, которой он желает себе, т.е. любовью родительской (особенно материнской) (Соловьев, 1988, Т.1. стр. 170-171).

Затем В.С. Соловьев обращается к выявлению специфических особенностей таких богословских добродетелей, как: вера, надежда и любовь. Называя любовь величайшей богословской добродетелью, он подчеркивает, что любовь сама по себе, или любовь вообще, не есть

добродетель, с чем нельзя не согласиться. Дальнейшее употребление В.С. Соловьевым слова «любовь» в таком широком контексте, что утрачивается его исконное и истинное значение, на наш взгляд, показывает некоторую ограниченность, а то и, как бы это не показалось странным на первый взгляд, бедность богатого русского языка. Мы имеем в виду следующие слова: «Но не вменяется в добродетель эгоистическая любовь к себе и к своему, также страстная любовь к естественным и противоестественным удовольствиям, любовь к напиткам, к псовой охоте и конским ристаниям» (Соловьев, 1988, Т.1. стр. 191-192).

Анализируя слова апостола Иоанна «*Не любите мира, ни всего, что в мире*», В.С. Соловьев подчеркивает, что этот первый, отрицательный член в заповеди любви не следует забывать, ибо он есть не что иное, как выражение основного принципа аскетизма: охранять себя от низшей природы и противодействовать ее захватам, разумея при этом бессмысленную основу материальной природы, незаконно вторгающуюся в область человеческого духа. К этому отрицательному предписанию: *не люби мира* – библейская этика присоединяет два положительные: *люби Бога всем сердцем своим и люби ближнего, как самого себя*. Далее В.С. Соловьев поясняет, что любовь к ближним определяется жалостью, любовь к богу – благоговением. Поэтому, любить ближнего, как самого себя, - реально значит жалеть его, как самого себя, и любовь к Богу всем сердцем означает всецелую преданность Ему.

Таким образом, делает вывод В.С. Соловьев, заповедь любви не связана с какою-нибудь отдельною добродетелью, а есть завершительное выражение всех основных требований нравственности в трех необходимых сферах отношений: к низшему, высшему и однородному бытию (Соловьев, 1988, Т.1. стр. 192-193).

Заслуживают внимания и размышления В.С. Соловьева о том, что деторождение как добро в принципе должно все-таки иметь отличия в мире животном и мире человеческом в том смысле, что люди предполагают и надеются на рождение детей, которые будут лучше нас не только количественно лучше, а лучше по самому своему существу (Соловьев, 1991, стр. 228). Как поется в песне: «*На смену придут другие, моложе и лучше нас*».

В противном случае, задается философ вопросом, какой смысл в том, если рождаемые будут делать то же, что и рождающие, так же согрешат и умрут? Поэтому он и утверждает, что *человеческая* любовь к детям должна иметь в себе что-то сверх того, что есть в куриной любви, должна же она иметь разумный смысл. Когда далее он призывает,

прежде чем рождать детей, самым *действительно* изменить свой дурной путь, то он, на наш взгляд, имеет в виду следующее. Необходимо отказаться от рождения детей, если *только* (курсив наш – Л.П.) это делается с целью продолжения рода и *только* этим все ограничивается, ибо в таком случае, это есть путь животной природы.

В продолжение этой мысли следуют рассуждения о половом стыде, которого, как известно, животные не испытывают, поскольку это чувство не относится к физиологическому факту как таковому. С нашей точки зрения, к этому можно добавить, что стыд, будучи по форме в чем-то отрицательным для человека в смысле запрета, по большому счету, выступает во многом сугубо положительным по содержанию, сохраняя в человеке собственно человеческое. В.С. Соловьев совершенно справедливо подчеркивает, что осуждающий голос полового стыда относится лишь к тому пути животной природы, который дурен для человека, по существу своему (Соловьев, 1988, Т.1. стр. 229).

Не останавливаясь на этой констатации, русский «апостол любви», назовем его так, связывает понятие стыда с такими понятиями, как «влюбленность» и «целомудрие», что нам представляется не просто интересным и очень верным, но и достаточно глубоким. Называя влюбленность положительной стороной человеческой половой любви, он противопоставляет его аналогичному половому влечению животных, ибо, в противном случае, сведение влюбленности к половому влечению, означало бы сведение человека к животному.

Влюбленность, по его мнению, не только *существенно* отличается от половой страсти животных, но даже и от других видов индивидуальной человеческой любви (родительской, детской, братской и т.д.). В первом случае – индивидуальным, сверхродовым характером, поскольку человек стремится увековечить определенное лицо и себя с ним, а не род. Во втором случае – особенно нераздельным во влюбленности единством духовной и физической стороны (имеется в виду, что влюбленность относится к целому человеку с его психическими, телесными, нравственными характеристиками).

Следуя дальше логике В.С. Соловьева, совершенно очевидно, что если уж половой стыд решительно отличает человека от животного, то тем более это характерно для таких понятий как, восторг любви и пафос любви (как известно, слово «пафос» в переводе с греческого означает – страстное воодушевление, подъем). Нельзя не согласиться с ним в том, что восторг любви не всем влюбленным говорит одни и те же слова, но смысл того, что он им говорит, одинаков и представ-

ляет с другой, положительной стороны то же самое, что говорит половой стыд. Но, если стыд просто удерживает человека от недолжного, животного пути, то пафос любви указывает ему на путь должный и высшую цель для той положительной избыточной силы, которая заключается в самом этом пафосе (Соловьев, 1988, Т.1. стр. 229-230).

Что же касается связи чувства стыда с целомудрием, то В.С. Соловьев объясняет это следующим образом. Сначала он заверяет, что в стыде влечениям плотского, животного пути противится не только формальная высота человеческого достоинства, но еще и существенная жизненная целостность человека, которая в его теперешнем состоянии не уничтожена, а просто скрыта. Затем он утверждает, что поскольку стыд не просто выражает только формальное превосходство человеческого разума над иррациональным влечением животной природы, а на том пути, от которого человека остерегает стыд, теряется не превосходство умственных способностей, но что-то другое, связанное с предметом стыда, то недаром половая стыдливость называется целомудрием. В итоге делается вывод, что человек лишен целостности своего существа и своей жизни, поэтому в истинной, целомудренной любви к другому полу он мечтает, стремится и надеется восстановить эту целостность (Соловьев, 1988, Т.1., стр. 231).

Хотя В.С. Соловьев об этом и не говорит, но ведь, по сути дела, речь здесь идет о том, что связывание стыда, как чувства, с целомудрием, как образом жизни, выводит нас на такое понимание: стыд дает человеку мудрость сохранить свою целостность, как нравственной личности, отсюда и «целомудрие». По-видимому, совсем не случайно он употребляет выражение «пафос целомудренной любви».

Тема совершенства является важной составляющей философских исследований В.С. Соловьева, где тема любви вновь сплетается с элитологической проблематикой. Философ глубоко убежден, что только через любовь может и должен идти путь к совершенству человеческого духа.

В работе «Оправдание добра он пишет, что в пору расцвета всех сил человека в нем открывается новая духовно-физическая сила, наполняющая его восторгом и героическими стремлениями, и высший голос говорит ему, что эта сила дана ему недаром, что он может воспользоваться ею для великого, что то истинное и вечное соединение с другим лицом, какого требует пафос его любви, может восстановить в них образ совершенного человека и положить начало такому же воссозданию во всем человечестве. При этом В.С. Соловьев замечает, что восторг любви не всем влюбленным говорит одни и те же слова, но

смысл того, что он им говорит, одинаков (Соловьев, 1988, Т.1. стр. 161).

Так, в работе «Философское начало цельного знания» говорится буквально следующее: «Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение» (Соловьев, 1988, Т.2. стр. 317). Слова об осуществлении высшего самоутверждения существа вполне можно понимать как достижение им некоего уровня совершенства.

По мнению В.С. Соловьева, каждый из нас сам должен решить – оставаться ли ему просто индивидом, или приложить усилия к тому, чтобы становиться и стать личностью, и тем самым максимально приблизиться к своему совершенству. Очевидно, что в человеке должно появиться само желание стать совершенным. В противном случае, не ставя перед собой такой возвышенной цели, человек не будет искать путей для ее реализации. Следовательно, потенциальная возможность достижения цели возникает только при четком ее определении, а ее достижение – при приложении духовных, психических и физических усилий. Получается, что мы сначала должны предвосхитить совершенство нашего духа, а потом уже идти по пути его достижения.

Как раз на это обращал внимание друг и последователь В.С. Соловьева Е.Н. Трубецкой в работе «Смысл жизни». По его мнению, чтобы осуществлялась в нас целостная мысль, мы должны предвосхищать ее, вдохновляться ею в подъеме творческого воображения и чувства и, наконец, готовить себя самих и окружающий мир подвигом нашей воли (Трубецкой, 1994, стр. 9).

Логично заключить, что с этих позиций задача человека как существа разумного, мыслящего, морального, равнодушного и активно деятельного состоит в преодолении всех проявлений зла и несовершенства. А для этого самому надо быть совершенным, или, по крайней мере, идти по пути достижения личного совершенства. Здесь уместно привести хорошо известную мысль К. Маркса о том, что воспитатель сам должен быть воспитан.

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА

Тема любви и совершенства подразумевает конструктивное развитие всех систем, составляющих их всеединство. И в этой связи рядом с темой любви (как темы блага, нравственности, мира и созидания) возникает и тема ее противоположности – вражды и войны (как тема разрушения, безнравственности и зла). В целом В.С. Соловьев является носителем идеи пацифизма.

Безнравственное у него олицетворяется с макиавелистической традицией в политической истории. В этой связи весьма примечательна та дискуссия, которая возникает у него с Н.Я. Данилевским, после ознакомления с его теорией естественной вражды России с Западом. Философу показалось макиавеллизмом та часть рассуждений Н. Я. Данилевского, где он говорил «о будущей войне России и Запада». В этом недопонимании Данилевского чувствуется влияние на философа критика В. П. Безобразова, чей сын Павел был женат на сестре В.С. Соловьева Марии (Ефремов, 2005).

В.С. Соловьев обвиняет Н.Я. Данилевского в «националистической жажде завоеваний». «В Европе, — утверждает философ, — громче всего раздаются крики нашего “национализма”, который хочет разрушить Турцию, разрушить Австрию, разгромить Германию, забрать Царьград и, при случае, пожалуй, и Индию. А когда спрашивают нас, взамен забранного и разрушенного — чем одарим человечество, какие духовные и культурные начала внесем во всемирную историю, — то приходится или молчать, или говорить бессмысленные фразы» (Соловьев, 1988). Известно, что на эти обвинения Н.Н. Страхов возражал: «Во всей книге Данилевского, во всех его соображениях, никогда, ни разу не встречается совета кому-нибудь вредить, кого-нибудь ненавидеть, изготовлять для кого-нибудь зло и гибель... Европа нам враждебна, но ему [Н.Я. Данилевскому] и в мысль не приходит сказать, что нужно ей в этом подражать и что мы должны быть враждебны Европе» (Страхов, 1887). Напомним, что у Н.Я. Данилевского несколько раз повторяется один и тот же славянофильский тезис – тезис о том, что в отличие от германо-романского типа, чьей важной чертой является насильственность, у славян это качество отсутствует¹.

К числу негативных причин, мешающих конструктивному развитию человека, В.С. Соловьев относил в последствии и пережитый им в юности нигилизм. «Нигилисты отрицали, потому что были охвачены жаждой утверждения, разрушали не ради самого разрушения, а ради немедленного созидания новой жизни» (Мочульский, 1936).

Главная идея В.С. Соловьева – идея примирения России и Запада. И примирение это должно было начаться с устранения догматического расхождения православия и католицизма. «На могиле Соловьева в Новодевичьем монастыре неведомой рукой поставлены две иконы:

¹ Исследователи отмечают, что борьба с Западом виделась Данилевскому не в сфере развития русского имперства, а «лишь следствием освобождения славянства, то есть была войной освободительной и оборонительной одновременно. Вообще, весь политический «макиавелизм» Данилевского, в сущности, был призывом к проявлению в политике здравого смысла, что позже послужило причиной упрека Г. Флоровского Данилевскому в «политиканствующем здравомыслии»» (Ефремов, 2005).

одна — икона Воскресения из Старого Иерусалима с греческою надписью: “Христос воскрес из мертвых”, другая — икона Остробрамской Божьей Матери с латинской надписью: “In memoria aeterna erit iustus”» (Мочульский, 1936). В переводе с латыни, эта надпись означает: «Вечная память праведнику».

Выше мы уже указывали на то, что В.С. Соловьев предчувствовал наступление великой мировой исторической катастрофы. Так, перед смертью В.С. Соловьев много думал о конце истории: «Мое отношение такое, - признавался он в доверительной беседе с С.Н. Трубецким, - что все кончено; та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу. Профессора всеобщей истории упраздняются; их предмет теряет свое жизненное значение для настоящего; о войне алой и белой розы больше говорить нельзя будет. Кончено все» (Мочульский, 1936). Эти предчувствия оказались пророческими. В.С. Соловьеву удалось заглянуть в будущее и понять, что оно (XX век) станет серьезным временем для испытания нашего Отечества. Примечательно, что в последние месяцы своей жизни философ работал над статьей о китайских событиях. И действительно XX в. стал и для России, и для Китая временем трагических потрясений.

ВЫВОДЫ

История творчества есть лучшая иллюстрация личности человека, раскрывающая цель и смысл всей его жизни. Ментальная история в том и состоит, чтобы вытаскивать на поверхность глубинные основания интеллектуального, волевого и нравственного строя человека, которого мы относим по результатам его деятельности к элите. Такова для нас является жизнь Владимира Сергеевича Соловьева – уникальный случай в истории русской философии.

Совершенно очевидно, что философское и поэтическое творчество В.С. Соловьева стало духовной основой последующей русской религиозной метафизики, художественного опыта русского символизма. Глубокое влияние оказали не только идеи философа-поэта, но и сама его личность, которая обрела в культуре Серебряного века символические черты, а его жизнь и творчество воспринимались как религиозное служение («рыцарь-монах» - определение А. Блока), как вызов времени и открытие новых духовных путей («безмолвный пророк» - характеристика Д.С. Мережковского).

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Гулыги, что без В.С. Соловьева наше знание о русской культуре конца прошлого и начала XX

века останется неполным (Гулыга, 1988, стр. 46). Элитность любой личности измеряется мерой ее влияния на современников и последующие поколения. Моральные и интеллектуальные авторитеты во все времена являлись маяками духовного развития человечества. Это был по-настоящему дошедший до совершенства дух блага и любви. На тот момент всемирной истории (выражаясь языком А.Ф. Лосева), В.С. Соловьев явил собой пример абсолютного добра и совершенного всеединства.

Список литературы

- Баландин, Р.К. (2001). *Самые знаменитые философы России*. Москва: «Вече».
- Бердяев, Н.А. (2001). Метафизика пола и любви. В Н.А. Бердяев *Эрос и личность: Философия пола и любви*. Санкт-Петербург.: «АСТ».
- Гайденок, П. П. (2005). Гностические мотивы в учениях Шеллинга и Вл. Соловьёва. *Знание. Понимание. Умение*, (2-3), 202-208.
- Гулыга, А. В. (1988). *Философия любви*. Москва: «Мысль».
- Гулыга, А. В. (2003). *Русская идея и ее творцы*. Москва: «Эксмо».
- Ефремов, А. (2005). Борьба за историю: Вл. Соловьев как критик Н. Данилевского. *Наши современники*, (6).
- Зеньковский, В. В. (1991). *История русской философии. В 2-х тт. Т.2. Ч.1*. Ленинград: «ЭГО».
- Карабущенко, П. Л. & Подвойский, Л.Я. (2007) *Философия и элитология А.Ф. Лосева*. Москва: «Литературная учеба».
- Левицкий, С.А. (1996). *Очерки по истории русской философии*. Москва: «Канон».
- Лосев, А.Ф. (1994). *Вл. Соловьев. – 2-е изд., доп.* Москва: «Мысль».
- Лосский, В. Н. (1936). *Спор о Софии*. Париж: Братство св. Фотия.
- Лосский, Н. О. (1991). *История русской философии*. Москва: «Высшая школа».
- Мочульский, К. В. (1936). *Владимир Соловьев. Жизнь и учение*. Париж.
- Подвойский, Л. Я. (2007). *В.С. Соловьево пафосе целомудренной любви. Вопросы элитологии. Т.4.* (стр. 6-13). Астрахань.
- Подвойский, Л.Я. (2003). «ЭРОС» и стремление к совершенству в категориях социальной философии Вл. С. Соловьева. В *Астраполис. Астраханские политические исследования. Вып. 3.* (стр. 55-57). Астрахань.
- Соловьев, В. С. (1901). *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 8 т. Том I*. Санкт-Петербург: Общественная польза, товарищество.
- Соловьев, В. С. (1911). *Россия и вселенская церковь*. Москва: «Путь».
- Соловьев, В. С. (1911б). *Письма*. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза».

- Соловьев, В. С. (1912). *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 8 т. Том 3*. Санкт-Петербург : Общественная польза, товарищество.
- Соловьев, В. С. (1988). *Сочинения в 2 т. Т.1*. Москва: «Мысль».
- Соловьев, В. С. (1990). О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского. В В. С. Соловьев *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*. Москва: «Книга».
- Соловьев, В. С. (1991). *Смысл любви: Избранные произведения*. Москва: «Современник».
- Соловьев, С. М. (1993). Детство: Главы из воспоминаний. *Новый мир*, (8), 178–205.
- Страхов, Н. (1887). *Борьба с западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки*. Санкт-Петербург: Типография брат. Пантелеевых.
- Трубецкой, Е. Н. (1913). *Миросозерцание В. С. Соловьева. В 2-х тт. Том 1*. Москва: Товарищество тип. А.И. Мамонтова.
- Трубецкой, Е. Н. (1994). *Смысл жизни*. Москва: «Республика».
- Философский словарь Владимира Соловьева*. (1997). Ростов-на-Дону: «Феникс».
- Эрн, В. Ф. (2000). *Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение*. Мн.: Харвест, Москва: АСТ.

References

- Balandin, R.K. (2001). *The most famous philosophers of Russia*. Moscow: "Veche". (In Russian)
- Berdyayev, N.A. (2001). The metaphysics of sex and love. In N.A. Berdyayev *Eros and Personality: The Philosophy of Sex and Love*. St. Petersburg .: "AST". (In Russian)
- Efremov, A. (2005). Struggle for history: VL. Soloviev as a critic of N. Danilevsky. *Our contemporary*, (6). (In Russian)
- Ern, W.F. (2000). *Struggle for the Logos. G. Skovoroda. Life and teaching*. Minsk: Harvest, Moscow: AST. (In Russian)
- Gaidenko, P.P. (2005). Gnostic motives in the teachings of Schelling and VL. Solovyov. *Knowledge. Understanding. Skill*, (2-3), 202-208. (In Russian)
- Gulyga, A.V. (1988). *Philosophy of love*. Moscow: "Thought". (In Russian)
- Gulyga, A.V. (2003). *Russian idea and its creators*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Karabuschenko, P. L. & Podvoisky, L. Ya. (2007) *Philosophy and elitology A.F. Losev*. Moscow: "Literary study". (In Russian)
- Levitsky, S.A. (1996). *Essays on the history of Russian philosophy*. Moscow: "Canon". (In Russian)
- Losev, A.F. (1994). *VL. Soloviev. - 2nd ed., Add.* Moscow: "Thought". (In Russian)

- Lossky, N.O. (1991). *History of Russian Philosophy*. Moscow: "High School". (In Russian)
- Lossky, V.N. (1936). *Dispute over Sofia*. Paris: Brotherhood of St. Photius. (In Russian)
- Mochulsky, K.V. (1936). *Vladimir Soloviev. Life and teaching*. Paris. (In Russian)
- Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov*. (1997). Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russian)
- Podvoisky, L. Ya. (2003). "EROS" and the pursuit of excellence in the categories of social philosophy Vl. S. Solovyova. In *Astrapolis. Astrakhan political studies. Issue 3*. (pp. 55-57). Astrakhan. (In Russian)
- Podvoisky, L. Ya. (2007). V.S. Solovyov's pathos of chaste love. *Issues in Elitology. V.4*. (pp. 6-13). Astrakhan. (In Russian)
- Soloviev, S.M. (1993). Childhood: Chapters from Memories. *New World*, (8), 178–205. (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1901). *Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 8 volumes. Volume 1*. St. Petersburg: Public benefit, partnership. (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1911). *Russia and the universal church*. Moscow: "The Way". (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1911b). *Letters*. SPb.: Printing house of the "Public Benefit" company. (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1912). *Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov: in 8 volumes. Volume 3*. St. Petersburg: Public benefit, partnership. (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1988). *Works in 2 volumes. Vol. 1*. Moscow: "Thought". (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1990). About lyric poetry. Regarding the last poems of Fet and Polonsky. In V. S. Soloviev *Poems. Aesthetics. Literary criticism*. Moscow: "Book". (In Russian)
- Soloviev, V.S. (1991). *The meaning of love: Selected works*. Moscow: "Contemporary". (In Russian)
- Strakhov, N. (1887). *Fighting the West in Our Literature. Historical and critical essays*. St. Petersburg: Printing house brother. Panteleevs. (In Russian)
- Trubetskoy, E.N. (1913). *Worldview of V.S. Solovyov. In 2 vols. Volume 1*. Moscow: Type partnership. A.I. Mamontov. (In Russian)
- Trubetskoy, E.N. (1994). *Meaning of life*. Moscow: "Republic". (In Russian)
- Zenkovsky, V.V. (1991). *History of Russian Philosophy. In 2 vols. T.2. Part 1*. Leningrad: "EGO". (In Russian)

Элитология культуры

Elite Studies of Culture

AN ELITE CULTURE PHENOMENON: THE PROBLEM OF CONCEPTUALISATION

Elena V. Khlyshcheva (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: culture_mar[at]mail.ru
ORCID 0000-0001-6586-019X

Abstract

The transformation of the cultural space at the turn of the XX-XXI centuries leads to the inevitable emergence of new cultural patterns that define modern forms of cultural and social contacts. The dominance of mass culture in the space of globalisation and migration flows raises the problem of the very existence of elite culture, which by definition acts as something "alien" to mass culture. Meanwhile, the elite culture is the only one that is capable of preserving and reproducing the basic meanings of culture in the modern society.

The postmodern worldview has erased the impassable border between elite and mass culture. In the rhizoma space, both cultures - elite and mass - have formed a single symbolic space, but their functional diversity increases the mismatch between these types of cultures, which expands as they develop. Elite and mass consciousnesses in a single cultural environment are separated by a cultural threshold, which emphasises their dissimilarity and their belonging to different spheres. This is the borderline of elitism. In culture itself, as integrity, there are always lacunae and voids that must be filled as society develops. Such gaps are filled most quickly by mass culture, which destroys the very structure as stably defined, offering a radical alternative to the closed, aristocratic world of elite culture. This poses a threat to the very existence of elite culture, and therefore it is necessary to understand the deep meaning of this cultural form, revealing its role and significance for the modern space of the heterotopic world.

Keywords

elitism; mass; aristocratic spirit; creativity; rhizoma; crisis; transformation; high culture; quality; consciousness.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ФЕНОМЕН ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Хлыщева Елена Владиславовна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: culture_mar[at]mail.ru
ORCID 0000-0001-6586-019X

Аннотация

Трансформация культурного пространства на рубеже XX - XXI веков приводит к неизбежному появлению новых культурных паттернов, определяющих современные формы культурных и социальных контактов. Доминирование массовой культуры в пространстве глобализационных и миграционных потоков ставит вопрос о самом существовании культуры элитарной, которая по определению выступает как нечто «чужое» культуре массовой. Элитарная культура современного общества – единственная, кто способен к сохранению и воспроизводству основных смыслов культуры.

Постмодернистская картина мира стерла непроходимую границу между элитарной и массовой культурой. В пространстве ризомы обе культуры – и элитарная, и массовая – сформировали единое символическое пространство, однако их функциональная разновекторность усиливает рассогласование этих типов культур, которая по мере их развития увеличивается. Элитарное и массовое сознания в единой культурной среде разделены культурным порогом, акцентирующим несхожесть и принадлежность к разным сферам. Это и есть граница элитарности. В самой культуре как целостности всегда присутствуют лакуны и пустоты, которые необходимо заполнять по мере развития общества. Такие лакуны быстрее всего заполняет массовая культура, разрушая саму структуру как стабильно определенную, предлагая радикальную альтернативу закрытому, аристократическому миру элитарной культуры. Это представляет угрозу самому существованию элитарной культуры, а потому необходимо разобраться в глубинных смыслах этой культурной формы, выявив ее роль и значение для современного пространства гетеротопного мира.

Ключевые слова

элитарность; массовость; аристократизм духа; креативность; ризома; кризис; трансформация; высокая культура; качество; сознание.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Элитарную культуру рассматривают, как правило, в паре с массовой, сравнивая эти формы по результатам воздействия на воспринимающее сознание. При этом о массовой культуре написано десятки книг, издано множество монографий и защищаются диссертации. Доминирующей позицией исследователей является противопоставление элитарной и массовой форм культуры. Исключение составляют современные концепции А.Я. Флиера, где массовая культура, выполняя функции ретрансляции специализированного языка на уровень повседневности (Флиер, 2000, стр. 370), охватывает все сферы бытия.

Элитарная культура существовала уже в Древнем мире, вбирая в себя значимый опыт и знания многих поколений. Под термином элита подразумевается высшее качество, поэтому и элитарная культура является Высокой, смыслообразующей культурой. Элитарную культуру преимущественно определяют как культуру привилегированных групп общества, «высшей знати, избранных людей» (Костина, 2009, стр. 39). Есть элиты культурные, религиозные, политические. Маркерами такой элитарности выступают «закрытость, духовный аристократизм и ценностно-смысловая самодостаточность» (Кондаков, 1998, стр. 387.). Не менее распространенным является объяснение элитарной культуры как вида культуры, характеризующегося «производством культурных ценностей, образцов, которые в силу своей исключительности рассчитаны и доступны в основном узкому кругу людей (элите)» (Забелина, 2012, стр. 109).

Исходя из приведенных дефиниций, можно увидеть, что речь идет о разном понимании самого феномена культуры. И если в первом случае формулировка достаточно широкая, что не вносит ясности в понимание самого феномена элитарной культуры, то во втором дело и вовсе ограничивается сферой художественного производства. Более того, такие формулировки ставят дополнительные вопросы, без ответа на которые затруднительно и само понимание элитарной культуры. Например, что такое «духовный аристократизм»? И всегда ли элита является узким кругом? Какие критерии позволяют быть причисленным к элитарному кругу или это исключительно наследственная привилегия? Что в данном случае важнее, происхождение или творческий ум?

В силу разной интерпретации феномена элиты (правящая, культурная, духовная, интеллектуальная, аристократическая), понимание элитарной культуры становится еще более затруднительным. Мыслители начала XX века определяют элиту как «немногочисленную касту, обладающую правом управлять обществом и исключительным правом

создавать культуру» (Бердяев, 2012, стр. 138). Чаще всего, такое понимание по умолчанию переносит элитарную культуру в сферу искусства и науки, где царят высокие критерии, а также политики. Такую культуру способно понимать только подготовленное сознание, но даже здесь подводными камнями становятся неоднозначные взгляды на природу ценностей в разных культурах разных исторических эпох. Сегодня даже понимание «духовной культуры» часто, особенно на бытовом уровне, сводится исключительно к религиозной сфере. Понятно, что это слишком узкая трактовка, которая не соответствует действительности. Однако она существует и исследователю приходится с ней считаться.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сложность и многоплановость объекта требуют обращения к различным методам исследования, ведущим из которых стал метод функционального анализа. Используются также компаративистский, структурный и семиотический анализ. С помощью структурного и историко-типологического методов выстраиваются модели элитарной и массовой культуры, представляющие как ее типы (формы).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ракурс исследования культуры связан с ее общественной природой и функциональными характеристиками, которые обеспечивают оптимальное социальное взаимодействие. В этом смысле культура понимается как «исторически выработанный порядок устойчивых взаимоотношений между людьми по поводу их коллективного существования в имеющихся природных и исторических условиях, а также совокупность продуктов, идей, структур и технологий, порожденных в процессе этих взаимоотношений и следующих из практик осуществления жизнедеятельности в соответствии с этим порядком» (Тишкина, 2012, стр. 11). Здесь культура предстает как «то, что пролегает между людьми, т.е. связывает их, выявляет общность их интересов и артикулирует допустимые способы удовлетворения этих интересов» (Зиммель, 1996). Иными словами, культура – это многофункциональная стратегия, обладающая «определенным выраженным регулятивным приоритетом и обеспечивающая все актуальные стороны жизни общества» (Тишкина, 2012, стр. 14). Важную роль в этой «стратегии» играют элитарная, массовая и традиционная культуры, функционирование которых подчиняется логике социокультурной динамики, где традиционная культура выступает как «механизм сохранения социокуль-

турной информации, элитарная – как механизм производства новых значений и смыслов культуры, массовая – как механизм стабилизации социальных структур» (Костина, 2011, стр. 156). При этом, каждый тип культуры является особой стратегией социального бытия и социального управления.

Элитарная культура обладает универсальным значением, при доминировании специализации и инновационных моделей. Элита, как группа людей, обладает возможностью управлять всеми процессами в обществе, а потому создает «идентичность, связанную с принадлежностью к структурам управления информационной экономикой, стремясь к нивелировке культурных границ и созданию специфической глобальной, интернациональной культуры» (Костина, 2011, стр. 159).

Основная задача элитарной культуры заключается в «формировании сознания, готового к активной преобразующей деятельности и творчеству» (Костина, 2011, стр. 154). Однако вся ли деятельность по преобразованию является действительно элитарной? В конце концов, современное ризомное мышление свело понимание элитарной культуры к утилитарному выполнению последней функции управления (см. Флиер). Насколько это правомерно, сказать трудно. В любом случае, определение зависит от того, как трактовать сам феномен культуры. Если за основу брать понимание культуры как деятельности, то для дефиниции элитарной культуры необходимо рассмотреть ее становление в историческом ракурсе.

Можно считать, что зарождение элитарной культуры берет начало в деятельности жрецов и вождей племенных обществ. В силу определенных причин, вызванных жизненной необходимостью, именно они становились обладателями особых знаний, которые не могли передаваться широкой огласке. Так формировалось знание для избранных, которое позже превратилось в элитарное. Но всегда ли это знание отвечало критериям «высокой» культуры и содержало «высокую» мысль? Исходя из исторической реальности, такое предположение сомнительно, ибо любое знание того времени было направлено на адаптацию к окружающему миру, т.е. носило сугубо утилитарный характер.

Конечно, наличие специализированных знаний, не доступных большинству, выделяло их обладателей из толпы и способствовало углубленному пониманию общественных ценностей и норм, а также формировало утонченный профессионализм в своей области, однако можно ли такие знания назвать элитарными? Если понимать культуру как деятельность по преобразованию окружающего мира, то можно. А вот к сфере «высших материй» такое знание явно не относится.

Доступ к власти и материальным благам несомненно дает преимущества, но и требует формирования особого языка, особых символов, тайных знаков и даже целой системы кодов, для понимания которых требовались специальные познания. Например, при римских императорах долгое время говорили на этрусском языке, а латынь в эпоху средневековья была языком образованной части населения и являлась недоступной для непосвященных. Особенно много символики было в религиозной сфере, где каждый священный предмет или элемент религиозной архитектуры хранил и передавал сакральные идеи.

Так складывалась ценностно-смысловая иерархия. По мнению И. В. Кондакова, элитарная культура «апеллирует к избранному меньшинству своих субъектов, как правило, являющихся одновременно её творцами и адресатами (во всяком случае, круг тех и других почти совпадает)» (Кондаков, 2019, стр.14). Философы рассматривают элитарную культуру как единственно способную к сохранению и воспроизводству основных смыслов культуры и обладающую рядом особенностей, а именно:

- сложностью, специализированностью, креативностью, инновационностью;
- наличием ограниченного круга ценностей, признаваемых истинными и «высокими»;
- жесткой системой норм, принимаемых данной стратой в качестве обязательных и неукоснительных в сообществе «посвященных»;
- индивидуализацией норм, ценностей, оценочных критериев деятельности, нередко принципов и форм поведения членов элитарного сообщества, становящихся тем самым уникальными;
- созданием новой, усложненной культурной семантики, требующей от адресата специальной подготовки и необъятного культурного кругозора;
- использованием субъективной, индивидуально-творческой, интерпретации обычного и привычного, что приближает культурное освоение реальности субъектом к мысленному (подчас художественному) эксперименту над нею и в пределе замещает отражение действительности в элитарной культуре её преобразованием, подражание — деформацией, проникновением в смысл — домысливанием и переосмысливанием данности;
- смысловой и функциональной «закрытостью», «узостью», обособленностью от целого национальной культуры, что превращает элитарную культуру в подобие тайного, сакрального,

эзотерического знания, табуированного для остальной массы, а её носители превращаются в своего рода «жрецов» этого знания, избранников богов, «служителей муз», «хранителей тайны и веры», что часто обыгрывается и поэтизируется в элитарной культуре.

Но культура как деятельность по созданию «второй природы» отличается «сложной многослойностью» (Кондаков, 2019, стр. 14) и может принадлежать одновременно разным уровням: массовому, традиционному (народному), элитарному. Здесь поверхностное восприятие характеризует массовую, повседневную культуру, а глубинные смыслы (философская концептуализация, символизация реальности) – элитарную. Такая амбивалентность, особенно проявляющаяся в современной культуре, затрудняет вычленение элитарной культуры как самостоятельного феномена. Налицо двойной код (стр. 15), соединяющий массовый, народный и элитарный дискурсы. Культурные практики функционируют одновременно как «срез массовой и элитарной культур, что создает особый мерцающий эффект массовости / элитарности» (стр. 15).

Эта тенденция со временем усиливается, иллюстрируя парадоксальную диалектику элитарной и массовой культур, их взаимопереход и взаимопревращения, взаимовлияния и самоотрицание каждой из них. Часто одно и то же произведение культуры приобретает двойную смысловую нагруженность: одной стороной оно оказывается обращено к элитарной культуре, другой — к массовой. Таковы многие произведения Чехова и Горького, Малера и Стравинского, Модильяни и Пикассо, Л. Андреева и Верхарна, Маяковского и Элюара, Мейерхольда и Шостаковича, Есенина и Хармса, Брехта и Феллини, Бродского и Войновича. Особенно противоречиво такое сочетание в культуре постмодерна, когда происходит элитаризация массовой культуры и одновременно омассовление элитарности.

МАССОВОСТЬ И ЭЛИТАРНОСТЬ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В целом, изначально элитарная и массовая культуры представляли собой «бинарные сопряженные дифференциации, возникшие в процессе генезиса культуры» (Тишкина, 2012, стр. 12). Задача элитарной культуры – изменения (новации), в то время как задачи массовой – сохранение уже созданного(традиции).

В таком понимании в архаических (консервативных) обществах элитарной культуре как таковой места нет. Она может реализоваться

исключительно в «тайных», сакральных знаниях, доступных посвященным. Ее нет в системе национальной (государственной) идеологии или в массовой социальной мифологии.

Субъект элитарной культуры – Личность, атрибутами которой являются свобода и творчество, способность к созидательной деятельности. Творения элитарной культуры всегда лично окрашены и рассчитаны на субъективное восприятие, вне зависимости от широты их аудитории, хотя часто широкое распространение и миллионные тиражи произведений классиков снижают их значимость, переводя в разряд массового явления. Такова судьба многих произведений, изучаемых в средней школе, где для их оценки разработаны специальные стандарты-трафареты, не дающие мысли выйти за поставленные рамки. То есть предметы высокой культуры, хотя и сохраняющие свою форму (сюжет, композицию, музыкальную структуру), но изменяющие режим презентации и выступающие в виде тиражированной продукции, адаптированной к несвойственному для себя типу функционирования, как правило, переходят в разряд масскульта. В этом смысле можно говорить о способности формы являться носителем содержания.

Изменив характер функционирования, произведения высокой культуры теряют свою целостность, и «спускаются» в разряд массовых, а их вторичные не основные составляющие акцентируются и выступают в качестве ведущих. В результате изменяется сущность произведения, а глубинные идеи предстают в упрощенном варианте, заменяя креативность на социализацию. Тем не менее, элитарная культура является для массовой своеобразным образцом, выступая как источник сюжетов, образов, идей, гипотез, адаптируемых последней к уровню массового сознания.

Элементы высокой культуры считаются наука, классическая литература, поэзия, изобразительное искусство, классическая музыка, опера, балет, симфоническая музыка, органная музыка, театр, высокая мода, высокое творчество. Элитарная культура создается привилегированной частью общества, либо по ее заказу профессиональными творцами. Как правило, она опережает бытовой уровень восприятия средне образованного человека. Субъект элитарной культуры – свободная, креативная личность, способная к преобразовательной деятельности в соответствии с объективными законами действительности. Поэтому творения элитарной культуры нацелены на тех, кто способен воспринимать глубокий смысл происходящего. Это высокообразованные люди с особым, более тонким восприятием мира, элита – «не ро-

довая аристократия и не привилегированные слои общества, а та часть общества, которая обладает особым «органом восприятия» (Ортега-и-Гассет, 1991, стр. 241). Когда уровень образования населения растет, круг потребителей высокой культуры расширяется.

Элитарному сознанию присущи природная эластичность, гибкость, позволяющие «играть» различные роли в социуме: ученого, философа, писателя, художника и т.д. Однако, если поле массового сознания постоянно нуждается во внешней подпитке и без нее разрушается, то поле элитарного сознания самодостаточно и способно существовать автономно. Как результат, существует «порог вхождения» (Иконникова, 2008, стр. 518), как защита от профанной культуры. Элитарное и массовое сознания в единой культурной среде разделены культурным порогом, акцентирующим несхожесть и принадлежность к разным сферам. Это и есть граница элитарности.

В самой культуре как целостности всегда присутствуют лакуны и пустоты, которые необходимо заполнять по мере развития общества. Именно здесь зарождаются структуры, находящиеся на стыке многообразных явлениях культуры (пограничное искусство, междисциплинарные исследования и т.д.). Такие лакуны быстрее всего заполняет массовая культура, разрушая саму структуру как стабильно определенную, предлагая радикальную альтернативу закрытому, аристократическому миру элитарной культуры. Преодоление «порога культуры» возможно именно в ризомном мышлении: медленный переход от одного уровня к другому заменяется «перепрыгиванием» через культурные ступени.

Сегодня элитарную культуру уже не рассматривают как культуру господствующих общественных групп, не воспринимают как авангардное искусство, которое способны ценить только подготовленные к этому личности, не противопоставляют массовой и традиционной по содержанию. В XXI веке элитарная культура определяется как «высокая», чутко реагирующая на моду и вкусы, доминирующие в массовой культуре. При этом ценности массового сознания интерпретируются элитой и зачастую принимают карикатурные формы. Попытки преодоления культурного порога массовым сознанием с целью освоения элитарных ценностей обычно сводятся к выявлению статусов престижности и материальной состоятельности, в результате чего происходит упрощенная интерпретация, искажающая до примитива культурные тексты.

Обе культуры – и элитарная, и массовая – сформировали единое символическое пространство, необходимое для функционирования государства-нации. В то же время элитарная культура, стремящаяся к

интернационализации, способствует развитию глобализации и ослаблению национального государства;

Любая форма культуры динамична. Культурогенез представляет собой выход за пределы заданных границ и трансформацию существующей формы. Это объективный, эволюционный процесс и поэтому невозможно говорить об элитарной культуре как о чем-то неизменном на всем протяжении истории человечества. Абсолютизация любых ценностей и проекция их на неопределенное будущее ведет к консервации культуры, «превращая ее в форму, не отвечающую внутренним интенциям культуры к развитию» (Костина, 2009, стр. 108).

Появление и развитие элитарной культуры связано, прежде всего, с активизацией субъективно-личностного (творческого) начала. Однако в определенные исторические эпохи доминанта инертности большинства становилась условием стабильности системы, а творческий потенциал терялся в традиции, становясь безликим.

Потребность в креативности стала проявляться уже в эпоху формирования древних цивилизаций. Именно здесь культура как единый организм распадается на «бытовые» и «специализированные» формы, выделяя в самостоятельные сферы религию, искусство, право. Управленческие функции берет на себя государство, а религиозно-идеологические – жречество и церковь.

Помимо активизации социальной сферы, элитарная культура направляет свой потенциал на создание сферы идеального, обогащенной символическими и метафизическими идеями. Именно принадлежность к таким «идеальным» пространствам начинает в итоге определять культурность человека.

Новые идеи, как правило, вступают в противоречие со старыми, укоренившимися, в конечном итоге отрицая их. Поэтому внедрение инноваций идет с трудом и встречает активное сопротивление со стороны консервативной культуры, поддерживающей бытовую, повседневную сторону жизни людей. Вообще свойством традиционной культуры является разграничение пространства на свое и чужое через негативное противопоставление иным культурным мирам. Представление о врожденной, непреодолимой противоположности собственной и всех иных общностей четко проявилось в эпоху Античности, при делении всех людей на «нас» и варваров «с лицом человека и сердцем зверя» (Леви-Стросс, 1994, стр. 169). Закрытость традиционной культуры является препятствием для развития других форм культуры, в том числе и элитарной, содержащей высокую мысль, предназначенную для подготовленных к ее восприятию умов.

Элитарная культура открыта любым новшествам. А.Я. Флиер даже называет ее «креативной», ориентированной на специализированное производство. Креативная культура — это культура качества, ее реализуют люди, специально обученные своему ремеслу. Главным критерием оценки их работы является мастерство. Именно креативная культура обеспечивает социальную дифференциацию общества — по профессиям, сословиям, корпорациям. Представителей этой культуры объединяет общность профессиональной деятельности и ее качественные показатели. Поэтому креативная культура «ярче всего проявляет себя в эксклюзивных заказах и может быть названа «элитарной» скорее по своим заказчикам и потребителям, нежели производителям (Флиер, 2011, стр. 26).

Для нее характерна способность к равному взаимодействию акторов, что является основой диалога, возможного только в рамках системы с отсутствующей иерархией — знаний, положений, авторитетов. Главная цель элитарной культуры — рождение новых форм и смыслов. В ее недрах происходит социальная локализация в культуре, производство, накопление и трансляция культурных ценностей. Элитарная культура выполняет функцию адаптации человека к «высоко подвижным историческим условиям существования посредством постоянного порождения новых форм и технологий» (Костина, 2009, стр. 15).

ВЫВОД

Каждый значительный этап истории ознаменован появлением новых способов социального взаимодействия и новых субъектов исторического действия, рождая и новый тип культуры. Возрастание интереса исследователей к феномену элитарной культуры всегда было связано с кризисными этапами. Особенно наглядно это проявилось на рубеже XIX–XX вв., когда в противостоянии элитарной и массовой форм культуры наглядно отразилось содержание социальных и эстетических идеалов, мировоззренческих моделей и ведущих тенденций, которыми отмечена жизнь общества. А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Шпенглер говорили о своем к «нетворческому большинству» и в качестве единственного оправдания существования апеллировали к наличию аристократии, редуцирующей элитарную культуру. Именно аристократия обладает уникальными творческими способностями и эстетической восприимчивостью, а потому имеет право на привилегированное социальное положение. Но, по мнению философов, элитарная культура может погибнуть вследствие «вертикального вторжения варварства» (Шпенглер, 1998, стр. 112), формированием культуры массового человека, который свои представления «об эстетическом и

нравственным идеалах рассматривает в качестве абсолютов» (Ортега-и-Гассет, 1991, стр. 265).

Не менее серьезным оказался кризис рубежа XX – XXI вв. Элитарную культуру уже не рассматривают как культуру господствующих общественных групп, которые способны ценить высокую Мысль и высокое Искусство. Элитарная культура даже не противопоставляют массовой и традиционной по содержанию. Способ ризомного видения позволяет массовому сознанию найти понятное и знакомое везде, в чем угодно, что позволяет толковать содержание «на тысячи ладов, не утрачивая при этом неповторимого своеобразия» (Эко, 2004, стр. 49), ведь «любое заблуждение может быть непризнанным носителем истины» (Эко, 2012, стр. 101).

Тем не менее, рассогласование и по времени, и по содержательному наполнению разных типов культур (прежде всего массовой и элитарной) по мере их развития не только не будет сглаживаться, но и увеличится. Это приведет к значительному отрыву высокой культуры от массовой, когда ее смыслы станут не понятными и даже не доступными неподготовленному сознанию, а сама культура прочно перейдет в разряд «элитарной», т.е. закрытой для большинства.

Х. Ортега-и-Гассет считал, что «самые укоренившиеся, самые бесспорные наши убеждения – всегда самые сомнительные. Они ограничивают нас, втискивают в узкие рамки. Упрямое стремление сохранить самих себя в границах привычного, каждодневного – это упадок жизненных сил. До тех пор, пока мы способны наслаждаться цельностью и полнотой бытия – горизонт расширяется. Напротив, когда горизонт застывает – это значит, что наша жизнь окостенела и мы начали стареть» (Ортега-и-Гассет, 1991, стр. 243). Именно такому угасанию противодействует элитарная культура.

Список литературы

- Бердяев, Н. А. (2012). *Философия неравенства*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Забелина, Е.Н. (2012). Высокая культура Нового времени: между массовым и элитарным. В *Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы мировой художественной культуры»*. В 2 ч. Ч.1 (108-113). Гродно: ГрГУ.
- Зиммель, Г. (1996). *О сущности культуры. Избранное. Философия культуры*. М. Retrieved from Электронная библиотека "Нестор" <http://nestor.history.webjump.com/library.htm>
- Иконникова, С. Н. (2008). *Теория культуры*. Санкт-Петербург: Питер.

- Кондаков, И. В. (1998). *Элитарная культура. В: Культурология. XX век: в 2 т. Том 2.* (стр. 387). СПб: Питер.
- Кондаков, И. В. (2019). *Русский масскульт: от барокко к постмодерну*. Москва: Центр гуманитарных инициатив.
- Костина, А.В. (2011). *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*.: Doctoral dissertation. Москва.
- Костина, А.В. (2009). *Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Костина, А.В. (2009). *Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности*. PhD Thesis. Москва.
- Леви-Строс, К. (1994). *Первобытное мышление*. Москва: Издательский дом: Республика.
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991). Дегуманизация искусства. В *Самосознание европейской культуры XX века* (стр. 230-268). Москва: Политиздат.
- Тишкина, Е. И. (2012). *Элитарность и массовость как феномены бытия культуры*: PhD Thesis. Екатеринбург.
- Флиер, А.Я. (2011). Элитарная, народная и массовая культуры: диалог на эшафоте. *Обсерватория культуры*, (1), 26-29 . Retrieved from <https://rucont.ru/efd/447905>
- Флиер, А.Я. (2000). Социальные основания массовой культуры. В *Культурология для культурологов* (стр. 370-391). Москва: Академический проект.
- Шпенглер, О. (1998). *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. (Т. 2.) Москва: Мысль.
- Эко, У. (2012). *Остров накануне*. Москва: Астрель.
- Эко, У. (2004). *Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике*. Санкт-Петербург: Академический проект.

References

- Berdyaev, N.A. (2012). *Philosophy of Inequality* Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian)
- Zabelina, E.N. (2012). High Culture of the New Age: between the Mass and the Elitist. In *the International Scientific and Practical Conference materials "Actual problems of world art culture"*. In 2 parts. P.1 (108-113). Grodno: Grodno State University. (In Russian)
- Simmel, G. (1996). *The essence of culture. Selected essay. Philosophy of Culture*. M. Retrieved from "Nestor" Digital Library <http://nestor.history.webjump.com/library.htm>. (In Russian)
- Ikonnikova, S.N. (2008). *Theory of Culture*. St. Petersburg: Peter. (In Russian)

- Kondakov, I. V. (1998). Elite Culture. In: *Culturology. XX century: in 2 V. Volume 2: Elite Culture*. (p. 387). St. Petersburg: Peter. (In Russian)
- Kondakov, I. V. (2019). *Russian Massacre: from Baroque to Postmodern*. Moscow: Centre for Humanitarian Initiatives. (In Russian)
- Kostina, A.V. (2011). *Mass Culture as a Phenomenon of Post-Industrial Society*: Doctoral dissertation. Moscow. (In Russian)
- Kostina, A.V. (2009). *The Relation of Traditionality and Creativity as the Basis of Socio-cultural Dynamics*. Moscow: LIBROKOM Book House. (In Russian)
- Kostina, A.V. (2009). *Ratio and Interaction of Traditional, Elite and Mass Cultures in the Social Space of Modernity*. PhD Thesis. Moscow. (In Russian)
- Levi-Stros, K. (1994). *Primordial Thinking*. Moscow: Publishing House: Republic. (In Russian)
- Ortega-i-Gasset, J. (1991). Dehumanization of Art. In *Self-Consciousness of European Culture of the 20th Century* (pp. 230-268). Moscow: Politizdat. (In Russian)
- Tishkina, E. I. (2012). *Elitism and Masses as Phenomena of Cultural Existence*: PhD Thesis. Yekaterinburg. (In Russian)
- Flier, A.Ya. (2011). Elite, popular and mass culture: dialogue on the scaffold. *Cultural Observatory*, (1), 26-29 . Retrieved from <https://rucont.ru/efd/447905>. (In Russian)
- Flière, A.Ya. (2000). Social foundations of mass culture. In *Cultural Studies for Cultural Scientists* (pp. 370-391). Moscow: Academic Project. (In Russian)
- Spengler, O. (1998). The Sunset of Europe. *Essays on morphology of world history*. (V. 2.) M.: Thought. (In Russian)
- Echo, U. (2012). *Island on the Eve*. Moscow: Astrel. (In Russian)
- Eco, U. (2004). *An Open Work. Form and Uncertainty in Contemporary Poetics*. St. Petersburg: Academic project. (In Russian)

**История элитологии
и элитология истории**

**History of Elite Studies
and Elite Studies of History**

ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF TRANSNATIONAL ELITES IN RUSSIA: A HISTORICAL ASPECT

Arushan A. Vartumyan (a)

(a) The North Caucasus Federal University. Pyatigorsk, Russia. Email: pragpu[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-2295-5436

Abstract

From a historical point of view, this article presents the interest of transnational elites in the financial and economic space of Russia. The movement of capital between Russia and foreign money markets is considered. The role of transnational elites in terms of the amount of capital imported into Russia is shown. The role of French, English, German capital in the financial and industrial sphere of Russia is differentiated. The role of the Rothschilds in industrial investment in Russia is revealed.

The work examines transnational elites united in international corporations and welded together by corporate interests and traditions. A comprehensive analysis of the activities of transnational elites in Russia shows that their activities significantly increased the capitalist exploitation of the country, turning it into a financial and raw material appendage of the West. However, most importantly, it did not strengthen, but on the contrary, reduced the social responsibility of the ruling class to society, thereby destroying the strength of the political system itself, which turned out to be helpless in the face of serious social (revolutionary) upheavals. On the one hand, foreign investments contributed to the development of capitalism in Russia, on the other hand, they pushed it towards geopolitical alliances that were extremely unfavorable for its foreign policy. Russia then failed to defend its national interests, which led to significant reputational losses and the loss of its leading positions.

Key words

transnational elites; industrial capital; capital outflow; Rothschilds; Verneil group; geopolitics; conflicts.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вартумян Арушан Арушанович (а)

(а) Северо-Кавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия. Email: pragpu[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-2295-5436

Аннотация

Уже второе столетие роль транснациональные корпоративные элиты (ТНК-элиты) влияют не на только темпы и векторы развития экономики ведущих стран мира, но и существенно влияют на развитие международных отношений, определяя время и место мелких финансовых конфликтов и крупных военно-политических кризисов. В настоящее время элиты транснациональных компаний (Multinational corporation) прочно ассоциируются с глобализмом и империализмом. Их роль носит противоречивый характер и неоднозначные оценки. История взаимоотношений российского государства с крупными финансовыми мировыми центрами насчитывает не одно столетие. На конкретном примере – российской истории начала XX в. – мы намерены высветить наиболее значимые черты, характерные для подобного рода «сотрудничества».

Для царского правительства использование иностранного капитала было вынужденной мерой. Деятельность транснациональных финансовых и экономических элит в это время уже начали постепенно приобретать глобальный характер. Причем, как и в наше время и тогда они были далеки от идей справедливости и пацифизма (Falk, 1999; Мовсесян & Огнивцев, 1999; Владимирова, 2001; Keane, 2003). Как и тогда, мы и сейчас далеки от идеализации этой формы капитала и прекрасно осведомлены о тех нравах и традициях, которые существовали и продолжают существовать в этой специфической корпорации элит.

Ключевые слова

транснациональные элиты; промышленный капитал; отток капитала; Рот-шильды; группа Вернейл; геополитика; конфликты.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Уже второе столетие роль транснациональные корпоративные элиты (ТНК-элиты) влияют не на только темпы и векторы развития экономики ведущих стран мира, но и существенно влияют на развитие международных отношений, определяя время и место мелких финансовых конфликтов и крупных военно-политических кризисов. В настоящее время элиты транснациональных компаний (Multinational corporation) прочно ассоциируются с глобализмом и империализмом. Их роль носит противоречивый характер и неоднозначные оценки. История взаимоотношений российского государства с крупными финансовыми мировыми центрами насчитывает не одно столетие. На конкретном примере – российской истории начала XX в. – мы намерены высветить наиболее значимые черты, характерные для подобного рода «сотрудничества».

Для царского правительства использование иностранного капитала было вынужденной мерой. Деятельность транснациональных финансовых и экономических элит в это время уже начали постепенно приобретать глобальный характер. Причем, как и в наше время и тогда они были далеки от идей справедливости и пацифизма (Falk, 1999; Мовсесян & Огнивцев, 1999; Владимирова, 2001; Keane, 2003). Как и тогда, мы и сейчас далеки от идеализации этой формы капитала и прекрасно осведомлены о тех нравах и традициях, которые существовали и продолжают существовать в этой специфической корпорации элит.

МЕТОДОЛОГИЯ

Основной *целью* настоящего исследования является раскрытие роли транснациональных элит в развитии исторического процесса и оценка их деятельности как со стороны научного, так и политического сообщества. *Объектом* исследования являются транснациональные элиты, объединенные в международные корпорации и спаянные корпоративными интересами, а в качестве *предмета* – их влияние на российское экономическое и политическое положения в начале XX в.

Для достижения поставленной цели, автором были использованы такие *методы* исследования как: компаративистика, институциональный и системный подход, а также принципы историзма, статистического анализа, принципы историографического исследования.

В современной научной литературе содержится значительный массив информации по указанной проблематике, который всё ещё нуждается в систематизации и историографическом анализе. Именно

эта часть работы оказывается наиболее трудоемкой и занимает до 80 % затраченного на нее времени. В работе использованы материалы как дореволюционных авторов, (А.Н. Зак, В.С. Зив и др.) так и советских (П.В. Оль; Л.Я. Эвентов; Г.Д. Бакулев; В.И. Бовыкин и др.), а также и современных исследователей (А.И. Фурсов, Н.П. Обухов, А.П. Цыпин и др.). В раскрытии сущности поставленной автором проблемы им были использованы материалы российских геополитиков (А.Е. Вандам, П.Н. Дурново), которые еще в начале XX в. дали свои реалистические оценки состояния Российской империи в свете рассматриваемой нами проблемы.

ТРАДИЦИОННО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ЦАРСКАЯ РОССИЯ

Мы знаем, что развитие капитализма в России в конце XIX – начале XX вв. шло трудным зигзагообразным путем, и что выводы о перспективах его строительства во многом увязывались с политическими требованиями ограничения самодержавия и развития демократических институтов (Ленин, 1971, Т.3). Не последнюю роль в этом процессе играл западный капитал, который пришел в это время в российскую экономику, и оказавший свое финансово-политическое воздействие. Благодаря ему, Российский капитал тоже оказался включенным в мировые процессы, правда, не под тем положительным знаком, как он изначально о себе мыслил.

Традиционно транснациональные элиты (ТНК-элиты) на протяжении XIX – начала XX веков проявляли большой интерес к Российской империи, к ее экономике и финансам. Как известно, в начале XX в. Россия по объему промышленного производства вышла на 5-е место в мире, а по темпам роста промышленности занимала 1-е место. Но какой ценой? Еще накануне Первой мировой войны Россия имела крупную внешнюю задолженность, набрав огромное количество иностранных займов. С 1901 по 1914 г. было получено девять государственных займов за границей. Крупные займы Россия получила в годы русско-японской войны и первой русской революции: в 1904 г. – на 300 млн руб., в 1905 г. – четыре займа на сумму почти 600 млн руб. Несмотря на это, финансовое положение к 1906 г. было очень напряженным. Нависла угроза краха золотой валюты и перехода к безграничному выпуску бумажных денег. Огромный, но невыгодный заем, полученный в 1906г., все же помог правительству выйти из финансовых затруднений (См.: Зак, 1914; Зив, 1915; Оль, 1922; Бовыкин, 2001).

Россия этого времени демонстрировала стремительный рост банковского сектора. «К 1913 г. банки через владение контрольными пакетами акций распоряжались 88 % собственности предприятий металлургической промышленности, 96 % — судостроения, 81,2 % — вагоностроения, 75 % — угольной промышленности, 60 % — всей нефтедобычи, 80 % — добычи меди» (Обухов, 2012). Но плодами этого развития пользовалась узкая группа лиц, неотягощенная социальной ответственностью и отстаиванием национальных государственных интересов.

Еще в советское время отмечалось, что политика царского правительства в отношении иностранного капитала открывала «зеленый свет» развитию капитализма в России. Именно иностранные инвестиции, давая царизму средства для покрытия производительных расходов, позволяли использовать ресурсы внутреннего накопления на всякого рода «непроизводительные расходы, целью которых, в конечном счете, было укрепление экономических и политических позиций государства (война, борьба с революционным движением, поддержка помещиков и т.п.)» (Бовыкин, 1964, стр. 82-83).

Золотой запас Российской империи не мог помочь рассчитаться по долгам, потому что хоть он и был крупнейшим в мире, но составлял всего, 1,7 млрд руб. Госдолг увеличился с 4 млрд руб. в 1900 г. сначала до 6,6 млрд руб., а затем до 8,7 млрд руб., к 1914 г. достиг значения 8,8 млрд рублей (50 % ВВП) и вырос к 1917 г. до 33,6 млрд (220 % ВВП). Считается, что госдолг, превышающий 100 % ВВП, является практически безнадежным, потому что средств, которые страна может выплачивать относительно безболезненно (порядка 3-5 % ВВП), достаточно лишь для процентов по долгу (обслуживания долга), а его полное погашение становится не прогнозируемо долгим (Бовыкин, 2001).

В движении капиталов между Россией и иностранными денежными рынками усматривается три этапа. На первом этапе (1904-1905 гг.) имел место отток капиталов, в том числе и иностранных, из России. Сотни миллионов рублей золотом было переведено за границу. На втором этапе (1906-1909 гг.), когда экономическая конъюнктура стабилизировалась, иностранные капиталы начали возвращаться в российскую экономику, но в незначительных объемах. Третий этап (1909-1914 гг.) — это период активного привлечения иностранных капиталов царским правительством¹.

¹ Российские исследователи отмечают, что «в целом за период 1891-1914 гг. в акционерную промышленность было вложено основных капиталов 2330,1 млн. руб. Фактическим источником этого

По размеру ввозимого в Россию капитала на первом месте стояла Франция (32 %), на втором – Англия (25 %), затем – Германия (16 %), Бельгия (15 %), США (6 %) и т.д. Французский капитал вкладывался в отрасли тяжелой промышленности и в кредитную систему; Франция была главным кредитором России по государственным займам. На долю французского капитала приходилось около трети всех иностранных капиталов, вложенных в акционерные общества России.

Английские капиталы направлялись главным образом в сырьевые отрасли (добычу нефти, золота, меди, свинца и др.), а также в предприятия коммунального хозяйства. Немецкий капитал помещался преимущественно в предприятия электропромышленности, химической промышленности и в акционерные банки, хотя и в меньшей степени, чем французский. Бельгия основную часть экспортируемых в Россию капиталовложений направляла в предприятия горной промышленности, а также в коммунальные, машиностроительные, химические и т.д. Пятое место по объему вложений в народное хозяйство России занимали США. Американский капитал участвовал также в русском Акционерном обществе смазочных и других химических продуктов, в двух предприятиях по страхованию жизни и т.д. (Бовыкин, 2001).

Средние показатели по всей промышленности, дают следующие величины: в 1908 г. — 27 %; в 1909 г. — 28 %; в 1910 г. — 28 %; в 1911 г. — 29 %; в 1912 г. — 31 % (К вопросу об участии иностранного капитала, о долгах и компенсации. РГАЭ Ф. 105, оп. 1, Д. 179, Л. 8–11). Таким образом, к 1913 г. иностранный капитал составлял 20,3 % всей ценности имущества и годичной стоимости сырья и топлива (Народное хозяйство СССР в цифрах 1860–1938, 1940). «При этом в горной промышленности иностранный капитал составлял 48,3 %, в металлообрабатывающей промышленности — 48,4 %, химической — 23,7 %. Обработка минеральных веществ 10,3 %, обработка камней и глины — 8,2 %, текстильной промышленности — 6,6 %, обработка бумаги — 6,1 %» (Цыпин, 2014, стр. 197).

вложения послужила не только чисто промышленная прибыль, но и приток иностранного капитала. На долю же внутреннего накопления приходилось 1188 млн. руб., или 50,9 % всего прироста основных капиталов, что соответственно составит 2349,7 млн.рублей прибылей и 1063,8 млн.руб. дивидендов. Вот этими-то огромными финансовыми резервами стал распоряжаться иностранный, преимущественно французский и английский финансовый капитал, фактически подчинив себе российскую промышленность через дочернюю систему российских банков. Следует также учитывать, что примерно 50 % прибыли в виде дивидендов вывозилась в виде платежей за границу. Так, профессор С.Г.Струмилин определял экспорт промышленных прибылей к 1913 году из России за границу в размере 721 млн.рублей» (Обухов, 2009).

Исследователи этого вопроса отмечают, что «внушительная величина иностранного капитала в промышленности в текущий период времени, подталкивает к размышлению о нормальности (либо не нормальности) сложившейся ситуации. Поскольку в предшествующем периоде развития России (т.е. советском) все принадлежало государству, при этом с учетом «закрытости» СССР ни о каком иностранном вкладе не могло быть речи... Стоит отметить, что сопоставление видов экономической деятельности современной и царской России затруднительно в силу различных классификаций» (стр. 196). Статистика показывает, что доля иностранного капитала в современной российской промышленности в начале 2010-х гг. в среднем составляла от 33 до 39 % (стр. 196).

Российские эксперты отмечают, что «инициатива по привлечению французского и бельгийского капиталов в Россию принадлежала прежде всего французским банкам, представители которых (Вернейль и др.) предложили министру финансов В.Н. Коковцову образовать мощную финансовую группу для содействия развития промышленности в России. Предполагалось, что российские банки разделят с французскими ответственность за развитие промышленных предприятий. Министр финансов В.Н. Коковцов поддержал эту инициативу. Таким образом, концентрация промышленности обеспечивалась деятельностью крупных банков, которые полностью управляли рынком. Уже к 1913 г. более 50 % банковских сделок стало производиться через посредство шести санкт-петербургских банков, в свою очередь контролировавшихся иностранными банками. Например, в 1914 г. 65 % капитала самого крупного Русско-Азиатского банка принадлежало французским вкладчикам» (Обухов, 2009).

Опираясь на данные РГАЭ, можно констатировать, что в 1913 г. иностранный капитал составляет 20,3 % всей ценности имущества и годичной стоимости сырья и топлива России. В горной промышленности иностранный капитал составлял 48,3 %, в металлообрабатывающей промышленности – 48,4 %, химической – 23,7 %; обработка минеральных веществ – 10,3 %, обработка камней и глины – 8,2 %, текстильной промышленности – 6,6 % обработка бумаги – 6,1 % (Фурсов, 2017, стр.170). Более того, некоторые исследователи указывают на значительно большую долю иностранного капитала в экономике России. Например, А. Фурсов утверждает, что к 1914 г. иностранному капиталу (французскому, бельгийскому и британскому) принадлежало почти 100 % нефтяной промышленности, 90% добычи

полезных ископаемых, 50 % химической промышленности, 40% металлургической и около 30 % текстильной (Ставицкий, 2016).

Все это свидетельствует об огромной роли иностранного капитала в деле организации и успешном развитии промышленности Российской империи, а в некоторых отраслях промышленности – об их основополагающей роли. А это, в свою очередь, оказывало громадное влияние на принятие Россией важнейших политических решений. Именно под воздействием французских и английских кредиторов Россия в начале XX в. стала членом Антанты, а затем в ходе Первой мировой войны воевала с Германией, с которой у нее не было никаких существенных противоречий, а длительное время существовали партнерские отношения в различных сферах, в том числе родственные династические связи (См.: Струмилин, 1925; Дьяконова, 1997).

В начале XX в. значительную часть иностранного капитала России составляли средства финансово-промышленной группы Ротшильдов. После революции 1917 г. и ликвидации частной собственности все активы иностранных и отечественных компаний были национализированы. Однако уже в середине 20-х годов прошлого века финансово-экономическая группа Рокфеллеров заключила соглашение с правительством СССР на продажу бакинской нефти в европейских странах. Взамен Рокфеллеры вложили значительные средства в реконструкцию советской экономики, в том числе и кавказских нефтепромыслов, построили нефтеперерабатывающий завод. Только первым траншем в 1927 г. СССР получил от них 75 млн. долларов. В то же время финансово-экономическая группа Ротшильдов через нефтяную компанию RoyalDutch Shell активно финансировала антибольшевистские силы в России и эмигрантское антисоветское движение.

Приток иностранного капитала в Россию объяснялся высокой ценой получаемой здесь ими прибыли. Если у себя на родине они получали 4-5 % дивиденда, то в России эта цифра доходила до 20–30 % (Эвентов, 1931, стр. 20, 71). Известно, что с 1887 по 1913 г. чистая прибыль иностранных предпринимателей на вложенный в России капитал составила более 2,3 млрд. руб., или на 30% больше инвестируемого капитала (1 783 млн. руб.) (Бакулев, 1955, стр.156-157). При этом весь основной капитал акционированной промышленности России составлял на 1 января 1917 г. примерно 3 185 млн. руб (Струмилин, 1925, стр. 52). Таким образом, по оценкам российских ученых, на долю иностранного капитала падает более 50 % (Обухов, 2012).

Таким образом, следует констатировать наличие интересов финансово-экономических транснациональных элит в становлении рос-

сийской экономики, в принятии политических решений, в участии указанных элит в мировой политике с давлением на Россию.

Именно эти «игры» с иностранным капиталом в основной мере и втянули царскую Россию не только в мировую экономику, но и в мировую геополитику, определив ее местоположение и участие в Первой мировой войне (См.: Фурсов, 2017). Именно финансовые магнаты в то время активно вмешивались в политическую борьбу сверхлидеров, навязывая им свою волю. В.И. Ленин назвал такой капитализм «империализмом», подчиненным воле транснациональных корпораций. И для объяснения сущности происходивших тогда в мире процессов нам придется обратиться к тем, кто занимался геополитикой и моделированием международных отношений.

Особо отметим, что качество тогдашней статистики не позволяет заглянуть вглубь происходивших тогда в России процессов, и достоверно установить происхождение капиталов и их истинных владельцев (Вся Россия, 1912; Юбилейный сборник Центрального Статистического Комитета МВД, 1913; Статистический ежегодник России 1913 г., 1914). Поэтому обратимся к свидетельству тех исторических лиц, которые знали больше, чем содержалось в тогдашней официальной статистике. Речь идет о представителях самой царской элиты, которые как раз и знали эту проблему «изнутри».

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОДЫ ТНК-ЭЛИТ

Исследователями давно было замечено, что извлекаемая транснациональными корпорациями прибыль предназначена исключительно для руководства самих транснациональных корпораций². Это узкий и крайне эгоистический круг лиц, с формализованными до уровня абстрактных идей социальными обязательствами перед всем остальным человечеством. Не зря этих предпринимателей и «честных капиталистов» называют «хищниками».

Следует отметить, что критические замечания относительно зависимости Российской империи от западного капитала высказывали многие ведущие политики рубежа XIX–XX столетий. В их числе

² «В соответствии с планами Хозяев Мировой Игры информационно-когнитивная революция должна будет принести плоды небольшой части человечества – его нынешней верхушке, которая будет контролировать информацию, ресурсы и поведение людей. Разумеется, эта верхушка постарается установить монополию на науку, прежде всего фундаментальную, закрепив её таким образом, который весьма напоминает кастово-жреческую систему, только в её не досовременном, а постсовременном виде – на основе высоких NBICS-технологий. Именно к такому состоянию ведёт планомерное разрушение массового образования и его социальных институтов на Западе, в РФ и в ряде других регионов мира» (Фурсов, 2017).

наиболее известным был граф С.Ю. Витте, который понимая потребность российских властей в развитии капитализма за счет внешних займов, тем не менее, предупреждал о возможных негативных последствиях этой зависимости (Витте, 1994). Но чаще всего споры шли вокруг того: брать или не брать, и у кого брать. Постепенно сложились три партии – англофильская, франкофильская и германофильская. Известно, что русскую революцию 1917 г. финансировали как германский, так и англосаксонский капитал. Главное для всех них было одно- максимально ослабить Россию и вывести ее из геополитической игры.

Еще генерал *А.Е. Вандам* (Едрихин) (1867–1933) перед самой Первой мировой войной отмечал, что на рубеже веков ведущие западные державы в достижении своих колониальных целях помимо армии и флота стали применять еще экономическое и финансовое «оружие» (Вандам, 2002). Он в частности указывал, что «одним из основных и неизменных принципов государственной политики (Высшей Стратегии) англичан является следующий: уничтожив морские силы своих соперников и заперев последних на материке, - удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота» (Вандам, 2002, стр. 159). Но все чаще англосаксы в своей внешней стратегии начали использовать приемы финансового удушения противника. И в этом плане Россия оказалась весьма уязвимой, поскольку «задолжала» ведущим западным странам очень крупные суммы кредитов. Вместе с тем А.Е. Вандам отмечал, что главным соперником России в Европе является Германия, а в мире – англосаксы. Сделанный им еще в 1912 г. прогноз относительно того, что к середине XX столетия англосаксонская нация будет торжествовать на всем земном шаре (Вандам, 2002, стр. 88), оправдался полностью. Помогая Англии сокрушить Германию, Россия фактически вредит сама себе, поскольку обостряет проблему «*Dragnach Osten*» (Вандам, 2002, стр.177-179, 185). Спрашивается, «для чего России союз с Англией, если последняя фактически натравливает Германию и Россию друг на друга?!» С точки зрения А.Е. Вандама, война Океанской Империи с Континентальной неизбежна. После падения Германии, начнется великое противостояние между Россией и англосаксами (Великобритания и США) (Вандам, 2002, стр. 183).

А.Е. Вандам фактически высказывал мысль о том, что англосаксы заинтересованы в развале Российской империи не меньше чем кайзер Германии и при любом удобном случае непременно вмешаются в российские дела. Германский империализм себя переоценил, недо-

оценив своих прямых конкурентов – англосаксов.³ И сегодня тема как Ротшильды и Рокфеллеры делят Россию, является одной из самых популярных среди сторонников теории заговоров (Пачкалов, 2019).

Еще более жесткую оценку рассматриваемой нами проблемы мы встречаем у бывшего министра внутренних дел Российской Империи (октябрь 1905 – апрель 1906), лидера правой группы Государственного Совета (1908 - 1915) *Петра Николаевича Дурново* (1843–1915). В феврале 1914 г. им была составлена записка («меморандум») на имя царя, в которой он предостерегал против войны с Германией и предсказывал победу социалистической революции. В этой записке, ставшей во многом пророческой⁴, П.Н. Дурново весьма подробно объяснял причины грядущего поражения России.

Он, в частности, указывает на то, что «центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии. Это соперничество неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны. Слишком уж несовместимы интересы этих двух государств, и одновременное великодержавное их существование, рано или поздно, окажется невозможным» (Дурново, 1922). Как истинный германофил, Петр Николаевич настаивал на том, что Россия должна вести против Великобритании информационную войну, а не заключать с ней союзнические договоры. Доверять Британии ни в коем случае нельзя. Англия использует Россию в виде тарана против Германии. И использует исключительно в своих интересах.

По заключению П.Н. Дурново, основная «тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, до-

³ Российским экспертами отмечалось, что «именно геополитическая некомпетентность привела к тому, что немцы рассматривали мировую политику по аналогии с европейской, и в результате пустились в мировую авантюру XX в. на основе ограниченного опыта континентальной державы XIX в., не принимая в расчёт русский и американский факторы и потому, например, не предвидели возможности объединения Британии и России – в европейских масштабах подобное, действительно, было крайне маловероятно, а на мировой шахматной доске – вполне возможно» (Фурсов, 2017).

⁴ Известный американский историк Р. Пайпс отмечал, что меморандум П.Н. Дурново «так точно предсказывает ход грядущих событий, что, не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку» (Пайпс, 1994, стр. 239).

станется нам, а между тем, сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить и сил, и внимания» (Дурново, 1922). Россия совершенно не готова к такому развитию событий. П.Н. Дурново прямо указывал на то, что жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются. Единственная притягательная сила британской политики - это посылы открытия проливов, но «достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря» (Дурново, 1922).

Торговые связи России и Германии в разы превосходят итоги даже самой победы России над Германией: «разгром Германии в области нашего с нею товарообмена был бы для нас невыгодным. Разгром ее, несомненно, завершился бы миром, продиктованным с точки зрения экономических интересов Англии» (Дурново, 1922). Но именно Лондон настойчиво толкает Санкт-Петербург к войне с Берлином.

По мнению Дурново, еще больших финансовых издержек Россия обретет из итогов этой войны. «Ведь не подлежит сомнению, – пишет он, – что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы» (Дурново, 1922). России не удастся в ходе войны списать свои долги. Кредиторы все равно их потребуют возвращать. И в этой связи П.Н. Дурново пророчески замечал: «даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом» (Дурново, 1922).

П.Н. Дурново открыто говорит о том, что англосаксы рассматривают Россию как «скрытую колонию». В частности, это заметно на отличительных чертах характера европейского бизнеса в России. «В отличие от английских или французских, германские капиталисты большею частью, вместе со своими капиталами, и сами переезжают в

Россию. Этим их свойством в значительной степени и объясняется поражающая нас многочисленность немцев-промышленников, заводчиков и фабрикантов, по сравнению с англичанами и французами. Те сидят себе за границей, до последней копейки выбирая из России выработываемые их предприятиями барыши. Напротив того, немцы предприниматели подолгу проживают в России, а нередко там оседают навсегда. Что бы ни говорили, но немцы, в отличие от других иностранцев, скоро осваиваются в России и быстро русеют... Наконец, не следует забывать, что Германия, до известной степени, и сама заинтересована в экономическом нашем благосостоянии. В этом отношении Германия выгодно отличается от других государств, заинтересованных исключительно в получении возможно большей ренты на затраченные в России капиталы, хотя бы ценою экономического разорения страны (Дурново, 1922).

Мы специально позволили себе привести столь обширную цитату из П.Н. Дурново, потому что усматриваем в ней глубокие аналитические размышления человека, душой и сердцем болеющего за национальные интересы России. С другой стороны, Петр Николаевич дал детальный анализ того вопроса, который рассматривается в настоящей работе и нам остается лишь присоединиться к его мнению.

ВЫВОДЫ

Приведенный в настоящей работе материал указывает на то, что Российская империя в начале XX в. столкнулась с весьма серьезным вызовом, организованным со стороны ведущих западных транснациональных элит. Инвестиции ведущих западных капиталов преследовали цель собственного обогащения и только в таком контексте они и рассматривали Россию. Россия (особенно англосаксами) рассматривалась как потенциальная колония, армию и флот которой можно было нейтрализовать путем «покупки» правящих элит. В целом, сделка с финансовым Западом не принесла России должных результатов, а участие в чужой для своих национальных интересов Первой мировой войне, спровоцировала новую революцию, в корне перевернувшую весь политический строй и экономический уклад России.

Список литературы

- Falk, R. (1999). *Predatory Globalization: a Critique*. Cambridge. Polity Press.
Keane, J. (2003). *Global Civil Society?* Cambridge University Press.

- Бакулев, Г.Д. (1955). *Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна*. Москва: «Госполитиздат».
- Бовыкин, В.И. (1964). К вопросу о роли иностранного капитала в России. *Вестник Московского университета, серия IX, История*, (1), 55-83.
- Бовыкин, В.И. (2001). *Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны*. Москва: РОССПЭН.
- Вандам, Е.А. (2002). *Геополитика и геостратегия*. Москва: «Кучково Поле».
- Витте, С.Ю. (1994). *Воспоминания: в 3-х томах. Том 1. Том 2. Том 3*. Москва: «Скиф Алекс».
- Владимирова, И.Г. (2001). Исследование уровня транснационализации компаний. *Менеджмент в России и за рубежом*, (6), 99-114
- Вся Россия (1912). *Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи* — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1895-1913. Москва: Типография В. Каракина. Retrieved from: <http://istmat.info/node/47620>
- Дьяконова, И.А. (1997). Прямые германские инвестиции в экономику Российской империи. В *Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России* (стр. 121–149). Москва: РОССПЭН.
- Зак, А.Н. (1914). *Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности*. Санкт-Петербург.: Тип. Л.Я. Ганзбурга.
- Записка Петра Николаевича Дурново Императору Николаю II. 1922. (2014). В *Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи*. Москва: РОССПЭН.
- Зив, В.С. (1915). *Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. I.: Германские капиталы*. Петроград: Тип.ред. период. изд. М-ва фин.
- Ленин, В.И. (1971). Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. В В.И. Ленин *Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. I-55* (стр. 1-609). Москва.
- Мовсесян, А. & Огневцев, С. (1999). Транснациональный капитал и национальные государства. *Мировая экономика и международные отношения*, (6), 56-67.
- Народное хозяйство СССР в цифрах 1860–1938*. (1940). Москва: Московский рабочий. Retrieved from: <http://istmat.info/node/21377>
- Обухов, Н.П. (2009). Экономическая политика царского правительства после кризиса 1900-1903 гг. *Вестник института экономики РАН*, (1), 321-332.
- Обухов, Н.П. (2012). Финансирование индустриального развития России в 1900-1914 годах. *Финансы*, (2), 58-61.
- Оль, П.В. (1922). *Иностранные капиталы в России*. Петроград: 4-я Государственная типография.
- Пайпс, Р. (1994). *Русская революция: в 3 томах. Ч. I*. Москва: «РОСПЭН».

- Пачкалов, А.В. (2019). *Финансовые династии: архитекторы глобализма*. Москва: «Концептуал».
- Ставицкий, А.В. (2016). *Схватка глобальных элит и Россия: общий расклад*. Retrieved from <http://www.skeptimist.livejournal.com/1386057.html>
- Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый)* (1914). Издание ЦСК, Санкт-Петербург. Retrieved from <http://istmat.info/node/7683>
- Струмилин, С.Г. (1925). *Проблема промышленного капитала в СССР*. Москва-Ленинград: Экон. жизнь.
- Фурсов, А.И. (2017). *Мировая борьба. Англосаксы против планеты*. Москва: «Книжный мир».
- Цыпин, А.П. & Овсянников, В.А. (2014). Оценка доли иностранного капитала в промышленности России. *Молодой ученый*, (12), 195-198.
- Цыпин, А.П., Попов, В.В. & Овсянников, В.А. (2016). Рост иностранного капитала в сельском хозяйстве России как угроза продовольственной безопасности страны. *Продовольственная политика и безопасность*, 3(3), 197-202. doi: 10.18334/ppib.3.3.36495
- Чеботарева, М. С. (2017). Участие России в международном движении капитала. В *Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы Междуна- р. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, апрель 2017 г.)* (стр. 56-58). Санкт- Петербург.: Реноме. Retrieved from: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/15/2020/>
- Эвентов, Л.Я. (1931). *Иностранные капиталы в русской промышленности*. Москва: «Наука».
- Юбилейный сборник Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел 1863 - 30.04.1913.* (1913). Санкт-Петербург. Retrieved from <http://istmat.info/node/23854>

References

- All Russia* (1912). Russian book of industry, trade, agriculture and administration: Commercial and industrial address-calendar of the Russian Empire - St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1895-1913. Moscow. V. Karakin's printing house. Retrieved from: <http://istmat.info/node/47620> (In Russian)
- Bakulev, G. D. (1955). *Development of the coal industry of the Donetsk basin*. Moscow: "Gospolitizdat". (In Russian)
- Bovykin, V.I. (1964). On the question of the role of foreign capital in Russia. *Moscow University Bulletin, series IX, History*, (1), 55-83. (In Russian)
- Bovykin, V.I. (2001). *Financial capital in Russia on the eve of the First World War*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Chebotareva, M.S. (2017). Russia's participation in the international movement of capital. In *Problems and prospects of economics and management: materials of In-*

- tern. scientific. conf. (St. Petersburg, April 2017) (pp. 56-58). St. Petersburg: Renome. Retrieved from: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/15/2020/> (In Russian)
- Dyakonova, I.A. (1997). Direct German investments in the economy of the Russian Empire. In *Foreign Entrepreneurship and Foreign Investments in Russia* (pp. 121-149). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Eventov, L. Ya. (1931). *Foreign capital in Russian industry*. Moscow: "Science". (In Russian)
- Falk, R. (1999). *Predatory Globalization: a Critique*. Cambridge. Polity Press.
- Fursov, A.I. (2017). *World struggle. Anglo-Saxons against the planet*. Moscow: "Book World". (In Russian)
- Jubilee collection of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs 1863 - 04/30/1913*. (1913). St. Petersburg. Retrieved from <http://istmat.info/node/23854> (In Russian)
- Keane, J. (2003). *Global Civil Society?* Cambridge University Press.
- Lenin, V.I. (1971). The development of capitalism in Russia. The process of forming an internal market for large industry. In V.I. Lenin *Complete Works. 5th edition. Vol. 1-55* (pp. 1-609). Moscow. (In Russian)
- Movsesyan, A. & Ognitsev, S. (1999). Transnational capital and national states. *World Economy and International Relations*, (6), 56-67. (In Russian)
- Note by Peter Nikolaevich Durnovo to Emperor Nicholas II. 1922. (2014). In *The Light and Shadows of the Great War. World War I in the documents of the era*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Obukhov, N.P. (2009). Economic policy of the tsarist government after the crisis of 1900-1903 *Bulletin of the Institute of Economics RAS*, (1), 321-332. (In Russian)
- Obukhov, N.P. (2012). Financing the industrial development of Russia in 1900-1914. *Finance*, (2), 58-61. (In Russian)
- Ol, P.V. (1922). *Foreign capital in Russia*. Petrograd: 4th State printing house. (In Russian)
- Pachkalov, A.V. (2019). *Financial Dynasties: The Architects of Globalism*. Moscow: "Concept-al". (In Russian)
- Pipes, R. (1994). *Russian Revolution: in 3 volumes. Part 1*. Moscow: "ROSSPEN". (In Russian)
- Statistical Yearbook of Russia 1913 (Year ten)* (1914). Publishing CSK, St. Petersburg. Retrieved from <http://istmat.info/node/7683> (In Russian)
- Stavitsky, A.V. (2016). *Clash of global elites and Russia: general alignment*. Retrieved from <http://www.skeptimist.livejournal.com/1386057.html> (In Russian)
- Strumilin, S.G. (1925). *The problem of industrial capital in the USSR*. Moscow-Leningrad: Econ. life. (In Russian)

- The national economy of the USSR in figures 1860-1938*. (1940). Moscow: Moscow worker. Re-trieved from: <http://istmat.info/node/21377> (In Russian)
- Tsy-pin, A.P. & Ovsyannikov, V.A. (2014). Assessment of the share of foreign capital in the Russian industry. *Young Scientist*, (12), 195-198. (In Russian)
- Tsy-pin, A.P., Popov, V.V. & Ovsyannikov, V.A. (2016). The growth of foreign capital in Russian agriculture as a threat to the country's food security. *Food Policy and Security*, 3 (3), 197-202. doi: 10.18334 / ppib.3.3.36495 (In Russian)
- Vandam, E.A. (2002). *Geopolitics and geostrategy*. Moscow: "Kuchkovo Pole".(In Russian)
- Vladimirova, I. G. (2001). Study of the level of transnationalization of companies. *Management in Russia and abroad*, (6), 99-114. (In Russian)
- Witte, S.Yu. (1994). *Memoirs: in 3 volumes. Volume 1. Volume 2. Volume 3*. Moscow: "Skif Alex".(In Russian)
- Zak, A.N. (1914). *Germans and German capital in Russian industry*. St. Petersburg: Type. L. Ya. Hanzburg. (In Russian)
- Ziv, V.S. (1915). *Foreign capital in Russian joint-stock enterprises. Issue 1: German capitals*. Petrograd: Typ. Ed. period. ed. M-va fin. (In Russian)

Политическая элитология

Political Elite Studies

MIDDLE EAST NODE OF THE GREATER MEDITERRANEAN IN THE CONTEXT OF ELITOLOGICAL ANALYSIS

Gennady V. Kosov (a), Dmitry B. Tatarkov (b)

(a) Sevastopol State University, Sevastopol. Russia. Email: kossov1[at]yandex.ru
ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) Sevastopol State University, Sevastopol. Russia. Email: ditar25[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-4684-356X

Abstract

The geopolitical and ethno-religious problems of the Middle East have always posed a threat to world order and security not only directly to the countries of this region, but also to the African and Mediterranean regions. Of particular interest is the role of ethnopolitical and religious-political elites, who formed the agenda here and carried out concrete political projects in practice.

The given article analyzes the current state of the political elites of the states of the Near and Middle East with different levels of sovereignty. It is the quality of the completeness of the sovereignty of a particular state that is a kind of barometers in the choice of certain strategies for the behavior of political elites. Corruption, the cult of strength, preference for an authoritarian style of government are indicated as the main features inherent in most of the ruling elite groups in this region, traditionalism and conservatism are the dominant political culture. Selfishness, prevailing in political psychology, prevents elites from constructively agreeing on pressing problems, which creates favorable conditions for various kinds of conflicts. On the face of it, we see the growing chaos associated with non-observance of agreements previously reached by politicians. The situation is getting worse due to constant interference in the regional affairs of third countries that have their own national interests here. The final decision remains not with the local elite communities, but with the large players, who view the Near and Middle East as the arena of their global confrontation.

Keywords

Greater Mediterranean; Middle East; disfunctional civilization; elites; Middle East knot; conflict of interests; extremism and terrorism; challenges and threats; chaos; foreign policy; world politics; international relations; actors outside sovereignty

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ УЗЕЛ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Косов Геннадий Владимирович (а), Татарков Дмитрий Борисович (б)

(а) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
Email: kossov1[at]yandex.ru. ORCID 0000-0002-1422-895X

(б) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
Email: ditar25[at]mail.ru. ORCID 0000-0002-4684-356X

Аннотация

Геополитические и этнорелигиозные проблемы Ближнего Востока всегда несли в себе угрозу миропорядка и безопасности не только непосредственно странам этого региона, но и Африканского и Средиземноморского региона тоже. Особый интерес представляет роль этнополитических и религиозно-политических элит, которые формировали здесь повестку дня и осуществляли на практике конкретные политические проекты. Именно элиты несут на себе главную нагрузку в управлении политическими процессами и от качества принимаемых ими решений зависят судьбы целых народов.

В настоящей работе дается анализ современного состояния политических элит государств Ближнего и Среднего Востока с разным уровнем суверенности. Именно качество полноты суверенитета конкретного государства является своего рода барометров в выборе тех или иных стратегий поведения политических элит. В качестве основных черт, присущих большинству правящих элитных групп этого региона, указывается коррупция, культ силы, предпочтение авторитарного стиля управления, а в качестве доминирующей политической культуры выступает традиционализм и консерватизм. Преобладающей в политической психологии эгоизм мешает элитам конструктивно договариваться по насущным проблемам, что создает благоприятные условия для различного рода конфликтов. Налицо усиливающийся хаос, связанный с несоблюдением ранее достигнутых политиками договоренностей. Ситуация ухудшается из-за постоянного вмешательства в региональные дела третьих стран, имеющих здесь свои национальные интересы (США, КНР, ЕС). Однако окончательное решение остается не за местными элитными сообществами, а за крупными игроками (государственными и негосударственными), которые рассматривают Ближний и Средний Восток как арену своего глобального противоборства.

Ключевые слова

Большое Средиземноморье; Ближний Восток; дисфункциональная цивилизация; элиты; ближневосточный узел; конфликт интересов; экстремизм и терроризм; вызовы и угрозы; хаос; внешняя политика; мировая политика; международные отношения; акторы вне суверенитета

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Территория, определяемая как Ближний Восток, географически и геополитически является также составной частью Восточного Средиземноморья, всегда игравшего одну из ключевых ролей во всемирной истории человечества, в том числе и в истории многих европейских народов. Российские исследователи определяют этот регион как территорию «вечного конфликта» (Багдасаров, 2016), как «котел с неприятностями» (Сатановский, 2012; 2018), как место, где сходятся не только мировые религии и культуры, но и где расходятся западное и восточное миропонимание (Савин, 2016; Энгдаль, 2016). При этом феномен роста конфликтности и насилия в этом регионе чаще всего рассматривается через призму теории *глубоко разделенных обществ* (deeply divided societies, ГРО) (Наумкин, 2015). Некоторые сообщества оказываются не просто расколотыми, но и разорванными противостественными государственными границами, грубо нарушающими все существующие здесь традиции.

Аналитики отмечают, что первые десятилетия XXI в. были отмечены беспрецедентно высоким уровнем конфликтности и насилия в ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Известный арабский журналист Хишам Мельхем в этой связи отмечал: «В арабском мире сегодня больше насилия, он более нестабилен, фрагментирован и движим экстремизмом – экстремизмом правителей и тех, кто находится в оппозиции, – более чем, когда бы то ни было с момента распада Османской империи столетие назад» (Melhem, 2014). Чаще всего речь идет о расколе политических элит и острой фазе конкурентной борьбы различных этнократических групп. Неспособность договорной политики предопределяет и общий итог развития конфликта в этом регионе – затяжной (хронический) хаос всех политических и этнокультурных систем. Причем завязавшийся столетиями тому назад ближневосточный узел грозит дестабилизировать и соседние регионы (регионы Большого Кавказа, Каспийский регион и зону Большого Средиземноморья).

МЕТОДОЛОГИЯ

Актуальность данной проблемы определяет в качестве ее *объекта* политические региональные элиты, а в качестве *предмета* – анализ их географического и геополитического контекста. *Задача* настоящего исследования проанализировать современное состояние региональных политических элит и дать общую оценку геополитического контекста их региона в целом. В качестве рабочей *гипотезы* нами выдвигается

тезис о том, что на характер профессиональной деятельности политических элит и их лидеров существенное влияние оказывает набор традиций (психологических кодов, культур и религий), географическая среда обитания и полнота государственного суверенитета представляемых ими стран.

В адекватном понимании происходящих в этом регионе проблем большое место отводится историко-культурным связям, без учета и анализа которых любая научная конструкция будет неточна и фрагментарна. В этой связи автором уделяется особое внимание историческим принципам исследования. Этнокультурное и религиозное многообразие заставляет нас использовать методы компаративистики и диалектики; анализ количественных изменений - прибегать к статистическому методу, а необходимость изучения влияния политических институтов на социокультурные процессы - к институциональному методу исследования.

В работе используются труды ведущих российских востоковедов (Е.М. Примакова, Е.Я. Сатановского, В.В. Наумкина, С.А. Багдасарова и др.), а также и материалы зарубежных исследователей (Engdahl F.W., Gause F.G., Gürbüz M., Melhem H. и др.), занимающихся вопросами безопасности, террористических угроз и поведения элит в международных отношениях. Не забытыми оказались и догматы монополярного миропорядка, утверждающие доминацию США на международной арене (З. Бжезинский, Ф. Фукуяма) и концепцию конфликта цивилизаций (С. Хантингтон) в противовес концепту «диалога культур» (В.С. Библер).

Элитологический анализ настоящей работы заключается в том, чтобы дать оценку действиям политических элит этого региона в стремлении их решить возникшие перед их странами проблемы, связанным в первую очередь с безопасностью и выживанием, а также с решением проблемы обеспечения суверенитета своих государств.

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ КАК ТЕРРИТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Все помнят первые строчки «Баллады о Западе и Востоке» Р. Кипплинга:

«Запад есть Запад, Восток есть Восток
и им не сойтись никогда,
пока не предстанут на Божий суд
народы и города...»

Но при этом гораздо меньше обращают внимания на последние строчки этой баллады:

«Но Запада нет, и Востока нет,
если двое мужчин,
рожденные в разных концах земли,
станут друг к другу лицом».

В одном произведении мы видим и жесткое противостояние двух миров - мира Запада и мира Востока, и озарение, связанное с пониманием их некой общей фундаментальной сути. И в первом, и втором случае у Р. Киплинга есть формула сближения этих миров. В первом случае понимание единого начала происходит посредством единения перед гибельными для всех вызовами, а во втором – через сознательный поиск и акцентирование на том, что в этих мирах общего, при минимизации тех моментов, которые нас различают.

Но всегда ли существовали Запад и Восток не как географические понятия, а как социокультурное явление? На этот вопрос можно ответить однозначно – нет. Скорее всего, правильно было бы говорить о том, что вся Ойкумена – весь мир, познанный и освоенный, был большим Востоком. Но где и когда, происходит раскол восточного социокультурного, психо-ментального восточного массива, на какой территории вследствие социальных мутаций возникает протозападная цивилизация, как дисфункция большого восточного социокультурного и психо-ментального массива? Этой территорией является регион Большого Средиземноморья.

Большое Средиземноморье – это не метафора, не повторение броделевской концепции (Бродель, 2002), а концепт (теория, проект), основанный на идеях цивилизационного развития, сопряжения социокультурных и ментальных массивов, принципах геополитической трансформации релятивистских и физикалистских пространств, конфликта – консенсуса существовавших ранее и существующих в настоящее время политических и геополитических / геоэкономических (экономических) проектов.

Логика цивилизационной динамики в Большом Средиземноморье выстраивается от условной традиционной протоцивилизации, под условным названием «Протовосток», в рамках которой жили люди с традиционными психо-ментальными чертами, через феномен Античности к появлению Западной цивилизации и новому психо-ментальному типу, и к сосуществованию Западной, Православной и

Мусульманской цивилизаций, к их взаимопроникновению на линиях соприкосновения в Большом Средиземноморье.

Специфика Большого Средиземноморья проявляется (выявляется) лишь при глобальном (комплексном) рассмотрении истории этого региона, а не через сравнительную историю отдельных стран, входящих в регион. Это история Большого Средиземноморья как особого социокультурного и геополитического феномена.

Мы считаем, что, во-первых, в процессе выпадения человека из континуальных структур природно-космических биоритмов у него в сознании формируется мощный импульс отчуждения: «я - другой», «они - мы». Будучи детерминированным Природой, Человек специфически организует себя и окружающий его мир и считает эту форму отношения единственно возможным отношением бытия. Сталкиваясь с другой мерой упорядочения, Человек воспринимает это новое как «чужое», как попытку уничтожить «свое», что приводит к желанию ради сохранения «своего Мира» прибегнуть к насилию по отношению к «их Миру». Таким образом, антиномия «я» - «другое», как отмечалось, является своеобразным суперархетипом мировой истории. Во-вторых, разрушение-созидание через насилие связано с архетипом мифологического пересотворения мира как обновления «дряхлающего» миропорядка. Так средневековый карнавал разрушал старый порядок. Во время карнавального действия происходило падение иерархии, законов, в том числе божественных, погружение в Хаос, который содержал в себе потенциально все возможные формообразы и структуры порядка. И только после разрушения, после наступления царства богини Тиамат, происходило рождение, созидание и укрепление нового, более лучшего его порядка.

Очень образно и метафорично раскол восточного социокультурного и психоментального массива описан в «Энеиде» Вергилия. В. Топоров, анализируя «Энеиду», говорит о двух принципиально отличных психоментальных типах Энея – Эней-троянский и Эней-италийский (Топоров, 1993). Эней-троянский – это человек Прото-восточной цивилизации, который циклически воспринимал время, адаптировал себя под природу, ориентировался на опыт и традиции предков. Но троянская трагедия, сверхцель, сверхзадача, поставленная высшими силами перед ним, ориентируют его больше в будущее, чем в прошлое (формируется линейное восприятие времени), заставляют его искать, исследовать, становиться деятельным не столько по отношению к себе (самосовершенствование внутреннего мира), а по отношению к окружающему миру, и со временем он адаптирует его под

себя, создавая новые традиции и паттерны. Все это характеризует Энея-италийского, который по своему психоментальному типу является протоевропейцем, носителем ментальных черт Западной цивилизации.

Другим фундаментальным основанием западной цивилизации является частная собственность. Так, примерно до VII в. до н.э. можно было говорить о единой человеческой Ойкумене для которой были характерны следующие черты: господство общинных связей, наличие правителей-вождей (басилевсы и др.) и неразвитость частнособственнических отношений. Но во второй трети I тысячелетия до н.э. с появлением античной Греции возникает дихотомия Восток-Запад. Именно с этого момента вырисовывается человек протоевропейского типа, отличный по своим ментальным чертам от человека восточного типа. Для него было характерно стремление в будущее, желание адаптировать Природу под себя и расширить Ойкумену.

Причинами данной социальной мутации явились развитые торговые связи и средиземноморское мореплавание, появление частной собственности, синтез «гомеровской основы» и финикийского эталона вкупе с природно-климатической спецификой Балканского региона.

Именно специфика Балканского региона приводит к формированию особого духовного облика «балканского человека» (по терминологии В.Н. Топорова).

Во-первых, море, его опасности, неожиданности, тайны, не дающее гарантий выживания, приглашающее к испытанию и риску, к личному выбору и инициативе формирует деятельного, решительного человека, уверенного в себе и полагающегося только на себя. Море научило ценить реальные способности и возможности человека.

Во-вторых, изрезанность береговой линии, множество островов, которые находятся в поле зрения и были ориентирами в освоении пространства, стимулируют жажду познания.

В-третьих, природные и географические условия Балкан заставляют человека напрягать силы при добыче пищи. Но человек все же не был обречен на полуголодное существование, он знал, что может добиться успеха, напрягая максимум усилий.

Итак, для Номо balcanus были характерны следующие черты: деятельность, стремление к познанию нового и освоение пространства. Главным итогом архаической революции на территории древней Греции, протекавшей в определенном природно-географическом контексте, был «выход на передний план почти неизвестных или, по крайней мере, слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособ-

ственных отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства».

Начиная с Античности, в мире возникли две принципиально разные социальные структуры – европейская и неевропейская. Для второй, появившейся значительно раньше первой и представленной многими вариантами в разных районах земного шара, характерны такие моменты, как: отсутствие господства частной собственности и античного «гражданского общества».

На наш взгляд, в основе существующей западной цивилизации лежат следующие идеи и принципы:

- страх смерти, толкающий человека к активной деятельности по изменению окружающей действительности во имя достижения бессмертия;
- индивидуализм, личностное начало, порождающие соревнование и приводящие к потребности в насилии ради своего возвышения;
- либерализм как свобода и равенство через деньги и перед деньгами, который материализует жизнь, лишает ее глубокого духовного поиска.

Подчеркнем еще раз, что именно Большое Средиземноморье становится зоной соприкосновения, столкновения двух миров – Запада и Востока, причем это характерно как для глубокой истории, так и для современности. Именно Большое Средиземноморье является ареной столкновения как минимум трех сценариев глобализации: западного либерального/неолиберального, исламского и китайского сценариев.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК «КОТЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ»

Влияние дестабилизирующего фактора Ближнего и Среднего Востока на Большое Средиземноморье возрастает по мере вовлеченности этого региона в мировые глобальные процессы. Как показывает политическая история, эти два региона были тесно связаны друг с другом и весьма чутко реагировали на все происходившие здесь изменения (Peregrine & Purcell, 2000; Abulafia, 2011; Burke, 2012). Не является исключением и настоящее время. И в наши дни мы видим взаимосвязь событий, происходящих на Востоке и в странах ближнего Средиземноморья. Мы наблюдаем столкновение двух точек зрения – коллективной Западной (преимущественно англосаксонской) и неколлектив-

ной восточной (фрагментированной по разным национально-религиозным основаниям).

На коллективном Западе в настоящее время преобладает англосаксонский взгляд на геополитику. Но если британская позиция рассматривает Ближний Восток в «узком» смысле¹, то американская – в «широком»². Российский подход заключается в том, чтобы исключить из списка стран этого региона страны т.н. «постсоветского» пространства, которые традиционно входят в зону национальных интересов России.

Отечественные исследователи всегда отмечали важность этого региона, указывая вместе с тем и на его многосложность. Так, Е.Я. Сатановский в одной из своих работ отмечал: «Ближний и Средний Восток – это нефть и газ, всемирно известные курорты и крупнейшие на планете рынки вооружений и военной техники. Это колыбель современной цивилизации и родина иудаизма, христианства и ислама. Но это и источник терроризма и наркоторговли, опасный для Евросоюза, Соединённых Штатов, Китая, Индии и России – настоящий «котёл с неприятностями». Знать о нём всё невозможно, но понимать, что именно происходит на пространстве от североафриканского побережья Атлантики до границ Индии и от Сомали до российской границы, – полезно для выживания» (Сатановский, 2018).

Ближний Восток - это территория сложных и крайне запутанных этнокультурных и религиозных отношений, складывавшихся здесь на протяжении нескольких тысячелетий. «Ближний Восток, как известно, – родина трех величайших мировых религий: христианства, иудаизма и ислама. В каждой из них существует большое количество ответвлений, и жители ближневосточных стран представляют, пожалуй, все эти течения. Мусульмане – сунниты четырех мазхабов, в том числе ханбалидского, на базе которого был создан салафизм, и шииты; христиане, представляющие и католиков, и православных халкидонской и

¹ Сатановский Е.Я.: «Ближний Восток большинства современных англоязычных атласов и учебников – порождение британской колониальной системы. Он с запада и юго-запада ограничен Египтом, а с востока – Ираном. Бывших французских и итальянских колоний, территорий, вошедших в состав Российской империи, а также стран, возникших на месте африканских колоний Великобритании и Британской Индии, на этих картах нет» (2016).

² Сатановский Е.Я.: «Ближний Восток послевоенной американской школы куда шире. В его состав входит Большой Магриб, Судан и побережье Африканского Рога – до границ Кении, Афганистан и, по крайней мере на некоторых картах, Пакистан, который окончательно «прописался» на Большом Ближнем Востоке в составе американского АфПака в 2000-х гг. Что называется, где воюем, то и рисуем. ...с точки зрения США Большой Ближний Восток включает республики Центральной Азии и Закавказья, являющиеся северной периферией Турции, Ирана и Афганистана, и в этом качестве входящие в зону стратегических интересов Соединённых Штатов. У военных баз, путей тылового обеспечения и зон дислокации вооруженных сил своя географии» (2016).

дохалкидонской формулы веры, и практически все остальные направления, какие только существуют в мире; такие уникальные течения, которые принято относить к исламу, но которые на самом деле существуют на стыке нескольких религий – алавиты, исмаилиты, друзы, али-илахи и много чего другого, – езиды, мандеи, они же саабеи... Словом, разнообразие фантастическое» (Багдасаров, 2016).

Эксперты отмечают, что важнейшей тенденцией в развитии Ближнего Востока является нарастание нестабильности, вызванной тем, что многие арабские государства столкнулись с очень серьезными социально-экономическими вызовами (взрывной рост населения, растущая безработица [особенно среди молодежи], резкое падение жизненного уровня и доходов миллионов людей, возрастающее экономическое неравенство) (Сейранян & Филоник, 2014). «Падение поступлений от нефтедобычи, других видов ренты существенно сократило возможности правящих кругов стран этого региона маневрировать, проводя бонопартистскую политику. Такая ситуация в первую очередь сказалась на жизни меньшинств. Положение многих этноконфессиональных групп резко ухудшилось. Нехватка ресурсов обернулась политикой фактически геноцида против меньшинств на огромных территориях в Магрибе, странах Африканского Рога, и далее на Восток вплоть до Пакистана и Индонезии» (Краснов, 2016, стр. 84).

Хорошо известно, что коллективный Запад привлекает на Ближний и Средний Восток его углеводородные богатства. И также хорошо известно как местные этнократические группы пользуются этой зависимостью Запада в своих интересах (Engdahl, 2015). Нефть в обмен на лояльность делает некоторые режимы Персидского залива просто неприкасаемыми, несмотря на все (мягко говоря) минусы проводимой ими политики. Ища покровительство в лице ведущих мировых государств, лидеры этих стран начинают столь же высокомерно вести себя в отношении своих «младших» партнеров. А эта политика не есть политика мира. Она была и есть политика «права сильного», т.е. политика войны.

Мир в этом регионе всегда был исключением из правила. Действительно, история Ближнего Востока - это история войн; история постоянного борьбы ведущих государств (империй) за право контролировать и распоряжаться этим регионом. По С. Хантингтону, никакого мира на Ближнем и Среднем Востоке никогда быть не должно, потому что это зона сплошного христианско-мусульманского конфликта (Хантингтон, 2005).

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Среди часто встречающихся общих характеристик политических элит и их лидеров этого региона, на первое место ставится коррупция (предпочтение теневой сфере деятельности), традиционализм (который выражается в том числе и в формальной принадлежности к демократии и авторитаризму на деле), вассалитет (поиск сильного покровителя), «культ силы» (прав тот, кто сильнее) и, конечно же, склонность созданию и поддержке «независимых борцов» (террористов, провокаторов разных мастей).

Поведение политических элит во многом зависит от того, насколько представляемые ими государства обладают полнотой суверенитета. Было замечено, что государства с ограниченным суверенитетом создают большие условия для криминальных практик (коррупции и терроризма). Особенно когда эти общества еще расколоты и находятся в состоянии объявленной или латентной гражданской войны.

Еще Е.М. Примаков отмечал, что вести переговоры с политическими лидерами Ближнего Востока дело особенное и требующее специальной (востоковедческой) подготовки. Но самой главной опасностью является то, что все политики на публике демонстрируют чувство собственного достоинства и тут же готовы за кулисами большой политики договариваться со смертельными врагами и идти на любые соглашения (Примаков, 2016, Т. 6, стр. 90-91). Но самая главная черта – это сокрытие от конкретного противника и потенциального союзника полноты информации, потому что никто никому не доверяет (все всех подозревают в коварстве и вероломстве).

Как показывает новейшая политическая история, выдвинутая еще при президенте США (2001-2009 гг.) Д. Буше-младшем политика «насильственной демократизации» политических режимов этого региона, так и не стала на деле спасением от радикализации и террористических угроз. Более того, в 2010-е гг. мы стали свидетелями неуклонной исламизации «общественной жизни на всем Ближнем и Среднем Востоке. Александрия из светского левантийского города, где еще 20 лет назад на улицах не было женщин в хиджабах, превратилась в город, где женщина в хиджабе — норма. И процесс этот вышел далеко за пределы региона: улицы английского Лутона патрулируют бритоголовые с бульдогами, потому что нет другого способа остановить людей, которые плюют в лицо родителям убитых в Афга-

нистане британских солдат во время похорон».³ Вместо обещанной Западом демократизации мы видим радикализацию и усиления традиционализма. Последнее стало ответом на первое. И ответом неожиданным для того же коллективного Запада.

В своей деятельности некоторые региональные политические элиты пытаются опираться на своих сторонников в других странах и лоббировать свои интересы на том же самом Западе. Как свидетельствуют данные, ЦРУ при Б.Х. Обаме покровительствовало «Братьям-мусульманам» даже в США. «Обама в Белом доме и Хиллари Клинтон в государственном департаменте продвигали членов организации и их сторонников на высшие посты в политической системе США. Ключевые члены этого движения занимали высокие политические должности в госдепартаменте, Белом доме и Министерстве внутренней безопасности. Последнее даже предоставляло лидерам “Братьев-мусульман” доступ в предназначенные для дипломатов VIP-зоны аэропортов» (Эгдаль 2016, стр. 319).

Многие из политических лидеров этого региона были уличены в сотрудничестве со спецслужбами ведущих западных держав. Так, по мнению американского исследователя проблемы терроризма У. Энгдала (*Frederick William Engdahl*), «в корне неразумной была стратегия ЦРУ, предполагавшая использование “Братьев-мусульман” и других исламистов в борьбе против христиан, а фанатичных джихадистов – против других мусульман: суннитов против шиитов, алавитов или суфиев; суннитов-турок против алавитов-сирийцев; суннитов движения “Братья – мусульмане” против суннитов-ваххабитов или других “неверных”. Эта глупость привела к катастрофе невероятного масштаба» (Эгдаль 2016, стр. 318).

Угроза распада политических режимов Ближнего Востока существует практически во всех странах. Так, например, в Саудовской Аравии проблемой номер один является местная геронтократия (средний возраст правящих здесь политических персон — под или за 80 лет). У Саудовской Аравии «есть два детонатора: шиитская Восточная провинция, на территории которой самые большие запасы нефти в

³ Российскими экспертами отмечается, что «демократия в исламском мире всегда приводит к торжеству ислама. [Выделено - автором] Это может быть менее радикальный политический ислам, как в Турции, — хотя кто сказал, что, придя к власти, умеренный ислам не станет радикализироваться? Это может быть изначально радикальный ислам, как в Иране. Кстати, - отмечал Е.Я. Сатановский, - в Иране шаха ведь тоже свергали все на свете, и в 1979 году на умеренно консервативном базаре, с которым шах поссорился из-за навязываемой вестернизации, все весело смеялись бы, если б им сказали, что какой-то там аятолла возьмет власть в Персии, и описали, что за этим последует. И когда создавали Пакистан, Мухаммед Али Джинна был абсолютно светским человеком: он пил виски и жена у него была парсианка. А что такое Пакистан сегодня?» (2011)

стране и где запрещено строить шиитские мечети, и Йемен. Последний, кстати, тоже неизбежно распадется на два государства, ибо элита Южного Йемена не получила от объединения 1990 года ничего» (Сатановский, 2011). Именно нерешенность этнических и территориальных проблем и провоцирует в этом регионе напряженность международных отношений. Примером тому может служить палестинская проблема и курдский вопрос.

Курдский вопрос является одним из самых злободневных для стабильности и безопасности всего этого региона. И Турция, и Иран, и Сирия (не говоря уже об Ираке) зависят от решения этой проблемы. Но самая главная проблема самих курдов – невозможность консолидации своего этнического и политического потенциала, трудности в преодолении существующих разногласий. И главным здесь являются как раз внутриэлитные противоречия (Gürbüz, 2013, p. 174).

Еще одним расколом, появившимся в последние годы, стало стремление политических элит арабского мира формировать антитурецкую коалицию, способную противостоять реваншистским устремлениям Анкары в деле восстановления Османской империи. Турция времен Р. Эрдогана откровенно поддерживает террористические организации, шантажируя всех экспортом нестабильности. Ситуацию усугубляет не только курдский вопрос, но и пришедший в состояние фрагментации Ирак, который после свержения «тирании» Саддама Хусейна (2003 г.) фактически перестал существовать как единое государство (Криворучко & Рошупкин, 2008).

Порванный в клочья западным вторжением Ирак, до сих пор является миной замедленного действия. Разрушение прежней иракской государственности вовсе не означало строительство новой более эффективной. Как отмечал в свое время американский эксперт по региону Грегори Гоз, «Соединенные Штаты продемонстрировали в Ираке, что они гораздо успешнее могут разрушать государство, чем строить» (Gause, 2014, p. 24). Он также справедливо тогда заметил, что: «порядок лучше хаоса, поэтому следует поддерживать государства, которые обеспечивают эффективное управление, даже если оно не достигает тех уровней демократии, которые мы бы предпочли» (Gause, 2014, p. 25). Но именно этого и не произошло. Вместо порядка мы получили очередную геополитическую «чёрную дыру», способную разрушать все вокруг себя.

Естественно, что в таких благоприятных условиях возникают и процветают различного рода террористические организации, с которыми приходится бороться не только государствам этого региона, но

и ведущим странам мира. Установлена взаимосвязь разрушение западной коалицией во главе с США государственности Ирака и возданием «Исламского государства». Еще Е.М. Примаков отмечал, что «настоящей угрозой в современных условиях считаю само существование и тенденцию к расширению группировки «Исламское государство» (ИГ)... Это сплав различных течений, каждое из которых до поры до времени не представляло собой масштабной опасности. Принято считать, что основой ИГ стали суннитские радикалы из иракского «треугольника». К ним присоединились офицеры-баасисты, создавшие после американской оккупации Ирака ряд подпольных организаций. Это усилило боеспособность «Исламского государства», хотя отношения с бывшими баасистами, мировоззрение которых не во всем совпадает с идеологией ИГ, не определено на будущее» (Примаков, 2016, Т.7, стр. 359) Подобные структуры нацелены на раскол общества, снос государственных институтов и границ, и установления новых квазигосударственных и псевдополитических систем и ценностей.

Как преодолеть существующий глубокий раскол?

Авторы работ по теории глубоко разделенных обществ (*deeply divided societies*) обычно предлагают два типа «лечения» межэтнической напряженности в таких расколотых обществах: (1) *интеграционистский* (2) *консоциалистский*.

(1) Сторонники первого выступают за «использование институтов или *создание* флюидной динамики плюрализма», ориентация на «федерализм» (Anderson, 2013, p. 371). Создаваемые институты дают этническим лидерам и группам населения «стимулы в пользу умеренности против экстремизма» (Наумкин, 2015). По мнению американского политолога Лайама Андерсона, «интеграционисты выступают за конструирование федеральных систем для максимизации подгрупповой разнородности, чтобы лишить любую отдельную группу статуса большинства в подгруппе. В свою очередь это дает политическим лидерам сильные стимулы для формирования коалиций с другими группами, чтобы создать большинство, необходимое для того, чтобы управлять» (Anderson, 2013, p. 372).

(2) Сторонники консоциализма скептически относятся к первому подходу, утверждая, что своего рода «полития добровольного апартеида» является «лучшим выходом для разделенного общества» (Lijphart, 1969, p.219). «Существенная характеристика консоциетальной демократии состоит не столько в специфическом институциональном устройстве, сколько в сознательных общих усилиях элит по стабилизации системы» (Anderson, 2013, p. 373). На Востоке Западный

опыт оказывается просто бесполезным: «для консоциеталистов этнические различия отражают реальные и устойчивые различия в идентичностях, которые нельзя лишить существования с помощью инженерии» (Anderson, 2013, p. 373).

Выходом из системного кризиса без устранения внутриэлитных противоречий и конфликтов практически невозможно. А устранить внутриэлитные противоречия всегда является крайне сложной (практически не выполнимой) проблемой. Все в конечном итоге упирается в договороспособность правящих элитных групп и их лидеров, наличие «доброй воли» в решении перезревших этнополитических проблем. Но решить эту задачу практически невозможно, при постоянном вмешательстве коллективного Запада, для которого контроль над этим регионом является престижем еще со времен Римской империи. Именно в этом регионе Запад охотно проявляет свои имперские амбиции и считает, что его лидерство будет продолжаться до тех пор, пока он имеет хоть какое-то влияние в Евразии и в регионе Ближнего и Среднего Востока в частности (Панарин, 1999).

ВЫВОДЫ

Проведенный в настоящей работе элитологический анализ показывает, что политические элиты стран Ближнего и среднего Востока продолжали воспроизводить привычные им «формулы» политического действия, игнорируя «рекомендации» коллективного Запада относительно демократизации своих политических институтов. Активизация исламского радикализма стала ответной реакцией на грубые попытки вмешательства Запада в дела этих стран. При этом снос авторитарных «старых элит» вовсе не означало появление «новых демократических» элит. Появились и активизировались напротив традиционалистские элитные сообщества, произошла архаизация (возвращение к канонам средневековья) политической культуры. К власти в отдельных регионах пришли радикальные и экстремистские силы. В 2010-е гг. возросло их влияние на соседние регионы (и в частности на страны Средиземноморья), связанные с ними экономическими и политическими связями, а также и миграционными потоками.

Мир погрузился в пучину кровавых конфликтов (особенно вокруг гражданской войны в Сирии, демонтажа государственности в Афганистане, Ираке и в Ливии), усилились гражданское напряжение в Ливане, Египте, Йемене. При этом политические элиты некоторых стран раздробились и пришли в броуновское движение, усиливая возникшую бифуркацию. Элитологический анализ политической действи-

тельности указывает на то, что в настоящее время в этом регионе нет определенной силы, способной стабилизировать и повести за собой политический процесс. Влияние региональных лидеров (Турции и Ирана) оспариваются другими мировыми игроками (в том числе США, Китаем и Россией). Не до конца проявлена и роль Израиля, который в условиях роста угроз со стороны ИГ предпринимал лишь оборонительные технологии. Внешне Тель-Авиву удастся полностью обеспечивать свой суверенитет своими силами и жить в соответствии с имеющимися ресурсами. Но в обеспечении суверенитета других стран этого региона вызывает большие вопросы, особенно в связи с деятельностью таких ведущих игроков как Турция и Иран.

Список литературы

- Abulafia, D. (2011). *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford University Press.
- Anderson, L. (2013). Power-sharing in Kirkuk. In J. McEvoy, B. O'Leary (Eds.). *Power sharing in deeply divided places* (pp. 364–385). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Burke, E., III (2012). Toward a Comparative History of the Modern Mediterranean, 1750–1919. *Journal of World History*, 23(4), 907-939. doi:10.1353/jwh.2012.0133.
- Engdahl, W. (2015). *A century of war : Anglo-American oil politics and the new world order*. London: Pluto.
- Gause, F.G., III. (2014). Beyond sectarianism: the new Middle East Cold War. *Brookings Doha Center Analysis Paper*. Retrieved from: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2014/07/22-beyond-sectarianism-cold-war-gause/english-pdf.pdf>
- Gürbüz, M. (2013). Revitalization of Kurdish Islamic sphere and revival of Hizbullah in Turkey. In F. Bilgin, A. Sarihan (Eds.). *Understanding Turkey's Kurdish question*. Lanham: Lexington Books.
- Horden, P. & Purcell, N. (2000). *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History*. Blackwell Publishing.
- Lijphart, A. (1969). Consociational democracy. *World Politics*, (21), 207-220.
- Melhem, H. (2014). The barbarians within our gates. *Politico magazine*. Retrieved from <http://www.politico.com/magazine/story/2014/09/the-barbarians-within-our-gates-111116.html#ixzz3LznnPwDt>
- Багдасаров, С.А. (2016). *Ближний Восток: вечный конфликт*. Москва: «Эксмо».
- Бродель, Ф. (2002). *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II Ч. I: Роль среды*. Москва: «Яз.рус. Культуры».

- Краснов, Ю.К. (2016). Феномен ДАИШ Генезис, социальная база и цели Исламского государства. *Публичное и частное право*, II (XXX), 82-90.
- Криворучко, А. П. & Рощупкин В. Т. (2008). *Багдадский вождь: взлёт и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне*. Москва: «Проспект».
- Наумкин, В.В. (2015). Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, (1), 66–96.
- Панарин, А.С. (1999). «Имперская республика» на пути к мировому господству. *Общественные науки и современность*, (4), 146-157.
- Примаков, Е.М. (2016). *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: Издательство ТПП РФ: «Российская газета».
- Савин, Л. (2016). *Новые способы ведения войны: как Америка строит империю*. Санкт-Петербург: «Питер».
- Сатановский, Е. (2011). «Еврейский Б-Г щедр на чудеса». Президент Института Ближнего Востока рассказывает о причинах и следствиях новых арабских революций. *Лехаим*, 4(228). Retrieved from <http://www.lechaim.ru/ARHIV/228/interview.htm>
- Сатановский, Е. Я. (2012). *Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями*. Москва: «Эксмо».
- Сатановский, Е. Я. (2015). *Книга Израиля. Путевые заметки о стране святых, десантников и террористов*. Москва: «Эксмо».
- Сатановский, Е.Я. (2018). *Котёл с неприятностями. Ближний Восток для «чайников»*. Москва: «Эксмо».
- Сейранян, Б. Г. & Филоник, А. О. (ред.). (2014). *Арабский мир в потоке времен и событий*. Москва: ИВ РАН.
- Топоров, В.Н. (1993). *Эней-человек судьбы: В 2 ч. Ч. 1*. Москва: «Радикс».
- Хантингтон, С. (2005). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
- Энгдаль, У. (2015). *Столетие войны: Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок*. Москва: Селадо.
- Энгдаль, У.Ф. (2016). *Священные войны Западного мира*. Москва: «Селадо».

References

- Abulafia, D. (2011). *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford University Press.
- Anderson, L. (2013). Power-sharing in Kirkuk. In J. McEvoy, B. O’Leary (Eds.). *Power sharing in deeply divided places* (pp. 364–385). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

- Bagdasarov, S.A. (2016). *Middle East: Perpetual Conflict*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Braudel, F. (2002). *The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II Part 1: The Role of the Environment*. Moscow: "Yaz.rus. Cultures ". (In Russian)
- Burke, E., III (2012). Toward a Comparative History of the Modern Mediterranean, 1750–1919. *Journal of World History*, 23(4), 907-939. doi:10.1353/jwh.2012.0133.
- Engdahl, W. (2015). *A century of war : Anglo-American oil politics and the new world order*. London: Pluto.
- Engdahl, W. (2015). *A Century of War: Anglo-American Oil Policy and the New World Order*. Moscow: Selado. (In Russian)
- Engdahl, W.F. (2016). *Holy Wars of the Western World*. Moscow: "Celado". (In Russian)
- Gause, F.G., III. (2014). Beyond sectarianism: the new Middle East Cold War. *Brookings Doha Center Analysis Paper*. Retrieved from: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2014/07/22-beyond-sectarianism-cold-war-gause/english-pdf.pdf>
- Gürbüz, M. (2013). Revitalization of Kurdish Islamic sphere and revival of Hizbullah in Turkey. In F. Bilgin, A. Sarihan (Eds.). *Understanding Turkey's Kurdish question*. Lanham: Lexington Books.
- Horden, P. & Purcell, N. (2000). *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History*. Blackwell Publishing.
- Huntington, S. (2005). *Clash of civilizations*. Moscow: AST. (In Russian)
- Krasnov, Yu.K. (2016). The phenomenon of DAISH Genesis, social base and goals of the Islamic State. *Public and Private Law*, II (XXX), 82-90. (In Russian)
- Krivoruchko, A. P. & Roshchupkin V. T. (2008). *The Baghdad Leader: Rise and Fall ... A political portrait of Saddam Hussein against a regional and global background*. Moscow: "Prospect". (In Russian)
- Lijphart, A. (1969). Consociational democracy. *World Politics*, (21), 207-220. (In Russian)
- Melhem, H. (2014). The barbarians within our gates. *Politico magazine*. Retrieved from <http://www.politico.com/magazine/story/2014/09/the-barbarians-within-our-gates-111116.html#ixzz3LznnPwDt>
- Naumkin, V.V. (2015). Deeply divided societies of the Near and Middle East: conflict, violence, external interference. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, (1), 66–96. (In Russian)
- Panarin, A.S. (1999). "Imperial Republic" on the way to world domination. *Social Sciences and Modernity*, (4), 146-157. (In Russian)

- Primakov, E.M. (2016). *Collected works in 10 volumes*. Moscow: Publishing House of the RF CCI: "Rossiyskaya Gazeta". (In Russian)
- Satanovsky, E. (2011). "The Jewish GD is generous with miracles." The President of the Middle East Institute talks about the causes and consequences of the new Arab revolutions. *Lechaim*, 4 (228). Retrieved from <http://www.lechaim.ru/ARHIV/228/interview.htm> (In Russian)
- Satanovsky, E. Ya. (2012). *Russia and the Middle East. A boiler with troubles*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Satanovsky, E. Ya. (2015). *Book of Israel. Travel notes about the land of saints, paratroopers and terrorists*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Satanovsky, E. Ya. (2018). *A boiler with troubles. The Middle East for Dummies*. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Savin, L. (2016). *New ways of waging war: how America is building an empire*. St. Petersburg: "Peter". (In Russian)
- Seyranyan, B.G. & Filonik, A.O. (ed.). (2014). *The Arab world in the flow of times and events*. Moscow: IV RAS. (In Russian)
- Toporov, V.N. (1993). *Aeneas the Man of Destiny: At 2 pm Part 1*. Moscow: "Radix". (In Russian)

PUBLIC PARTICIPATION IN DELIMITATION OF CONSTITUENCIES

Nikolai V. Grishin (a)

(a) Saint Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. Email: nvgrishin[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-0850-7581

Abstract

The article presents a study of institutions and forms of public participation in decision-making processes on the delimitation of electoral districts. Public participation allows the process of making decisions about the boundaries of electoral districts outside the political elite. The research is carried out on the methodological basis of the modern theory of public participation. It was revealed that the only example of “citizens’ power” in the process of redistricting in the modern world is the empowerment of the public in Australia to formulate initial proposals for defining constituency boundaries. The main form of public participation is consultations, the format of which does not allow them to be classified as “tokenism”. The time frame for public participation procedures (from 6 days in Russia to more than 1 year in the UK and India) is a factor that significantly affects the strength of public impact.

Keywords

public participation; ladder of citizen participation; delimitation of constituencies; redistricting; electoral management; electoral governance; electoral authorities; constituencies; elections; electoral systems

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССЕ ДЕЛИМИТАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Гришин Николай Владимирович (а)

(а) Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Email: nvgrishin[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0850-7581

Аннотация

В статье представлено исследование институтов и форм общественного участия в процессах принятия решений по делимитации избирательных округов. Общественное участие позволяет вывести процесс принятия решения о границах избирательных округов за рамки политической элиты. Исследование выполнено на методологической основе современной теории общественного участия. Выявлено, что единственным примером «реальных полномочий» общественности в процессе делимитации избирательных округов в современном мире является наделение общественности в Австралии правом формулировать первоначальные предложения по определению границ избирательных округов. Основной формой общественного участия являются консультации, формат которых не позволяет классифицировать их как «символическое участие». Временные рамки процедур общественного участия (от 6 дней в России до более чем 1 года в Великобритании и Индии) являются фактором, существенно влияющим на силу общественного воздействия.

Ключевые слова

общественное участие; лестница общественного участия; делимитация избирательных округов; электоральный менеджмент; электоральная политика; избирательные органы; избирательные округа; выборы; избирательные системы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

На выборах депутатов представительных органов власти большое значение имеет процесс определения границ избирательных округов. Если на выборах применяется мажоритарная система с одномандатными округами, то корректное определение границ округов может иметь решающее значение для кандидатов и для партийного состава парламента. Процесс образования (делимитации или демаркации) избирательных округов относится к числу наиболее острых и конфликтных в процессе организации выборов (Морозова, 2013, стр. 109). Зачастую выбор того или иного подхода определяется политическими мотивами и практически всегда имеет значительные политические последствия, понижая или повышая шансы на успех у различных политических сил (Winburn & Wagner, 2010, p. 380; Hunt, 2018).

По данным веб-портала ACE Electoral Knowledge Network, в 69 % государств мира существует практика систематического пересмотра границ избирательных округов. Как правило, если в стране не проходит делимитация избирательных округов, это является следствием применения пропорциональной избирательной системы, при которой обычно одномандатные округа отсутствуют.

Как одно из направлений публичного управления в сфере избирательного процесса, процесс делимитации избирательных округов представляет собой совокупность институтов, среди которых присутствуют институты общественного участия. Общественное участие в процессе делимитации избирательных округов позволяет демократизировать процесс принятия решения и вывести его за рамки представителей политической элиты (Nagle, 2019, p.6). До настоящего времени проблема общественного участия в процессах делимитации избирательных округов не получила систематического изучения в научной литературе. Только в 2010-х гг. появляются первые научные публикации, посвященные проблемам общественного участия в процессе делимитации округов в отдельных штатах США, прежде всего – статьи М. Алтмана и М. Макдональда (Altman & McDonald, 2011; 2013) также эмпирические исследования Б. Грофмана и П. Миллера (Miller & Grofman, 2018), статья Т. Донована о перспективах применения институтов прямой демократии в процессе электоральной делимитации (Donovan, 2011). Целью данной статьи является анализ существующих форм и перспектив общественного участия в процессе делимитации избирательных округов.

Методологической основой исследования является теория общественного участия, которая предлагает систему категорий и представ-

лений о формах и закономерностях общественного участия в процессах принятия решений в публичной сфере.

МЕТОДОЛОГИЯ

Общественное участие в современной теории рассматривается как процесс, который дает частным лицам возможность влиять на принятие решений в сфере публичного управления.

Под общественностью в рамках применяемого здесь методологического подхода обычно понимаются одно или несколько физических или юридических лиц, за исключением организаций и должностных лиц, занимающихся разработкой и принятием законов, органов власти и иных субъектов, участвующих в процессе принятия решения в силу своих служебных обязанностей (Карпов, 2012, стр. 14).

Э. Коган и С. Шарп выделяют пять преимуществ общественного участия в процессе принятия решений в сфере публичного управления (Cogan & Sharpe, 1986):

- обмен информацией и идеями по вопросам общественной значимости;
- общественная поддержка принимаемых решений;
- предотвращение затяжных конфликтов и дорогостоящих задержек;
- накопление «доброй воли», которая может быть перенесена и на последующие решения;
- дух сотрудничества и доверия между органами управления и общественностью.

В зарубежной теории публичного управления устойчивый интерес к проблематике общественного участия сформировался в 1960-е гг. В ключевой статье Ш. Арнштейн в 1969 г. была предложена модель «лестница гражданского участия» (Ladder of Citizen Participation), отражающая различные ступени общественного воздействия на принятие государственных решений (Arnstein, 1969, p. 220).

«Лестница» общественного участия предусматривает 8 восходящих ступеней участия общественности в принятии решения, которые сгруппированы Ш. Арнштейн на 3 основные формы (табл.).

8	Гражданское управление	
7	Наделение полномочиями	Реальные полномочия и реальное участие
6	Партнерство	
5	Умиротворение	
4	Консультации	Символическое участие
3	Информирование	
2	«Терапия»	
1	Манипулирование	Отсутствие участия

Таблица 1. Лестница гражданского участия Ш. Арнштейн

В рамках теории общественного участия можно выделить такой дополнительный параметр, позволяющий оценивать возможности общественного участия, как предусмотренные законом и практикой временные рамки.

ОРГАНЫ ВЛАСТИ, УЧАСТВУЮЩИЕ В ДЕЛИМИТАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Субъектами принятия решения по определению границ избирательных округов могут выступать:

- 1) парламент;
- 2) избирательные комиссии;
- 3) органы исполнительной власти;
- 4) специальные комиссии по определению границ избирательных округов.

В современном мире наиболее распространена модель, при которой итоговый план границ избирательных округов утверждается парламентом (даже если за подготовку этого плана отвечает специальная независимая комиссия). При данной модели обычно парламент может принять или отклонить план целиком, не внося в него никаких частичных изменений (Handley, 2006, p. 83). Но при этом существуют страны, в которых составленный специальной комиссией план по определению границ избирательных округов вступает в силу сразу после утверждения комиссией, одобрение парламента не требуется (Новая Зеландия, Австралия, Индия и т.д.).

В исторической перспективе растет количество стран, где решение этой задачи передается независимым избирательным комиссиям и специальным комиссиям по определению границ избирательных округов. Таким образом, общемировой тенденцией является ограждение процесса делимитации избирательных округов от влияния политических партий и политиков, непосредственно заинтересованных в результатах выборов (Yoshinaka & Murphy, 2010, p. 441). Тем не менее, *парламент* в некоторых странах по-прежнему обладает полномочиями по определению границ избирательных округов. В частности, такая ситуация существует во многих штатах США (Chen & Cottrell, 2016, p.331), Франции (Sauger & Grofman, 2016, p. 340), Италии.

Избирательные комиссии или иные избирательные органы отвечают за подготовку проекта схемы избирательных округов примерно в 35% от общего количества современных стран, в которых систематически проводится делимитация (Гришин, 2018а, с. 164). Данная модель существует в Польше, Литве, Мексике и т.д. В Российской Федерации схема избирательных округов также готовится Центральной избирательной комиссией страны.

Органы исполнительной власти обычно могут выполнять функции по делимитации избирательных округов в тех странах, в которых отсутствуют независимые избирательные комиссии и существует правительственная модель электорального менеджмента (Handley & Grofman, 2008, p. 92). Во Франции за нарезку избирательных округов отвечает Министерство внутренних дел. В Камеруне и Зимбабве подготовленный план по изменению границ избирательных округов должен быть утвержден органом исполнительной власти.

Специальные комиссии по определению избирательных округов получают все большее распространение в современном мире как временные компетентные органы, на которые возлагается выполнение данной функции (Гришин, 2018b, с. 102). В 2002 г. Венецианская комиссия Совета Европы приняла важную рекомендацию о желательности осуществления делимитации избирательных округов при участии специальной комиссии (Code..., 2002).

В некоторых странах в процессе разработки схемы избирательных округов может участвовать также *суд*. Это происходит в том случае, если законодательством предусмотрена возможность судебного обжалования границ избирательных округов (США, Великобритания, Ирландия и т.д.). Самый богатый опыт такой деятельности существует в США – на протяжении многих лет американские суды приняли большое количество решений по обжалованию границ избирательных

округов (Rossiteretal, 2018, p. 617). Поскольку эта страна принадлежит к прецедентной системе права, некоторые из этих судебных решений имеют нормативное значение и фактически выступают правилами для последующей практики электоральной делимитации (особенно о недопустимости джерримендеринга, различия округов по числу избирателей и т.д.) (Magleby & Mosesson, 2018, p.152).

В 1997 г. в странах Содружества наций был принят Свод рекомендуемых правил по проведению выборов, в соответствии с которыми в данных странах было рекомендовано осуществлять процесс определения границ избирательных округов либо избирательной комиссией, либо специальным независимым органом по определению границ избирательных округов (Морозова, 2015, стр. 64).

По-разному решается вопрос о степени централизации процесса делимитации избирательных округов (Гришин & Линдерс, 2020, стр. 104).

В большинстве стран этот вопрос относится к компетенции центральных органов власти. В Индии центральный орган власти определяет границы избирательных округов не только для федеральных выборов, но и несколько тысяч избирательных округов на выборах депутатов региональных представительных органов. В результате процесс делимитации является чрезвычайно трудоемким и занимает много лет.

В США, напротив, процесс делимитации полностью децентрализован: федеральный парламент только распределяет 435 мест Палаты представителей между штатами, после этого власти каждого штата самостоятельно и по-разному устанавливают схему избирательных округов на своей территории. США – единственная страна в мире, в которой определение границ избирательных округов на выборах федерального парламента полностью относится к компетенции субъектов федерации, а не федерального центра.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОЦЕССУ ДЕЛИМИТАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ

В современной политической науке и практике сформулированы базовые и общепринятые стандарты (Гришин, 2019, стр. 34), которым должны отвечать демократические процедуры разработки и принятия решения о нарезке избирательных округов:

- 1) периодичность пересмотра границ избирательных округов;
- 2) партийная беспристрастность;
- 3) наличие четких и ясных правил для делимитации;

- 4) определенное участие высших органов власти в процессе делимитации;
- 5) прозрачность и публичность;
- 6) эффективная обратная связь с обществом при обсуждении проекта схемы избирательных округов;
- 7) разумная стоимость процесса делимитации.

Процесс делимитации избирательных округов в большинстве случаев учитывает следующие принципы:

Равенство округов по числу избирателей. Данный принцип в настоящее время является абсолютно общепризнанным и фундаментальным в процессе делимитации избирательных округов. Избиратели должны иметь равное представительство в парламенте, следовательно, в идеале каждый из депутатов должен представлять равное количество избирателей.

Репрезентативность. Устойчивые социальные группы (сообщества) должны получить представительство в парламенте. Для достижения этой цели границы избирательного округа должны по возможности совпадать с границами сообщества. Реализация данного принципа приводит к тому, что избирательные округа могут значительно различаться по социальному составу.

Соблюдение естественных и административных границ. Избирательные округа должны быть определены с учетом административных границ, географических особенностей, отдельных групп электората. В большинстве стран законодательно установлено, что при нарезке избирательных округов необходимо учитывать географические условия – как естественные границы (крупные реки, горные хребты и т.д.), так и границы административно-территориальных образований.

Недопущение дискриминации. Процесс делимитации должен быть свободен от манипуляций с целью дискриминации избирателей по признаку расы, цвета кожи, языка, религии и т.д.

Компактность территории избирательного округа. Во многих странах установлены требования о форме территории избирательного округа: территория должна быть компактной и непрерывной, его части должны быть связаны между собой. Подобное требование направлено против джерримендеринга (Magleby & Mosesson, 2018, p. 103), против манипуляции границами избирательных округов с целью искусственного образования округов с преобладанием определенных групп населения.

Партийная беспристрастность. Границы избирательных округов не должны утверждаться в интересах определенных политических партий (кандидатов) за счет дискриминации других. Партийная «нейтральность» предполагает недопустимость джерримендеринга.

ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ДЕЛИМИТАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Одним из параметров, выбранным нами для анализа общественного участия в делимитации избирательных округов, являются предусмотренные законом и практикой *временные рамки*. Современные страны применяют чрезвычайно различающиеся подходы к установлению временных рамок для воздействия общественности на принятие решения в этой сфере. Продолжительность варьируется от нескольких дней (в России) до 4-5 лет (в Индии).

В процессе разработки схемы избирательных округов выделяются 3 основных этапа:

- 1) разработка и обнародование первоначального плана нарезки избирательных округов;
- 2) обсуждение (публичные слушания, проведение встреч, прием отзывов и замечаний);
- 3) подготовка и представление окончательного проекта.

Для стран западных демократий характерно, что на публичное обсуждение проекта, выдвижение и рассмотрение замечаний отводится значительно больше времени, чем на подготовку первого проекта схемы избирательных округов.

В России временные рамки, установленные для общественного участия в делимитации избирательных округов, чрезвычайно ограничены. Общественность получает возможность участия в обсуждении схемы избирательных округов только после того, как соответствующий проект вносится на рассмотрение в парламент. Формально ЦИК РФ должна внести проект схемы избирательных округов не позднее, чем за 80 дней до истечения срока, в который должны быть назначены выборы. До этого момента законодательство не предусматривает каких-либо процедур публичного обсуждения проекта, проведения публичных слушаний, приема замечаний и отзывов со стороны общества или политических партий. Законодательство также не предусматривает, что в подготовке проекта должны участвовать эксперты (географы, статистики, социологи и т.д.). После внесения проекта в Государственную Думу он может быть принят в исключительно быстром порядке. Например, в ходе последней делимитации в 2015 г. проект схе-

мы избирательных округов был опубликован ЦИК РФ 2 сентября 2015 г. Уже 15 сентября он был внесен как законопроект в Государственную Думу, без проведения какого-либо публичного обсуждения с общественностью и специалистами. Профильный комитет Госдумы установил срок приема отзывов и замечаний до 21 сентября. Уже 25 сентября, спустя 3 недели после опубликования, закон был принят в первом чтении. Таким образом, в 2015 г. временные рамки для общественного участия в принятии решения по делимитации одномандатных округов составили всего 6 календарных дней.

В западных странах практикуется принципиально иной подход, заключающийся в установлении продолжительного периода общественного обсуждения проекта делимитации избирательных округов. В Великобритании в ходе последней большой делимитации 2011-2013 гг. общая продолжительность работы комиссии составила 2,5 года, из которых на подготовку первоначального проекта отводилось 6 месяцев, и свыше полутора лет заняли процедуры, предусматривающие возможность общественного участия (табл. 2).

В Ирландии в ходе делимитации округов в 2016 - 2017 г. период общественного обсуждения проекта составил 3 месяца.

В Канаде график делимитации избирательных округов в 2012 - 2013 гг. предусматривал возможность общественного участия в течение 10 месяцев.

Исключительная продолжительность общественного обсуждения проекта границ избирательных округов в Индии связана с тем обстоятельством, что федеральная комиссия по делимитации отвечает также за определение границ округов для избирания депутатов на уровне штатов. В связи с этим весь процесс делимитации является чрезвычайно трудоемким и предполагает долгие процедуры согласования в каждом штате.

	Продолжительность периода общественного участия
Россия	6 дней
Ирландия	3 месяца
Австралия	3 месяца
Новая Зеландия	3 месяца
Канада	10 месяцев
Великобритания	16 месяцев
Индия	5 лет

Таблица 2. Временные рамки общественного участия в подготовке и обсуждении проекта схемы избирательных округов в некоторых странах мира

Разумные по продолжительности временные рамки являются ключевым условием для осуществления общественного участия в процессе делимитации избирательных округов.

ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ПРОЦЕССЕ ДЕЛИМИТАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ.

Применяя типологию Ш. Арнштейн, можно выявить, какие именно из предложенных ею форм общественного участия практикуются в процессах делимитации избирательных округов в современных странах мира.

Такая форма «реального» общественного участия, как *наделение полномочиями*, в процессе делимитации избирательных округов существует в Австралии. Общество наделяется таким ключевым полномочием, как выдвижение первоначальных предложений по нарезке границ избирательных округов. Органы государственной власти должны подготовить проект схемы округов только на основе поступивших от граждан предложений. На практике это означает, что даже ответственные должностные лица вынуждены оформлять свои идеи в качестве предложения «от частного лица», для того, чтобы потом комиссия получила право работать с этим предложением и, в случае поддержки, реализовать его.

Однако, в большинстве современных стран общественность не получает «реальных полномочий» в процессе делимитации избирательных округов.

Вероятно, наиболее распространенная в современном мире форма общественного участия в делимитации избирательных округов — это «консультации» в виде публичных слушаний, и эта форма отнесена Ш. Арнштейн к категории «символического участия». К консультациям следует отнести также отзывы и замечания со стороны общественности относительно проекта схемы избирательных округов. Формат данных «консультаций» зачастую гарантирует общественности широкие возможности для влияния на органы власти и ее эффективность не стоит преуменьшать. В результате изучения практики публичных слушаний в процессах делимитации в западных штатах США в 2011-2012 гг. П. Миллер и Б. Грофман пришли к выводу, что 44% поступивших от граждан предложений в итоге были реализованы (Miller & Grofman, 2018, p. 31).

В отдельных случаях практика общественных консультаций отличается высоким уровнем институционализации. В качестве примера

назовем электоральную делимитацию в Новой Зеландии в 2013-2014 гг., которая насчитывала 5 этапов:

1) Подготовка и опубликование первоначального проекта. Свое первое заседание Комиссия по делимитации провела 16 октября 2013 г. и опубликовала первоначальный проект 21 ноября того же года.

2) Прием возражений от граждан. Возражения и замечания от граждан принимались в течение месяца – до 23 декабря 2013 г., как в письменном виде, так и онлайн. На предложенный проект поступило 409 официальных возражений. Они были систематизированы и обнародованы 14 января 2014 г. для их публичного рассмотрения и выдвижения ответных контр-возражений.

3) Прием контр-возражений. Они принимались в течение двух недель – до 29 января 2014 г. За этот срок было получено 164 официальных контр-возражения.

4) Проведение публичных слушаний по проекту, возражениям и контр-возражениям. Публичные слушания проводились с 10 по 19 февраля 2014 г.

5) Подготовка и опубликование итогового документа. После публичного обсуждения проекта и рассмотрения замечаний, Комиссия по делимитации за несколько недель подготовила итоговую схему избирательных округов, которая была опубликована 17 апреля 2014 г.

В Австралии также в процессе делимитации предусмотрено рассмотрение как замечаний от общественности, так и возражений на поступившие замечания. В работе комиссий по делимитации в Австралии также можно выделить 5 этапов:

1) прием предложений от общественности (30 дней) и замечаний на поступившие предложения (14 дней);

2) подготовка комиссией первого проекта делимитации округов на основе поступивших предложений и замечаний;

3) прием замечаний на подготовленный проект (28 дней) и критических отзывов на замечания (14 дней);

4) коррекция комиссией своего первоначального проекта и его публичное обсуждение (30 дней);

5) подготовка комиссией итоговой схемы избирательных округов.

Ключевым обстоятельством является обязательное требование к органам власти не просто принимать предложения граждан по нарезке избирательных округов, но систематизировать их и давать официальный ответ. Существующий формат работы «вынуждает» комиссию строить свою работу вокруг предложений, поступивших от общественности.

В Великобритании в ходе делимитации 2011-2013 гг. общественные консультации были следующим образом отражены в графике работы комиссий:

- 1) Начало пересмотра границ округов – март 2011 г.;
- 2) Консультации по первоначальному проекту (12 недель) – с сентября 2011 г. по январь 2012 г.;
- 3) Публичные слушания – октябрь, ноябрь 2011 г.;
- 4) Рассмотрение поступивших предложений – весна 2012 г.;
- 5) Консультации по пересмотренному проекту (8 недель) – с ноября 2012 г. по январь 2013 г.;
- 6) Представление итогового проекта схемы избирательных округов – лето 2013 г.

Следует подчеркнуть, что формат публичного обсуждения делимитации округов в ведущих странах выходит за рамки пресловутого «учета мнения»: граждане могут самостоятельно формулировать свои предложения в рамках рассматриваемой проблематики.

Исследование П. Миллера и Б. Грофмана подтвердило, что в западных штатах США ответственные органы более восприимчивы к определенным типам рекомендаций и предложений со стороны общественности, в частности, если они касаются не крупных, а малых территориальных единиц (Miller & Grofman, 2018, p. 32).

К предложенной Ш. Арнштейн форме «*умиротворения*» (Placation) можно отнести распространенную на современном этапе практику включения в состав комиссий по делимитации представителей общественности, прежде всего – из числа экспертов. В 2002 г. Венецианская комиссия Совета Европы рекомендовала включать в состав комиссии по делимитации географа, социолога и, при необходимости, представителей национальных меньшинств (Code..., 2002).

В некоторых странах практика общественного участия в процессе делимитации избирательных округов соответствует таким формам, как «*терапия*» или «*манипулирование*», которые классифицируются Ш. Арнштейн как отсутствие общественного участия. В России уровень общественного внимания к вопросам нарезки избирательных округов настолько низкий, что у органов власти отсутствует потребность даже имитировать общественное обсуждение этих вопросов. Пропагандистская работа по обоснованию «правильности» избранной властями схемы избирательных округов является единственным способом взаимодействия с общественностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение избирательных округов относится к тем вопросам публичного управления, в которых возможности использования форм общественного участия и делегирования полномочий объективно ограничены. Наделение представителей общественности прямыми полномочиями по принятию решений в процессе делимитации избирательных округов представляется маловероятным: пример Австралии остается, скорее, исключением. Однако, современная практика нашла способы преодоления этих сложностей. Ключевым фактором, который может усилить общественное воздействие на органы власти, выступает продолжительность временных рамок для процедур общественного участия. Длительный период общественного обсуждения затрудняет для органов власти возможность принятия решения без учета предложений граждан. Помимо этого, следует отметить и такой механизм, как обязательная систематизация и опубликование поступивших от общественности предложений.

Применение методологии Ш. Арнштейн к изучению общественного участия в процессе электоральной делимитации раскрывает ее некоторые недостатки. Прежде всего, формат современных консультаций предоставляет общественности слишком значительное влияние, чтобы можно было их классифицировать только как «символическое участие».

Список литературы

- Altman, M. & McDonald M. (2011). Technology for Public Participation in Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West* (pp. 247–272), Lanham: Lexington Books
- Altman, M. & McDonald M. (2013). A Half-Century of Virginia Redistricting Battles: Shifting from Rural Malapportionment to Voting Rights to Public Participation. *University of Richmond Law Review*, (47), 771–831.
- Arnstein, S.R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Planning Association*, (4), 216–224.
- Chen, J., & Cottrell, D. (2016). Evaluating partisan gains from Congressional gerrymandering: Using computer simulations to estimate the effect of gerrymandering in the US House. *Electoral Studies*, (44), 329–340.
doi:10.1016/j.electstud.2016.06.014
- Code of Good Practice in Electoral Matters* (2002). Venice Commission.
- Cogan, A. & Sharpe, S. (1986). The theory of citizen involvement. In *Planning analysis: The theory of citizen participation*. University of Oregon. Retrieved from <http://pages.uoregon.edu/rgp/PPPM613/class10theory.htm>

- Donovan, T. (2011). Direct Democracy and Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West* (pp. 111–136), Lanham: Lexington Books
- Handley, L. (2006). *Delimitation Equity Project Resource Guide*. IFES
- Hunt, C. R. (2018). When does redistricting matter? Changing conditions and their effects on voter turnout. *Electoral Studies*, 54, 128–138. doi:10.1016/j.electstud.2018.05.007
- Magleby, D. B., & Mosesson, D. B. (2018). A New Approach for Developing Neutral Redistricting Plans. *Political Analysis*, 26(02), 147–167.
- Martínez i Coma, F., & Lago, I. (2016). Gerrymandering in comparative perspective. *Party Politics*, 24(2), 99–104. doi:10.1177/1354068816642806
- Miller, P., & Grofman, B. (2018). Public Hearings and Congressional Redistricting: Evidence from the Western United States 2011–2012. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17(1), 21–38. doi:10.1089/elj.2016.0425
- Nagle, J. F. (2019). What Criteria Should Be Used for Redistricting Reform? *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 18(1), 1–15. doi:10.1089/elj.2018.0514
- Handley, L. & Grofman B. (Eds.) (2008). *Redistricting in comparative perspective*. New York: Oxford University Press.
- Rossiter, K. M., Wong, D. W. S., & Delamater, P. L. (2018). Congressional Redistricting: Keeping Communities Together? *The Professional Geographer*, 70(4), 609–623. doi:10.1080/00330124.2018.1443477
- Sauger, N., & Grofman, B. (2016). Partisan bias and redistricting in France. *Electoral Studies*, 44, 388–396. doi:10.1016/j.electstud.2016.09.007
- Winburn, J. & Wagner, M. (2010). Carving Voters Out: Redistricting's Influence on Political Information, Turnout, and Voting Behavior. *Political Research Quarterly*, 63(2): 373–386. doi:10.1177/1065912908330728
- Yoshinaka, A., & Murphy, C. (2010). The Paradox of Redistricting: How Partisan Mapmakers Foster Competition but Disrupt Representation. *Political Research Quarterly*, 64(2), 435–447. doi:10.1177/1065912909355716
- Гришин, Н.В. & Линдерс, А.М. (2020). Децентрализация системы управления выборами. *Полития*, (3), 99–115. doi:10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115
- Гришин, Н.В. (2018). История возникновения избирательных комиссий. *Полития*, 2, 156–169. doi:10.30570/2078-5089-2018-89-2-156-169.
- Гришин, Н.В. (2018). Комиссии по делимитации избирательных округов: становление и перспективы политического института. *Полис. Политические исследования*, (4), 100–114. Doi:10.17976/jpps/2018.04.08
- Гришин, Н.В. (2019). Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? *Политическая наука*, (1), 33–47. doi:10.31249/poln/2019.01.02
- Карпов, А.С. (2012). *Формы общественного участия в принятии решений*. Москва: РАНХиГС

- Морозова, О.С. (2013). Формирование избирательных округов как метод электро-
рального таргетирования. *Каспийский регион: политика, экономика, куль-
тура*, 1, 106-112.
- Морозова, О.С. (2015). *Проектирование избирательных систем: возможности
избирательной инженерии*. Рязань: РГУ

References

- Altman, M. & McDonald, M. (2011). Technology for Public Participation in Redistrict-
ing. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West* (pp.
247–272), Lanham: Lexington Books
- Altman, M. & McDonald, M. (2013). A Half-Century of Virginia Redistricting Battles:
Shifting from Rural Malapportionment to Voting Rights to Public Participation.
University of Richmond Law Review, (47), 771–831.
- Arnstein, S.R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Plan-
ning Association*, (4), 216–224.
- Chen, J., & Cottrell, D. (2016). Evaluating partisan gains from Congressional gerryman-
dering: Using computer simulations to estimate the effect of gerrymandering in
the US House. *Electoral Studies*, (44), 329–340.
doi:10.1016/j.electstud.2016.06.014
- Code of Good Practice in Electoral Matters* (2002). Venice Commission.
- Cogan, A., & Sharpe, S. (1986). The theory of citizen involvement. In *Planning analy-
sis: The theory of citizen participation*. University of Oregon. Retrieved from
<http://pages.uoregon.edu/rgp/PPPM613/class10theory.htm>
- Donovan, T. (2011). Direct Democracy and Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reap-
portionment and Redistricting in the West* (pp. 111–136), Lanham: Lexington
Books
- Grishin, N. & Leenders, A.M. (2020). Decentralization of Electoral Governance.
Politeia, 3, 99-115. doi:10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115 (In Russian)
- Grishin, N. (2018). The Phenomenon of Constituency Boundaries Commissions: De-
velopment and Prospects. *Polis. Political. Studies*, (4), 100-114.
doi:10.17976/jpps/2018.04.08 (In Russian)
- Grishin, N. (2018). The History of Origin of Electoral Commissions. *Politeia*, (2), 156-
169. doi:10.30570/2078-5089-2018-89-2-156-169 (In Russian).
- Grishin, N.V. (2019). Development of International Electoral Standards: What's Next?
Political Science, (1), 33–47. doi:10.31249/poln/2019.01.02 (In Russian)
- Handley, L. (2006). *Delimitation Equity Project Resource Guide*. IFES
- Hunt, C. R. (2018). When does redistricting matter? Changing conditions and their ef-
fects on voter turnout. *Electoral Studies*, (54), 128–138.
doi:10.1016/j.electstud.2018.05.007

- Karpov, A.S. (2012). *Forms of public participation in decision-making*. Moscow: RANEPa (In Russian)
- Magleby, D. B., & Mosesson, D. B. (2018). A New Approach for Developing Neutral Redistricting Plans. *Political Analysis*, 26(02), 147–167.
- Martínez i Coma, F., & Lago, I. (2016). Gerrymandering in comparative perspective. *Party Politics*, 24(2), 99–104. doi:10.1177/1354068816642806
- Miller, P., & Grofman, B. (2018). Public Hearings and Congressional Redistricting: Evidence from the Western United States 2011–2012. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17(1), 21–38. doi:10.1089/elj.2016.0425
- Morozova, O.S. (2013). Formation of constituencies as a method of electoral targeting. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1, 106–112. (In Russian)
- Morozova, O.S. (2015). *Electoral Systems Design: The Possibilities of Electoral Engineering*. Ryazan: RSU (In Russian)
- Nagle, J. F. (2019). What Criteria Should Be Used for Redistricting Reform? *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 18(1), 1–15. doi:10.1089/elj.2018.0514
- Handley L. & Grofman B. (Eds.)(2008). *Redistricting in comparative perspective*. New York: Oxford University Press.
- Rossiter, K. M., Wong, D. W. S., & Delamater, P. L. (2018). Congressional Redistricting: Keeping Communities Together? *The Professional Geographer*, 70(4), 609–623. doi:10.1080/00330124.2018.1443477
- Sauger, N., & Grofman, B. (2016). Partisan bias and redistricting in France. *Electoral Studies*, 44, 388–396. doi:10.1016/j.electstud.2016.09.007
- Winburn, J. & Wagner, M. (2010). Carving Voters Out: Redistricting's Influence on Political Information, Turnout, and Voting Behavior. *Political Research Quarterly*, 63(2): 373–386. doi:10.1177/1065912908330728
- Yoshinaka, A., & Murphy, C. (2010). The Paradox of Redistricting: How Partisan Mapmakers Foster Competition but Disrupt Representation. *Political Research Quarterly*, 64(2), 435–447. doi:10.1177/1065912909355716

MODERN GEOSTRATEGIC CONCEPTS THE POLITICAL ELITES OF THE CASPIAN STATES

Konstantin A. Markelov (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: aspu[at]aspu.edu.ru
ORCID 0000-0001-8218-4496

Abstract

The formation of modern geostrategic concepts of the Caspian states is going through a complex process of formation and practical implementation. Political elites, who are vitally interested in ensuring the security regime for their states and the development of integration processes, are directly involved in the formation of these strategies. The ability of the political elites to negotiate the most complex issues of our time determines how these countries overcome the crisis situations that arise between them from time to time. The world is gradually approaching a dangerous line beyond which the existing order can rapidly collapse and create an uncontrollable stream of chaos. The author considers such a state of things unacceptable and gives an example of the constructive behavior of the political elites of the Caspian five.

The main objective of this study is to clarify the general algorithms of the geopolitical strategies of the Caspian states in resolving the most significant threats and challenges of our time. The author answers the question of how the political elites of these countries develop common principles and approaches in solving the key problems of our time, the main of which is the topic of collective regional security. The solution to this issue directly depends on the depth and quality of the integration processes taking place here. Integration is becoming the main link in the regional security system, since it helps to reduce the development of existing risks and prevent the onset of possible external threats.

Keywords

geopolitics; ethnoelites; political leadership; geostrategy; “The Great Caspian Sea”; national interests; safety; threats and challenges; regional projects; global and regional conflicts; integration

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Маркелов Константин Алексеевич (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: aspu[at]aspu.edu.ru
ORCID 0000-0001-8218-4496

Аннотация

Формирование современных геостратегических концепций Прикаспийских государств, проходит через сложный процесс становления и практического внедрения, который сопровождается необходимостью урегулирования многочисленных противоречий, существующих внутри этого политико-экономического сообщества. Непосредственное участие в формировании этих стратегий принимают политические элиты, кровно заинтересованные в обеспечении режима безопасности для своих государств и развития интеграционных процессов. Именно от умения политических элит договариваться по самым сложным вопросам современности зависит то, насколько эти страны преодолевают время от времени возникающие между ними кризисные ситуации. А подобные конфликты в современном мире множатся с каждым годом. Мир постепенно подходит к опасной черте, за которой существующий порядок может стремительно разрушиться и создать неуправляемый поток хаоса. Автор считает подобное положением дел недопустимым и предлагает в качестве примера конструктивное поведение политических элит каспийской пятёрки (России, Азербайджана, Ирана, Туркменистана и Казахстана), которой удалось договориться об общих правилах игры в регионе «Большого Каспия».

Основной задачей настоящего исследования является выяснение общих алгоритмов геополитических стратегий Прикаспийских государств в деле разрешения наиболее значимых для всех угроз и вызовов современности. Автор отвечает на вопрос, каким образом политические элиты этих стран разрабатывают общие принципы и подходы в деле решения узловых проблем современности, главной из которых является тема коллективной региональной безопасности. Решение этого вопроса напрямую зависит от глубины и качества проходящих здесь интеграционных процессов. Интеграция становится главным звеном в системе региональной безопасности, поскольку позволяет снизить развитие существующих рисков и предотвратить наступление возможных угроз извне.

Ключевые слова

геополитика; этноэлиты; политическое руководство; геостратегии; «Большой Каспий»; национальные интересы; безопасность; угрозы и вызовы; региональные проекты; глобальные и региональные конфликты; интеграция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Длительное время после распада СССР вновь образовавшиеся государства Каспийского региона не могли выработать единого механизма правового регулирования своих международных отношений. Только в 2018 г. ими, наконец, была подписана Конвенция, которая стала своего рода «Каспийской Конституцией». Важность этого документа трудно переоценить. Он подчеркивает и закрепляет существующий в настоящее время консенсус политических элит стран этого региона.

По оценкам современной геополитической науки каспийский регион занимает важное место в системе большого евразийского пространства, являясь его осевой частью. Еще в начале XX в. британский геополитик Х.Дж. Маккиндер (1861–1947) указывал на то, что «Сердце Мира» («*Heartland*», буквально «сердцевина») это пространства Евразии, в котором существует некий внутренний регион, выполняющий функции ее оси (MacKinder., 1951). Этим внутренним регионом Большой Евразии был каспийский осевой регион. В последующем именно англосаксонская геополитическая стратегия (в лице таких ее наиболее известных авторитетов, таких как Г. Киссинджер и З. Бжезинский) неоднократно подчеркивала важность этого региона и необходимость стратегического вмешательства США в дела этих государств.

В настоящей работе мы намерены дать анализ тем геополитическим стратегиям, которые отражают региональные позиции и являются взглядом на это геополитическое пространство непосредственно из него самого. Это политическая самооценка и геополитическое самопонимание стран входящих в т.н. «каспийскую пятерку».

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве *объекта* настоящей работы выступают разрабатываемые в настоящее время Прикаспийскими государствами геополитические стратегии, а в качестве *предмета* – выработка алгоритмов и механизмов обеспечения безопасности и купирования угроз. В работе были применены как общенаучные *методы* (анализа, дедукции и индукции), так и прикладные (компаративистика, статистики, институциональный метод и др.). При этом акцент делается именно на роль политических элит в разработке геополитических стратегий своих государств и их применений в новейших международных условиях.

Автором неоднократно уже отмечалось, что «системный анализ геополитических процессов региона Большого Каспия, позволит более точно поставить диагноз тем глубинным процессам, которые здесь происходят в самом начале XXI в.» (Маркелов, 2020, стр. 4). Известно, что системный подход требует постоянного добавления и уточнения уже имеющихся научных данных и настоящую статью следует рассматривать в качестве одного из таких добавлений.

В работе использовались труды, как отечественных (Гаджиев К.С., Дугин А.Г., Карабущенко П.Л., Магомедов А.К. и др.), так и зарубежных авторов (З. Бжезинский, Х. Ансари и др.), которые, так или иначе, рассматривали поставленную нами проблему.

КРИЗИС МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

В настоящее время мировое сообщество переживает геополитическую нестабильность, вызванную не только кризисом геостратегий, но и кризисом самой системы элит и политического лидерства. Данный кризис связан с потерей коллективным Западом своих лидирующих позиций и переформатирования ситуации с мировыми «центрами силы». Геополитическая карта мира меняет свои «магнитные полюса». «Геополитические «магнитные полюса» (центры силы) указывают на то, какие гравитационные силы притяжения или отторжения действуют в мировом сообществе, и как они в силу этих указанных сил распределяются на лидеров и аутсайдеров. Настоящая эпоха характеризуется мучительным для коллективного Запада процессом слома монополярного и строительства многополярного мироустройства. Это весьма болезненный процесс. За последнее столетие Запад привык жить под «американским зонтиком» и разучился самостоятельно мыслить и принимать ответственные решения. Сразу отказаться от этого нельзя, потому что есть «ужасная Россия», демонизация которой в настоящее время достигла своего апогея» (Карабущенко, 2020, стр. 175). Меняется статус и Каспийского региона, вокруг которого происходит заметная активизация международной напряженности.

Исторически в зоне Большого Каспийского региона происходили события, которые отражались на политическом климате всего евразийского пространства. И в настоящее время он продолжает являться центром повышенного стратегического значения. Американские аналитики признают, что «сегодня здесь имеет место столкновение четырёх мировых держав: России, Китая, Соединенных Штатов Америки и Европы, которые имеют разнообразия причины своего ин-

тереса к Каспию и иногда противоречивые интересы. В результате растущей конкуренции, Большой Каспийский Регион приобретает глобальное стратегическое значение» (Hoagland, 2019, стр. 11). Именно каспийский регион условно можно называть «кухней» геополитической погоды в Евразии и в мире в целом. И всякая нестабильность вокруг этого осевого региона Евразии чревата ростом угроз во всем мире.

Геополитическая нестабильность приводит к тому, что правовые способы разрешения конфликтом оказываются малоэффективными и стороны все чаще прибегают к силовым сценариям. В 2019-2020 гг. стала накаляться ситуация вокруг Нагорного Карабаха, когда позиции официального Баку и Еревана по урегулированию этого вопроса стали расходиться в диаметрально противоположные стороны. Напомним, что все это происходит около российской границы и Москва не может оставаться в стороне от этих событий. Кремль внимательно следит за развитием ситуации и предлагает свои посреднические услуги. В случае разрастания этого конфликта, проживающие на ее территории армянская и азербайджанская диаспоры (примерно по 3 миллиона человек) могут серьезно дестабилизировать ситуацию и в самой России. Исторически именно Россия и только Россия выступала главным фактором стабилизации и налаживания переговорного процесса в этом регионе. Её миротворческий опыт должен, в конце концов, разрешить и этот затянувшийся многолетний конфликт.

Другой областью региональной напряженности, имеющей мировое значение, является ядерная программа Ирана и связанные с ней санкции. США в эпоху президентства Д. Трампа самым настоящим образом выкручивают руки всем своим союзникам, чтобы ввести против Тегерана дополнительные санкции. Белый дом многократно предпринимал усилия, чтобы помешать мирной ядерной программе Ирана, под предлогом опасности ее двойного назначения. Именно США вышли из важнейшего многостороннего соглашения о ядерной программе Ирана 2015 года (СВПД) и, по сути, поставили себя вне международного механизма контроля за иранскими разработками в этой сфере.

Потерпев предсказуемое фиаско на дипломатическом фронте, Вашингтон вернулся к более привычному для него языку ультиматумов и санкций. Продолжая традиции американского глобального лидерства, США используют политику «ответственных действий», суть которых состоит в том, чтобы давить на своих конкурентов неправовыми средствами - репрессии вместо дипломатии, а «традиции лидерства» — это действия наперекор всему международному сообществу.

МИД России и Ирана постоянно заявляли о недопустимости и нелегитимности односторонних ограничительных мер, которые нацелены на блокирование внешнеэкономических связей Тегерана.

Наблюдаемая в настоящее время геополитическая нестабильность современного мира, вызвана все явно обнаруживающим себя в последние десятилетия крахом политических элит монополярной системы. Еще в 1990-е гг. по утверждению идеологов монополярного мира, господство США не может подвергаться никакому сомнению и оспариваться, кем бы то ни было. Речь фактически шла о закреплении за США на все времена статуса единственной великой сверхдержавы. (Huntington, 1996; Brzeziński, 1997). Но наступили 2010-е гг. и выяснилось, что гегемония США подмочена их политической репутацией и возникшими экономическими трудностями. Выход Китая на передовые позиции поставил США в весьма затруднительное положение (Аксёнова, 2018). Мир оказался не столь уж подконтрольным и управляемым из Вашингтона.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «БОЛЬШОЙ КАСПИЙ РЕГИОН»

Разворачивая сущность концепта «Большой Каспий», автор исходит из того, что важнейшей задачей геополитики является моделирование новых конструкций, которые бы с предельной ясностью и точностью объясняли нам происходящие в мировом процессе изменения. Согласно предложенной нами модели, «*Большой Каспий*» – обозначает геополитический регион, который представляет собой сложное политико-географическое формирование, включающее в себя пять государств непосредственно самого Каспийского региона (Россия, Иран, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан) и сопредельные с ними страны (региона Большого Кавказа и Средней Азии), образующие единое географическое и историческое пространство¹.

В разрабатываемый США проект «Большой Каспий» («The Greater Caspianregion») они включают не только «каспийскую пятерку», но и сопредельные с ним страны – Армения, Грузия, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, т.е., все страны, республики бывшего Советского Союза (Сергунин & Тихонов, 2009, стр. 30;

¹ Геополитическая геометрия различает две зоны внутри Большого Каспийского региона: 1) зона непосредственно самих пяти государств (Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан), расположенных на побережья Каспийского моря и 2) зона т.н. Прикаспийских государств, которые непосредственного выхода к морю не имеют, но испытывают на себя влияние всех тех процессов, которые там происходят (Армения, Ирак, Турция, Грузия, страны Центральной Азии и даже Афганистан и в известном смысле Пакистан) (Маркелов, 2020, стр. 25).

Noagland, 2019, p. 12). Информация о процессах региона Большого Каспия часто оказывается в тени более громких и более стремительно развивающихся процессов соседних регионов. Относительное спокойствие этого региона может быть объяснено более высоким уровнем государственности (стабильности политических институтов), чем стран соседних регионов с ограниченной суверенностью и более глубокими этно-экономическими проблемами (Маркелов, 2020, стр. 25-26).

Развивающийся в настоящее время в российской политической науке геополитический концепт *«регион Большой Каспий»* (РБК), обосновывается ростом к нему интереса со стороны глобальных игроков, а так же тем, что в последнее время страны этого региона начали играть все более заметную роль в мировых процессах, что приводит их к столкновению со странами в прошлом претендовавшими на мировое лидерство. «Конструктор регион Большой Каспийский постепенно становится частью политического мировоззрения научных и политических элит. Посредством этой категории они облегчают себе процесс осмысления тех геополитических и геоэкономических процессов, которые происходят здесь при их непосредственном участии. Она позволяет им моделировать ситуацию, предвосхищать события, адекватно конструировать собственные проекты» (Маркелов, 2020, стр. 13).

Как идейный конструкт (схема, модель), *«Регион Большой Каспийский»* стремится подчеркнуть особенность стран этого региона, наличие некоего специального смысла, который заключается в том, чтобы создать для этих государств условия максимально благоприятные для их совместного процветания.

Анализ особенностей геополитических стратегий основных субъектов региона Большой Каспий, выявил наличие в них общей базовой позиции, а именно – принадлежность к многовекторной международной политике и ориентацию на систему многополярных отношений². При этом западные аналитики целенаправленно накачивают этот регион всякого рода негативными характеристиками, стремясь доказать пагубность самостоятельной политики стран этого региона, отказавшихся от геополитического «покровительства» США и начавших проводить свои независимые внешнеполитические курсы. Два госу-

² В этой связи считаем необходимым заметить, что в настоящее время политика многовекторности свойственна многим странам. Но есть одна весьма существенная особенность. Если такие державы как Россия и Китай могут её себе позволить, то для стран более мелкого геополитического масштаба (Белоруссия, Азербайджан или Армения) она оказывается фикцией, поскольку у этих стран не оказывается должных ресурсов для ее осуществления.

дарства Каспийского региона (Россия и Иран) находятся в «черных списках» США, а две другие (Китай и Индия) считаются потенциальными конкурентами в мире. В 2010-е гг. Евразия стала ареной не только военных столкновений, но и зоной ожесточенной информационной войны соперничающих на этом геополитическом пространстве государств (Маркелов, 2020, стр. 14).

Концепция «Большой Каспий» увязывается нами с концептом Евразии «Сердца Мира». Напомним, что термин «Хартленд» («*Heartland*») использовался Х. Маккиндером в сочетании с оборотами «осевое пространство» и «осевое государство» (Маккиндер, 2007)³. Сам он рассматривает «Хартленд» в качестве самого ценного региона Земли, справедливо считая, что тот, кто его контролирует, имеет значительный вес и в остальных мировых процессах.

В рамках этого концепта следует также напомнить, что некоторые геополитики (например, Д. Хусон) считали, что понятие хартленд имеет не столько геополитический, сколько географический смысл и характеризует наиболее важные внутренние части любого государства. Так, под «советским хартлендом» Д. Хусон понимал территорию между средним течением Волги и озером Байкал, имеющую как богатые ресурсы, так и значительное население (Hooson, 1962).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Евразия является объектом повышенного геостратегического внимания для многих стран, позиционирующих себя в качестве мировых лидеров. Так, для США вопрос Евразии является ключевым вопросом их мирового господства. З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» отмечал, что хотя США «расположены далеко,

³ Разъясняя смысл этого термина, Х. Маккиндер писал: «Хартленд — это северная и внутренняя часть Евро-Азии. Он простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий перешеек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы. Но это понятие не допускает скрупулезно-дотошного определения на карте, потому что основывается на трех разных физико-географических аспектах, которые, хотя и подкрепляют друг друга, совпадают не до конца. Прежде всего, мы имеем в этом регионе широчайшую из низменных равнин на поверхности земли. Во-вторых, через эту равнину протекают несколько больших судоходных рек: одни из них впадают на севере в Арктическое море и недоступны с океана, поскольку оно заморожено льдами, тогда как другие впадают в закрытые водоемы, вроде Каспия, из которых нет выхода в океан. В-третьих, здесь налицо зона пастбищ, которая лишь в последние полтора столетия прекратила предоставлять кочевникам-скотоводам на верблюдах и лошадях идеальные условия для развития высокой мобильности. ...Однако, - констатирует Х. Маккиндер, - простое исключение морской мобильности и морской мощи — это сугубо негативная, хотя и важная отличительная черта; а равнина и пояс пастбищ образовали позитивные условия, соответствующие другому типу мобильности, именно — свойственному степям. ...И все же, несмотря на эти явные несовпадения, хартленд (как понятие и представление) обеспечивает достаточный физико-географический базис для стратегической мысли» (Маккиндер, 2007)

их роль со ставкой на сохранение геополитического плюрализма в постсоветской Евразии просматривается на общем фоне как постоянно возрастающая по значимости в качестве косвенного действующего лица, явно заинтересованного не только в разработке ресурсов региона, но и в предотвращении того, чтобы только Россия доминировала на геополитическом пространстве региона. Действуя таким образом, Америка не только преследует масштабные стратегические цели в Евразии, но и демонстрирует свои растущие экономические интересы, а также интересы Европы и Дальнего Востока в получении неограниченного доступа к этому до сих пор закрытому району» (Brzeziński, 1997). Развивая далее свою мысль о мировом могуществе, тот же автор поясняет: «Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир» (1997). Именно постоянное вмешательство США в евразийские дела создает в этом регионе постоянную напряженность международных конфликтов. Именно США является главным провокатором конфронтации, поскольку иными средствами отстоять свои национальные интересы в этом регионе они не могут. Вывод: у США вообще не должно быть никаких интересов в Евразии – это не их регион.

Несмотря на то, что большинство геополитических стратегий стран каспийского региона всё ещё находится в начальной стадии своего развития, но уже сегодня угадывается контуры этой будущей каспийской геометрии – военная безопасность, экономическая интеграция, культурное сотрудничество, образовательная корпорация и коллаборация, участие в совместных перспективных проектах. Принятая каспийской пятеркой Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (12.08.2018 г.), открыла новую страницу в истории этого региона, определив новые геополитические и геоэкономические реалии и новый вектор их интеграционного развития.

Если в 1990-е гг. распространенной стратегией был поиск сотрудничества с сильными геополитическими игроками (главным образом лидерами западного мира), то в 2010-е гг. появилась уже евразийская альтернатива в лице Китая и Индии. Поэтому в настоящее время одним из направлений геополитических стратегий стран этого региона является стремление противостоять глобальным игрокам и добиваться своей экономической, политической и культурной самостоятельности. Исходя из этого, формируются и совсем другие геополитические стратегии стран этого региона.

Еще раз напомним, что тема политических элит самым тесным образом связана с проблемами урегулирования международных и региональных отношений (Магомедов, 1999; 2002; 2011). Особенностью каспийского региона является то, что его углеводородные богатства являются не только источником материального благосостояния региональных стран, но и причиной геополитической напряженности, вызванной постоянным вмешательством в его дела государств, расположенных далеко за его пределами. Эффективно противодействовать этим угрозам и призваны региональные интеграционные процессы.

Стремление выстроить свой собственный вектор геополитического развития обнаруживается в реализации собственных проектов, таких как МТК «Север-Юг» и «Один пояс – один путь». И хотя не все в этих проектах удастся сделать, но сам факт их наличия указывает на процесс начала формирования региональной идентичности.

Стратегии самой России в Евразии и в частности в Каспийском регионе определяются целым рядом традиций. В частности, речь идет о традиции присутствия России в этом регионе еще со времен Российской Империи. Выработанные в то время стратегии (взаимоотношения с этническими элитами, культурами и религиями) отчасти весьма успешно работают и в настоящее время. Если в 1990-е гг. Россия уступила свои позиции в Евразии, то в 2010-е гг. она постепенно начала возвращаться на геополитическую арену этого центрального мирового региона (Дугин, 2014).

Проводимая Россией внешняя политика усилила ее конфронтацию с коллективным Западом, который сам оказался полностью подконтрольным США. В основе политики России лежит принцип многовекторности, развитый еще Е.М. Примаковым. Именно им был сформулирован принцип многоуровневого учета международных интересов партнеров России и гибкого подхода в системном отстаивании своих собственных национальных позиций. По мнению Е.М. Примакова, США проводят весьма примитивную внешнюю политику, «т.к. исходят из незыблемости «американоцентризма» (все прочее «вращается» вокруг США и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества» (Примаков, 2016, Т.3, стр. 71).

В 2010-е гг. многие заговорили о формировании особой стратегической позиции официального Кремля, получившей название «*путинской большой стратегии*». Это политика направленная на возвраще-

ние России в число ведущих мировых держав, это выход из глубокого системного кризиса, грозившего полным распадом страны⁴. По мнению ведущих российских аналитиков, «Россия успела сосредоточиться и осталась верной самой себе, не пойдя предписанным ей Западом путем. По итогам холодной войны случилась крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, и Россия потеряла свое место в ряду государств «первого эшелона», участвующих в принятии решений. А к 2020 году Россия вернулась в разряд великих мировых держав» (Казаков, 2020, стр. 6).

В своей внешней политике официальный Азербайджан придерживается принципа нейтралитета и многовекторного культурно-экономического сотрудничества. Поэтому Баку заявляет, что ему всё равно, кому продавать газ, поскольку ему одинаково нравятся как проекты, предлагаемые и Россией, и ЕС, и Китаем (Зыгарь, 2009, стр. 4). Официальный Баку придерживается принципа многовекторной политики и стратегии «гибких альянсов». *Многовекторность* – «это возможность иметь гибкий курс, не примыкая ни к одной из геополитических группировок, но высоко ценить отношения с дружественными соседями и более далёкими друзьями» (Цыганов, 2008, стр. 10). Азербайджанские аналитики отмечают, что внешняя политика их государства при И. Алиеве стала «своеобразным эталоном выстраивания отношений нового типа в период нынешнего пересмотра регионального сотрудничества в масштабах СНГ. Внешнеполитическая парадигма самого И. Алиева звучит так: “Никто из нас, соседей в регионе, никуда не сможет из региона перейти. И если бы все имели такие соседские отношения, как Россия и Азербайджан, не было бы не только конфликтов, но и вообще недоразумений”» (стр. 10).

Перед азербайджанской элитой стоят 5 важных геополитических вопросов: Нагорный Карабах, Южный Азербайджан, демократизация, нефтепроводы и раздел Каспийского моря. Последняя задача была решена в рамках «Каспийской пятерки» в 2018 г. Две первые пробле-

⁴ Характеризуя эту стратегию, А. Казаков отмечал: «В международной политике, несмотря на фальшивые белозубые улыбки и лицемерные реверансы, Россия фактически потеряла субъектность. Идеологи и стратеги американской империи, по существу, предписывали России место «большого европейского национального государства», которое должно отказаться от влияния вовне, включая так называемое «ближнее зарубежье» с десятками миллионов соотечественников, и от своей исторической миссии. Эти предписания противоречили цивилизационному коду России, но как раз на это и был расчет – разорвать этот код и «переформатировать» Россию, разрушить религиозно-нравственную систему координат, «отключить» стремление к «горнему» и сделать для нашего народа доминирующим «земное», низовое и низменное, заразив его потребительским зудом. Все это для того, чтобы лишить нашу страну и наш народ воли к сопротивлению и к тому, чтобы оставаться самим собой без стыда перед потомками и без предательства предков» (Казаков, 2020, стр. 5).

мы носят фундаментальный характер и, как нам кажется, решению в обозримом будущем не подлежат. Две остальные проблемы решаются в рамках геостратегических планов, которые тоже требуют и времени и наличия определенных ресурсов. Но если нефтепроводы – проблема, упирающаяся в экономические и технологические возможности, то демократизация носит куда более гуманитарный и политический характер.

Геополитическая стратегия Исламской республики Иран (ИРИ) исходит из главного тезиса исламской революции 1979 г. – задачи спасения мира от мирового зла и установления справедливого шиитского режима правления. Они верят в шиитскую доктрину возвращения двенадцатого имама Махди, что будет означать торжество справедливости и законопорядка (Агаев, 1989, стр. 83). Мессианские корни Исламской революции проявляются в том, что иранское руководство стремится объединить все политические силы, которые разделяют их идеи, в единую надгосударственную систему (Мамедова, 2001, стр. 55). Среди исламских идеологов распространена идея о необходимости ликвидировать национализм во всех его проявлениях, особенно в форме «нация – государство» (Жданов, 2003, стр. 24). Принятая доктрина утверждает, что весь мир разделён на две части – «область веры (ислама)» и «область войны» (неверных). «Область веры (или ислама)» включает все страны, которые находятся под властью клерикальных исламских правительств (они управляются на основе шариата); к «области войны» относятся как страны, населённые «неверными», так и те мусульманские страны которые находятся под властью «неверных» правителей (Ансари, 1999, стр. 23).

Согласно идеологическим постулатам Исламской революции, в геополитической стратегии Тегерана утвердился тезис об экспорте исламской революции по иранскому образцу в другие страны. Этот экспорт предполагает три способа: мирный (пропагандистский), полувойенный и военный. По утверждению самого Хомейни, «целью великой священной войны является свержение всех навязанных извне тиранических и псевдомусульманских режимов сначала в рамках мусульманского мира, а затем и в глобальном масштабе, освобождение мусульманского отечества для создания мирового исламского государства» (Имам Хомейни, 1999, стр. 94).

Весьма широкое распространение получил также и концепт «диалога культур». Еще во время своей инаугурационной речи 1997 г. президент Ирана (1997 – 2003 гг.) С.М. Хатами заявил: «Диалог между цивилизациями – необходимость в современном мире. Любая ак-

ция, которая может вызвать международную напряжённость, будет избегаться. Мы будем иметь отношения с каждым государством, которое уважает нашу независимость. Но мы будем выступать против тех доминирующих держав, которые пытаются навязать нам свою волю» (Гаджиев, 2010, стр. 411)

Во внешней политике Туркменистан чётко придерживался политики «позитивного нейтралитета» – не вмешиваться ни в какие дела и не комментировать никакие события. Туркменистан так существует на мировой арене, как будто бы его там и нет. Свой нейтральный статус Туркменистан пытается строить на принципах других нейтральных стран (Маркелов, 2020, стр. 130). Во внешней политике официальный Ашхабад придерживается принципа многовекторности (Горак, 2007, стр. 66). Первый президент Туркменистана (1991 – 2006 гг.) Туркменбаши («глава туркмен») Сапармурат Ниязов (1940–2006) утверждал, что «каждая страна имеет право выбирать свой политический курс, самостоятельно решать внутренние проблемы и противоречия» (Ниязов, 2001, стр. 5). По мнению самих туркменских аналитиков, нейтралитет в современных условиях является наиболее приемлемой моделью реализации национальных интересов, отвечает историческим, геополитическим, этнокультурным реалиям страны. Нейтральный статус предусматривает соблюдения нескольких основополагающих принципов: 1) он должен быть признан мировым сообществом; 2) *по форме* должен носить постоянный характер, то есть не ограниченным во времени и действующим как в военное, так и в мирное время; 3) *по содержанию* – позитивным или конструктивным, что подразумевает активную позицию государства в вопросах поддержки мира и стабильности, развития отношений дружбы и сотрудничества между государствами, это цель и средство вхождения в мировое сообщество путем согласия и партнерства (Агамамедова, 2003).

Для соблюдения статуса нейтральной страны необходимо придерживаться как минимум двух принципов – иметь стабильно мирные границы со всеми соседями и проводить политику «открытых дверей» (Агамамедова, 2003). Политические элиты Туркменистана ставят перед собой стратегическую цель – превратить Ашхабад в миротворческий центр Центральной Азии. Для этого Туркменистану необходимо вовлечь в свои экономические проекты (в частности строительство газопроводов) соседние государства. Поэтому в определении своей внешней политики власти Туркменистана на первое место ставят всегда приоритет экономических отношений. «Нейтралитет Туркменистана – с экономико-правовой точки зрения – способ-

ствуется привлечению иностранных инвестиций в разработку важнейших проектов XXI века по освоению недр Каспийского моря, выводу энергоносителей на мировые рынки» (2003).

Во внешней политике Казахстан с самого начала придерживался принципа многовекторности и стремился задействовать все доступные внешнеполитические ресурсы для целей национального развития. В 1992 г. Казахстан отказался от ядерного арсенала и пошёл на демонтаж своей ядерной инфраструктуры. Казахстан стал также одним из авторов инициативы по созданию ЗСЯО – Зоны свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан) (Михайлов, 2009, стр. 7).

Официальные лица Казахстана неоднократно заявляли о том, что «вопреки известной формуле об отсутствии вечных друзей и наличии вечных интересов Казахстан и Россия – страны, которым самой историей суждено быть вечными друзьями» (Муртаев, 2009, стр. 6). Эксперты отмечают, что «по мере возрастания международного авторитета Казахстана и его роли в мировых делах усиливается и внешнеполитическая связка Москвы и Астаны» (стр. 6).

О своих евразийских пристрастиях в свое время весьма много писал в своих книгах первый президент Казахстана (1991 – 2019 гг.) Н.А. Назарбаев (Назарбаев, 1997; 2005). Известно, что именно Казахстан выступил в марте 1994 г. инициатором создания Евразийского союза. Предложенная Н.А. Назарбаевым концепция базировалась на добровольной, равноправной интеграции, совместном политико-экономическом развитии постсоветских государств, общем продвижении стран СНГ на сильные позиции в глобальном мире. Во времена президентства Н.А. Назарбаева Казахстан стремится к тому, «чтобы самый большой материк планеты – Евразия – стал общим пространством мира и взаимопонимания народов» (Назарбаев, 2009, стр. 7). Назарбаев был «глубоко убеждён, что основанное на равенстве, добровольности и прагматичном интересе Евразийское сообщество может стать глобальным фактором мировой экономики и политики XXI в.» (Назарбаев, 2009, стр. 7).

Анализ имеющихся у стран каспийской пятерки заготовок геополитических стратегий указывает на их вполне конструктивный характер. Они не враждебны в отношении друг друга, что дает основания для достижения искомого консенсуса и использования исключительно мирных средств решения временами возникающих здесь конфликтных ситуаций. Разногласия усиливаются тогда, когда на них начинают

влиять геополитические догмы третьих стран, заинтересованных в де-эскалации данного региона.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ

Как показывает мировой опыт, важнейшим элементом в обеспечении коллективной безопасности являются интеграционные проекты в сфере экономики, политики и культуры. Политические элиты каспийской пятерки показали, что они умеют договариваться по принципиально важным проблемам, главным из которых был правовой статус Каспия. Следующим этапом региональной интеграции – создание и реализация взаимовыгодных экономических проектов, которые бы могли стать точками общего роста. Одна из точек такого роста вокруг которой могли бы объединиться каспийская пятерка – это проект МТК «Север-Юг». По заложенному в нем потенциалу, он может дать мощный толчок в развитии прикаспийской интеграции, напрямую связав ее со странами Западной Европы и Юго-Восточной Азии.

Проект МТК «Север-Юг» подтягивает к региональному интеграционному сотрудничеству такого крупного геополитического игрока как Индия. В XXI в. возрастает роль науки и научного сопровождения глобальных международных проектов. Одним из направлений такой работы являются и российско-индийские историко-культурные отношения, а также проблемы связанные с осуществлением проекта МТК «Север-Юг». В скорейшей реализации данного проекта в первую очередь заинтересована как российская, так и индийская сторона.

По оценкам российских экспертов, МТК «Север-Юг» способен в перспективе изменить весь мировой логистический расклад и вывести на глобальный уровень новых игроков (Вартумян, 2019; Косов, 2019; Лебедева, 2019; Магомедов, 2019). Его реализация в том виде, в котором он задуман его создателями, подорвет монополию США и Великобритании, контролирующих транспортные коридоры по экваториальной линии «Панама – Суэц» и обрушит акции их транспортных и страховых компаний. Помимо этого проекта в Евразии начала XXI столетия активно начал продвигаться еще один проект, связанный уже с китайской стороной.

Китайский проект «Один пояс и один путь» был выдвинут китайским руководством в 2010-х гг., как идея объединения проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Он стал «фокусом» внешнеполитической деятельности КНР на ближайшие годы. Идея проекта была выдвинута председате-

лем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан и в Индонезию осенью 2013 г. Такая инициатива стала следствием успеха китайского развития, реализации Поднебесной т.н. «Пекинского консенсуса»⁵. Под финансовый контроль Китая к 2020 г. попали целые отрасли экономик многих развивающихся стран. Пекин вел хорошо продуманную и далеко идущую инвестиционную политику.

Присутствие Китая в Каспийском регионе видно на примере многостороннего сотрудничества Пекина, как с государствами Средней Азии, так и Южного Кавказа. Возникает угроза столкновения национальных интересов Москвы и Пекина на постсоветском пространстве. США по-своему обеспокоены продвижением Китая на запад Евразии. Вашингтон прямо называют одной из главных геополитических проблем – ирано-китайские нефтяные контракты, которые помогают Тегерану обходить санкции. *При этом Вашингтон забывает о том, что именно Китай помог во многом Штатам справиться с мировым финансово-экономическим кризисом 2008 г., когда экспортировал свою продукцию на рынки США на гигантскую сумму в 117 млрд. долларов* (Маркелов, 2020, стр. 137).

Москва и Пекин стремились согласовать китайский проект «Один пояс и один путь» и российскую политику «Большой Евразии», в основе которой лежит «охранительные» установки России как инициатора интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве (Kaczmarek, 2017). Согласование национальных интересов ради геополитического консенсуса – весьма сложная задача. И в первую очередь задача оказалась весьма трудной для политических элит обоих государств, поскольку совмещать ее приходилось с еще одним геополитическим проектом под названием «РИК». По мнению американских аналитиков, Москва и Пекин украли у Вашингтона ее геополитическую стратегию и сами на практике реализовали ее в 1996 г. в виде созданной ими Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В ШОС вошли почти все те страны, применительно к которым и разрабатывалась американская концепция Большой Центральной Азии (БЦА) (Sachdeva, 2006, p. 33).

⁵ «Пекинский консенсус» – политический концепт, сутью которого состоит в том, что основным инструментом достижения экономического процветания является сильное государство, управляемое эффективными лидерами, мало озабоченными степенью соответствия их действий западной ценностной матрице. (Marks, 2007) «Пекинский консенсус» предусматривает: 1) твердое осознание необходимости и самостремление к модернизации и инновациям, 2) сочетание долговременных целей и прагматичной тактики, 3) опора на национальный суверенитет и стабильный экономический рост, 4) социально-ориентированная экономика и «инструменты асимметричной силы» (например, значительные накопления государственных долговых обязательств иностранных государств) (Ramo, 2004).

В последние годы все чаще можно услышать призывы к развитию формата РИК – геополитического треугольника России, Индии и Китая. О перспективах развития РИК в свое время писали многие эксперты. В частности ими отмечалось, что данный вид глобального евразийского сотрудничества сделает весь этот регион неподконтрольным для США и их сателлитов (Уянаев, 2017, 2018; Время большого присутствия, 2019; Gou Changchao, 2019). Единственным серьезным препятствием на пути этого сближения, являются внутренние разногласия, которые существуют внутри этого геополитического треугольника, в частности конфликт интересов по целому ряду вопросов между Пекином и Дели (Malhotra, 2015; Gadimova & Nazrin, 2017).

В заключение представленного в настоящей работе материала, следует заметить, что общими стратегическими усилиями каспийской пятерки должно быть недопущение вмешательства в их дела третьих стран, в первую очередь США. Исключение этой деструктивной силы из политической повестки дня должно заметно оздоровить климат международных отношений, придать ему нужный вектор конструктивного интеграционного развития. И самое главное, страны Евразии должны воспользоваться представившейся им возможности самостоятельно (без посторонних подсказок) договориться о судьбе своего региона и выбрать оптимальный путь своего дальнейшего комплексного развития.

ВЫВОДЫ

Формирование современных геостратегических концепций Прикаспийских государств проходит через сложный и неоднозначный процесс доктринального оформления. Этот процесс становления связан с трудностями не только договорного характера, но и с трудностями его практического применения. Он существует на фоне острой необходимости постоянного регулирования многочисленных противоречий, существующих внутри этого прикаспийского сообщества. Пока региональным политическим элитам удастся сохранить хрупкий консенсус, который постоянно проходит у них через многочисленные геополитические испытания, связанные с постоянным вмешательством в дела этого регионе третьих заинтересованных стран.

В настоящее время мы наблюдаем процесс становления национальных геополитических стратегий стран Прикаспия, в которых активно принимают участие не только политические, но и научные элиты. Именно из них в идеале должны в будущем складываться общая (единая) концепция геополитики такого важного региона Евразии, как

Каспийский регион. В перспективе речь идет о совместной интеграционной политике, призванной обеспечить надежные институты и инструменты коллективной безопасности. Именно безопасность в предыдущие века была самой главной евразийской ценностью. Случавшиеся здесь конфликты были жестоки и кровавы. Наученными этими горькими историческими уроками ведущие страны Евразии должны выработать свой особый (приемлемый для всех) механизм обеспечения взаимопонимания и взаимоуважения. Именно от умения политических элит договариваться по самым сложным вопросам современности зависит то, насколько эти страны преодолевают время от времени возникающие между ними кризисные ситуации. А подобные конфликты в современном мире множатся с каждым годом. Мир подходит к опасной черте, за которой существующий порядок может разрушиться и создать неуправляемый поток хаоса.

Список литературы

- Brzeziński, Z. K. (1997). *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic books October.
- Gadimova, N. (2017). "Trans-Caspian Transport Route: Saving Time." *Caspian News*.
- Gou Changchao. (2019). RIC (Russia - India - China) in the System of International Relations: Achievements and Challenges. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, (2), 202-209.
- Hoagland R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation, *Caspian Affairs Magazine*, 10-22.
- Hooson, D.J.M. (1962). A New Soviet Heartland? *The Geographical Journal*, 128(1), 19-29.
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster.
- Kaczmarek, M. (2017). Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union, *International Affairs*, 93(6), 1357–1376.
- MacKinder, H. J. (1951). *The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History*. London.
- Malhotra, A. (2015). *India-Russia-China: Is there a Case for Strategic Partnership?* New Delhi: Vij Books.
- Marks, S. (2007). Introduction. In Firoze M. Manji and Stephen Marks (eds.). *African perspective on China in Africa* (pp. 3-9). Cape Town: Fahamu.
- Ramo, J. C. (2004). *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Center.

- Sachdeva, G. (2006). India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4(3).
- Агаев, С.А. (1989). Рухама Хомейни. *Вопросы истории*, (6), 79- 100.
- Агамамедова, З. (2003). Нейтралитет Туркменистана. *Международные процессы*, 1(3), 121-130.
- Аксёнова, К.И. (2018). Внешняя политика КНР: от утопии бесполярного мира к китайской «перезагрузке». *Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Политология*, (1), 22-27.
- Ансари, Х. (1999). *Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины*. Москва: Палей.
- Вартумян, А.А. (2019). Влияние транспортных артерий в каспийском регионе на геополитическое положение в Астраханской области. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 202-207.
- Время большого присутствия. Сотрудничество России, Индии и Китая выходит на новый уровень. (2019). *Российская газета*, 90(7848)
- Гаджиев, К.С. (2010). *Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка*. Москва: Экономика.
- Горак, С. (2007). Туркменистан после Туркменбаши: к вопросу о трансформации режимов личной власти. *ПОЛИТЭКС*, (3), 62-77.
- Дугин А.Г. (2014). *Евразийский реванш России*. Москва: Алгоритм.
- Жданов, Н.В. (2003). *Исламская концепция миропорядка*. Москва: «Международные отношения».
- Зыгарь, М. & Гриб, Н. (2009). Трубы веером: Азербайджан готов торговать газом с кем угодно. *Коммерсант*, (4).
- Имам Хомейни. (1999). *Путь к свободе. Речи и завещание*. Москва: «Палей».
- Казаков, А. Ю. (2020). *Лис севера: большая стратегия Владимира Путина*. Санкт-Петербург: Питер.
- Карабущенко, П.Л. (2020). Геополитическая космология: «Слоны Евразии». *Современная наука и инновации*, 2(30), 171-179.
- Косов, Г.В. & Гукасов А.В. (2019). Международный транспортный коридор «Север – Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 212-217.
- Лебедева, И.В. (2019). Евразийский вектор во внешней политике Европы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 218-222.
- Магомедов, А. К. (2011). Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты и региональный политический вызов в посткоммунистической России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 11(2), 61-71.

- Магомедов, А.К. (1999). *Региональные элиты и региональные идеологии в современной России: Сравнительный анализ; на примере республик и областей Поволжья*. Doctoral Dissertation. Казань.
- Магомедов, А.К. (2002). Каспийский нефтяной транзит и региональные элиты юга России: к формированию новых политических стимулов. *Полития*, 24(1), 84-99.
- Магомедов, А.К. (2019). Международный транспортный коридор "Север - Юг": геополитическое, национальное и региональное измерения. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 222-224.
- Маккиндер, Х. (2007). Круглая земля и обретение мира. *Космополис*, 2(16), 56-69.
- Мамедова, Н.М. & Санаи Мехди (ред.) (2001). *Иран: ислам и власть*. Москва: Институт востоковедения РАН; Крафт+.
- Маркелов, К.А. (2020). *Большой Каспий в геополитическом измерении*. Москва: Изд. «Экон-Информ».
- Михайлов, В. (2009). Безъядерная зона в Евразии. *Независимое военное обозрение*, (17), 7.
- Муртаев, В. (19 ноября, 2009). Лучше поздно, чем никогда. *Независимая газета*, 6.
- Назарбаев, Н. А. (19 марта, 2009). Евразийский экономический союз: теория или реальность. *Известия*, 7.
- Назарбаев, Н.А. (1997). *Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997*. Москва: «Издательство: Фонд содействия развитию социальных и политических наук».
- Назарбаев, Н.А. (2005). *В сердце Евразии*. Алматы: Атамұра.
- Ниязов, С. (9-12 декабря, 2001). Дружить в ущерб себе не желает никто. *Общая газета*, 5.
- Примаков, Е.М. (2016). *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: Издательство ТПП РФ: «Российская газета».
- Сергунин, А.А. & Тихонов, В.Г. (2009). «Восточное партнерство» и «Большой Каспийский регион»: проблемы и перспективы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (20), 30-38.
- Уянаев, С.В. (2017). Партнерский формат «Россия-Индия-Китай»: значение, эволюция и перспективы, российско-китайское взаимодействие. В *Современные российско-китайские отношения: сб. статей*. (стр. 234-249). Москва: ДеЛи плюс.
- Уянаев, С.В. (2018). Формат РИК в год 20-летия «инициативы Примакова»: к итогам 16-й трехсторонней академической конференции. *Проблемы Дальнего Востока*, (4), 31-38.
- Цыганов, О.В. (25 сентября 2008). Ильхам Алиев: прорыв в XXI век. *Известия*, 10.

References

- A time of great presence. Cooperation between Russia, India and China is reaching a new level. (2019). *Russian newspaper*, 90(7848). (In Russian)
- Agaev, S.A. (1989). Ruhama Khomeini. *History Issues*, (6), 79- 100. (In Russian)
- Agamamedova, Z. (2003). Neutrality of Turkmenistan. *International processes*, 1(3), 121-130. (In Russian)
- Aksenova, K.I. (2018). China's foreign policy: from the Utopia of the Polarless World to the Chinese "reset". *Bulletin of the Russian Unta of Friendship between Peoples. Political Science Series*, (1), 22-27. (In Russian)
- Ansari, X. (1999). *Imam Khomeini. Political struggle from birth to death*. Moscow: Paley. (In Russian)
- Brzeziński, Z. K. (1997). *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic books October.
- Dugin, A.G. (2014). *Eurasian revenge of Russia*. Moscow: Algorithm. (In Russian)
- Gadimova, N. (2017). "Trans-Caspian Transport Route: Saving Time." *Caspian News*.
- Gadzhiev, K.S. (2010). *Russia's Geopolitical Horizons: The Contours of the New World Order*. Moscow: Economics. (In Russian)
- Gorak, S. (2007). Turkmenistan after Turkmenbashi: the transformation of personal power regimes. *POLITEX*, (3), 62-77. (In Russian)
- Gou Changchao. (2019). RIC (Russia - India - China) in the System of International Relations: Achievements and Challenges. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, (2), 202-209.
- Hoagland R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation, *Caspian Affairs Magazine*, 10-22.
- Hooson, D.J.M. (1962). A New Soviet Heartland? *The Geographical Journal*, 128(1), 19-29.
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster.
- Imam Khomeini. (1999). *The Way to Freedom. Speeches and testament*. Moscow: "Paleya".
- Kaczmarski, M. (2017). Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union, *International Affairs*, 93(6), 1357–1376.
- Karabushchenko, P.L. (2020). Geopolitical cosmology: "Elephants of Eurasia". *Modern Science and Innovation*, 2(30), 171-179. (In Russian)
- Kazakov, A. Yu. (2020). *Fox of the North: A Big Strategy for Vladimir Putin*. St. Petersburg: Peter. (In Russian)
- Kosov, G.V. & Gukasov A.V. (2019). International transport corridor "North - South": rethinking the landscape of Eurasia (case study of Azerbaijan). *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 212-217. (In Russian)

- Lebedeva, I.V. (2019). Eurasian Vector in European Foreign Policy. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 218-222. (In Russian)
- MacKinder, H. J. (1951). *The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History*. London.
- Magomedov, A.K. (1999). *Regional Elites and Regional Ideologies in Modern Russia: A Comparative Analysis; Using the Examples of Volga Region and Republics*. Doctoral Dissertation. Kazan. (In Russian)
- Magomedov, A.K. (2002). The Caspian oil transit and the regional elites of southern Russia: towards the formation of new political incentives. *Politiya*, 24(1), 84-99. (In Russian)
- Magomedov, A.K. (2011). Political Elites and Political Ideology. Regional elites and regional political challenge in post-communist Russia. *Izvestia Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, 11(2), 61-71. (In Russian)
- Magomedov, A.K. (2019). International transport corridor "North - South": geopolitical, national and regional dimensions. *Caspian region: politics, economy, culture*, 3(60), 222-224. (In Russian)
- Malhotra, A. (2015). *India-Russia-China: Is there a Case for Strategic Partnership?* New Delhi: Vij Books.
- Mamedova, N.M. & Sanai Mehdi (eds.). (2001). *Iran: Islam and Power*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Kraft+. (In Russian)
- Markelov, K.A. (2020). *The Greater Caspian Sea in Geopolitical Dimension*. Moscow: Ekon-Inform Publishing House. (In Russian)
- Marks, S. (2007). Introduction. In Firoze M. Manji and Stephen Marks (eds.). *African perspective on China in Africa* (pp. 3-9). Cape Town: Fahamu.
- McKinder, H. (2007). The Round Earth and the Discovery of Peace. *Cosmopolis*, 2(16), 56-69.
- Mikhailov, V. (2009). Nuclear-free zone in Eurasia. *Independent Military Review*, (17), 7. (In Russian)
- Murtaev, V. (19 November, 2009). Better late than never. *Nezavisimaya Gazeta*, 6. (In Russian)
- Nazarbayev, N.A. (19 March, 2009). Eurasian Economic Union: Theory or Reality. *Izvestia*, 7. (In Russian)
- Nazarbayev, N.A. (1997). *Eurasian Union: ideas, practice, perspectives. 1994—1997*. Moscow: "Publishing House: Foundation for Promotion of Social and Political Sciences". (In Russian)
- Nazarbayev, N.A. (2005). *In the Heart of Eurasia*. Almaty: Atamur. (In Russian)
- Niyazov, S. (9-12 December, 2001). Nobody wants to be friends to their detriment. *Obshchaya Gazeta*, 5. (In Russian)
- Primakov, E.M. (2016). *Collection of works in 10 volumes*. Moscow: Publishing house of CCI of Russia: "Rossiyskaya Gazeta". (In Russian)

- Ramo, J. C. (2004). *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Center.
- Sachdeva, G. (2006). India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4(3).
- Sergunin, A.A. & Tikhonov, V.G. (2009). "Eastern Partnership and the Greater Caspian Sea Region: problems and prospects. *Caspian region: politics, economics, culture*, (20), 30-38. (In Russian)
- Tsyganov, O.V. (25 September 2008). Ilham Aliyev: a breakthrough in the XXI century. *Izvestia*, 10. (In Russian)
- Uyanaev, S.V. (2017). Russia-India-China partnership format: meaning, evolution and prospects, Russian-Chinese interaction. In *Modern Russian-Chinese Relations: a collection of articles*. (pp. 234-249). Moscow: DeL plus. (In Russian)
- Uyanaev, S.V. (2018). RIC format in the year of the 20th anniversary of Primakov's initiative: towards the results of the 16th Trilateral Academic Conference. *Problems in the Far East*, (4), 31-38. (In Russian)
- Vartumyan, A.A. (2019). Impact of transport arteries in the Caspian region on the geopolitical position in the Astrakhan region. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 202-207. (In Russian)
- Zhdanov, N.V. (2003). *Islamic Concept of the World Order*. Moscow: "International Relations". (In Russian)
- Zigar, M. & Grib, N. (2009). Fan Pipes: Azerbaijan is ready to trade gas with anyone. *Kommersant*, (4). (In Russian)

Критика и рецензии

Criticism and Reviews

GRAPHOMANIA AND THE GLOBAL CONSPIRACY OF ELITES

Elina A. Sarakaeva (a), Irena V. Lebedeva (b)

(a1) Hainan College of Economics and Business. Haikou, China. Email: 2689655292[at]qq.com

(b) Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia. Email: irenalebedeva[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-9321-4811

Abstract

A review of Nicholas Pravda's monograph «Bloody Illuminati: occult rituals of the elite» (*Illuminatenblut – die okkulten Rituale der Elite*). Publishing House Amadeus, Hamburg 2018, ISBN 978-3-93865-49-5, 288 pages.

Keywords

Nicholas Pravda; conspiracy theory; elites; secret societies; ritual; pedophilia; conspiracy

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ГРАФОМАНИЯ И ВСЕМИРНЫЙ ЗАГОВОР ЭЛИТ

Саракаева Элина Алиевна (а), Лебедева Ирэна Валерьевн (b)

(а) Хайнаньский колледж экономики и бизнеса. Хайкоу, Китай. Email: 2689655292[at]qq.com

(b) Каспийский институт морского и речного транспорта. Астрахань, Россия.
Email: irenalebedeva[at]mail.ru ORCID 0000-0002-9321-4811

Аннотация

Рецензия на монографию Николаса Правды «Кровавые иллюминаты: оккультные ритуалы элиты» (*Illuminatenblut – die okkulten Rituale der Elite*). Издательство «Амадеус», Гамбург 2018, ISBN 978-3-93865-49-5, 288 страниц.

Ключевые слова

Николас Правда; теория заговора; элиты; тайные общества; ритуал; педофилия; заговор

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Монография блогера и писателя-документалиста Николаса Правды «Кровавые иллюминаты: оккультные ритуалы элиты» увидела свет в 2018 году в издательстве «Амадеус» в Гамбурге и с тех пор пользуется популярностью у читателей, интересующихся оккультными сектами, ритуальными убийствами и разными вариациями «теории заговора». Автор уже много лет ведет собственный блог «Правда TV» (блог немецкоязычный, как и монография, но автор обыгрывает в названии свою фамилию и русское слово «правда»), посвященный всемирному заговору элит. Монография «Кровавые иллюминаты» является компендиумом его предыдущих записей и опубликованных в блоге материалов. Она содержит как старые статьи, так и недавно опубликованные на сайте - весь это достаточно однородный материал автор переработал в бумажную монографию, насчитывающую 288 страниц, включая список литературы. В предисловии к работе автор обещает рассказать о самых темных сторонах современного общества и самых могущественных акторах в игре политических, религиозных и экономических элит.

Далее автор прилежно выполняет свое обещание – в монографии он доказывает, что кажущиеся прозрачными структуры общества пронизаны оккультными ритуалами, что закон является игрушкой в руках элитарных тайных обществ, что вся система политической власти связана «кровными линиями», которые обеспечивают власть элит и постоянную зависимость, эксплуатацию и отупление масс.

Автор видит свою задачу в том, чтобы раскрыть глаза общественности на могущество и преступность элит и остановить этих злодеев, не позволить спруту расползаться, пресекать по мере сил «структурные взаимосвязи между самыми глубокими безднами злодейства и высшими слоями нашего общества». Основной пафос работы – алармистский призыв к бдительности, поскольку, по мнению автора и его единомышленников, «общество, которое хочет называть себя "гуманным" и "демократическим", в долгосрочной перспективе находится в прямой зависимости от того, насколько решительно оно будет ставить в свои рамки вопиющие нарушения принципов гуманности и демократии. Те, кто засыпают в демократии, просыпаются снова в диктатуре».

Средства массовой информации и журналистов автор винит в убаюкивании общественного сознания и замалчивании правды о злоупотреблениях элиты. Журналисты, по его мнению, по большей части рисуют в своих публикациях искаженную картину реальности, их

освещение событий представляет собой пропаганду в защиту элит и в ущерб большинству населения.

Монография состоит из вступления, трех глав, озаглавленных «Ритуалы», «Педофилия» и «Кровные линии», и списка литературы, включающего 55 источников – исключительно Интернет-ресурсы.

В первой главе, «Ритуалы», автор доказывает что многие церемонии и традиционные действия, вроде открытия зданий, выставок и павильонов, спуска кораблей на воду и т.п. имеют оккультно-ритуальный характер, понятный только для посвященных – то есть для элит, состоящих в оккультных организациях и орденах, типа ордена иллюминатов, масонских лож, розенкрейцеров, тамплиеров и иже с ними. Тогда как для широких масс эти торжественные открытия не более чем часть освященной временем традиции, для причастных к полу-религиозным организациям элит они имеют не только символическое но и магическое значение. С помощью таких церемоний элиты обмениваются знаками друг с другом и прямо колдуют. В качестве примера автор приводит печальные события 11 сентября, когда масштабный террористический акт в Нью-Йорке якобы стал результатом (или спровоцировал?) настоящий взрыв сатанинских ритуалов.

Другим примером сатанинского ритуала автор называет торжественное открытие Готтардского тоннеля – там он даже усмотрел фигуру демона Бафомета, впервые упоминаемую в средневековом процессе тамплиеров. Что само слово «Бафомет» является искаженным именем пророка Мухаммеда, вырванным под пытками у одного из тамплиеров, а сам процесс был чисто политической расправой, организованной французским королем над орденом тамплиеров, своим самым опасным кредитором (Martin, 2004), автор не знает и не хочет знать. Впрочем, с историей автор вообще не очень дружен и валит в одну кучу завоевание крестоносцами Палестины, торговлю индульгенциями, основание лондонской биржи, создание государства Ватикан, войны за заморские колонии - все это представляется ему явлениями одного порядка и за всем он усматривает руку могущественных тайных оккультных обществ (Pravda 2018, pp. 275-277).

Вторая глава, «Педофилия», приводит ужасные случаи издевательств и насилий над детьми и то, как административные органы, полиция и религиозные лидеры в силу разных причин покрывали насильников и отказывали жертвам в правосудии и защите от посягательств. Так, автор упоминает действительно чудовищный инцидент с насилием над 20 воспитанниками детского дома – когда правда вышла наружу, все малолетние жертвы были под предлогом заботы об их

душевном здоровье отправлены в дом умалишенных, где продолжали подвергаться на этот раз медицинскому насилию, что привело к массовым самоубийствам. Жертвами в данном случае были дети канадских индейцев, что позволяет автору говорить о «культурном геноциде».

Но из этой истории следует неожиданный вывод - поскольку английская королева является в Канаде формальным главой государства, автор именно на нее возлагает вину в произошедшей трагедии и даже называет Елизавету Вторую причастной к исчезновению некоторых детей. В доказательство автор ссылается на тот факт, что миротворцы ООН тоже обвиняются в большом количестве преступлений против гражданского населения. Винодность королевы с бесспорной очевидностью доказывает и тот факт, что Билл Клинтон 26 раз летал на печально известном самолете миллиардера Джеффри Эпштейна «Лолита-экспресс», где несовершеннолетние стюардессы оказывали богатым клиентам определенные услуги. Все члены политической верхушки - педофилы, к такому непрозрачному выводу автор решительно подводит читателя, уже в силу того что они – элита, а значит, могут быть причастны и являются причастными к самым разным злодеяниям.

В третьей главе, «Кровные линии», выясняется, что политические и экономические элиты всего мира оказываются связаны между собой кровными связями (под «миром» автор понимает, конечно, США и Западную Европу, уже на славянские государства - за приятным исключением графа Дракулы - его знания не простираются).

Так, Адольф Гитлер является, оказывается, потомком еврейского банкирского дома Ротшильдов; Ангела Меркель связана общим происхождением с папой Бенедиктом XVI, а все американские президенты – то есть все 43 на момент написания книги - связаны узами родства между собой и все возводят свою кровную линию к одному из английских королей – автор, к сожалению, не указывает, кто этот счастливчик. Потомком этого монарха оказывается даже Барак Обама, не говоря уже о Клинтонах и Дональде Трампе. Зато генеалогию валашского господаря Влада Цепеша, ставшего прототипом вампира Дракулы, автор *ничтоже сумняшеся* возводит к английскому дому Виндзоров. То есть именно Виндзоров, а не, например, Тюдоров – такая точность не может не радовать, хотя ссылка хоть на какие-нибудь источники была бы тут отнюдь не лишней.

Так что политические элиты, помимо общей религии - сатанизма и общего увлечения – педофилии – связаны еще и общим происхож-

дением, что, конечно, укрепляет систему их взаимоподдержки и обеспечивает им власть над миром.

Несколько слов в заключение.

Авторы настоящей рецензии искренне жалеют, что в монографию была включена глава о педофилии. На фоне той смехотворной белиберды, которой наполнены две остальные главы, материал о педофилии обесценивается, не может не обесцениваться, и это несправедливо по отношению к жертвам педофилов. Из других, гораздо более весомых и снабженных реальной доказательной базой источников нам известно, что педофильские круги действительно существуют: извращенцы общаются и взаимодействуют, прикрывают друг друга, помогают друг другу охотиться на детей и уходить от ответственности и лоббируют свои интересы через СМИ и систему личных связей (Blackman, Dring 2016). Вот тут действительно работает старая присказка инквизиторов «You can't be a witch alone», «Невозможно быть ведьмой в одиночку» (Саракаева 2012, стр. 35). Но, включенная в общий контекст рецензируемой монографии, эта система педофильских связей кажется надуманной и вызывающей не многим больше доверия, чем связь Дракулы с английской королевой

Список литературы

- Blackman, J. & Dring K. (2016). *Sexual Aggression Against Children: Pedophiles' and Abusers' Development, Dynamics, Treatability, and the Law* (1st ed.). Routledge. doi: 10.4324/9781315674117
- Martin, S. (2004). *The Knights Templar*. UK: Pocket Essentials.
- Pravda, N. (2018). *Illuminatenblut – die okkulten Rituale der Elite*. GmbH: Amadeus Verlag.
- Саракаева, А. (2012). *Американское неоязычество: ритуалы, мифы и ценности*. М: LAP LAMBERT Academic Publishing.

References

- Blackman, J. & Dring K. (2016). *Sexual Aggression Against Children: Pedophiles' and Abusers' Development, Dynamics, Treatability, and the Law* (1st ed.). Routledge. doi: 10.4324/9781315674117
- Martin, S. (2004). *The Knights Templar*. UK: Pocket Essentials.
- Pravda, N. (2018). *Bloody Illuminati – the occult rites of the Elite*. Hamburg: Amadeus. (In German)
- Sarakaeva A. (2012) Sarakaeva Asia. *American neo-paganism: rituals, myths and values*. Moscow: LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russian)

A NEW SUPERPOWER ON THE WAY TO WORLD LEADERSHIP

Irena V. Lebedeva (a), Alla Yu. Podulyasskaya (b)

(a) Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia. Email: irenalebedeva[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-9321-4811

(b) Astrakhan State Medical University. Astrakhan, Russia. Email: runas1988[at]mail.ru

Abstract

The rapid rise of China's economy turned China into one of the leading players in the world arena, made many experts talk about the emergence of a new superpower and the emergence of a new hotbed of tension in the competition for world leadership. At the same time, China is developing according to its internal canons, paying little attention to the so-called the "positive experience" of the collective West in the development of democracy and liberalism. All this indicates that a new center of world power has already formed.

German journalist and documentary filmmaker Frank Siren is considered one of the leading Western experts on China, whose works are published regularly in the Western press. His documentaries about dramatic global changes in the world were broadcast on the German channels ARD and ZDF. The work we are considering is one of the latest documentary fixations of the current state of the problem of a new world leader associated with the competition of leading world powers for the right to determine not only the agenda, but also the scientific, economic and socio-cultural standards of the future. Works of this kind create, in their totality, a general picture of the modern world, which does not always coincide with the opinion of politicians and built up scientific models and theories. Political journalism gives us a look behind the scenes of big politics, to see what in the official part of political reality does not always find a place for fixation and analysis.

Keywords

China; world leadership; hegemony; political elites; competition; economic wars; the collective West; globalism; innovation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НОВАЯ СВЕРХДЕРЖАВА НА ПУТИ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

Лебедева Ирэна Валерьевна (а), Подулясская Алла Юрьевна (б)

(а) Каспийский институт морского и речного транспорта. Астрахань, Россия.
Email: irenalebedeva[at]mail.ru. ORCID 0000-0002-9321-4811

(б) Астраханский государственный медицинский университет. Астрахань, Россия.
Email: runas1988[at]mail.ru

Аннотация

Стремительный подъем в начале XXI столетия экономики Китая, превратил Поднебесную в одного из ведущих игроков на мировой арене, заставил многих экспертов говорить о появлении новой сверхдержавы и возникновения нового очага напряженности в конкуренции за мировое лидерство. При этом Китай развивается по своим внутренним канонам, мало обращая внимания на т.н. «позитивный опыт» коллективного Запада в развитии демократии и либерализма. При этом он использует свои традиционные средства и принципы управления политико-экономическими процессами и мало обращает внимание на указанный западный опыт. Все это указывает на то, что в мире уже сформировался новый центр силы, который невозможно уже игнорировать и который все более активно будет в дальнейшем влиять на происходящие в мире процессы.

Проживающий в Пекине с 1994 г. немецкий журналист и режиссер-документалист Франк Сирен считается одним из ведущих западных экспертов по Китаю, работы которого регулярно выходят в западной прессе. Его документальные фильмы о драматических глобальных изменениях в мире, транслировались на немецких каналах ARD и ZDF. Рассматриваемая нами его работа относится к числу последних документальных фиксаций современного состояния проблемы нового мирового лидера, связанного с конкуренцией ведущих мировых держав за право самим определять не только повестку дня, но и научно-экономические и социокультурные стандарты будущего. Подобного рода работы создают в своей совокупности общую картину современного мира, не всегда совпадающую с мнением политиков и выстроенными научными моделями и теориями. Политическая журналистика позволяет заглянуть за кулисы большой политики, увидеть то, что в официальной части политической действительности не всегда находит места для фиксации и анализа.

Ключевые слова

Китай; мировое лидерство; гегемония; политические элиты; конкуренция; экономические войны; коллективный Запад; глобализм; инновации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Известный германский журналист и документалист Франк Сирен многие годы прожил в Китае и знает эту страну изнутри. Он долгое время сотрудничал с «Wirtschaftswoche», «Zeit» и «Handelsblatt». Его книги о Китае стали бестселлерами научной и публицистической литературы издания Шпигель («Spiegel») и неоднократно занимали первые места в списке бестселлеров деловых книг. Они переведены на многие языки мира, в том числе и китайский.

Последняя по времени книга Франка Сирена «Будущее? Китай!»: Как новая суперсила изменит нашу жизнь, нашу политику, нашу экономику» раскрывает корни современного китайского чуда – анализирует природу могущества Поднебесной, раскрывая особенности технического и экономического прогресса страны, ее недооцененном влиянии на мир, здравом смысле и геостратегических намерениях ее правящих элит. При чем это не какая-то отдаленная перспектива. Это уже случилось. «Китай больше не является отдаленной угрозой, Китай уже здесь! Политически и экономически». Это амбициозное государство с многовековыми традициями управления, хорошо организовано, экономически энергичное и творчески инновационное, как и Силиконовая долина. Именно Поднебесная все чаще в последнее время определяет международные правила игры и векторы развития экономики. В своем стремительном развитии Пекин опирается на рост цифровых технологий, при этом совершенно не придерживается западной модели демократии и западных либеральных ценностей.

В качестве эпиграфов к предисловию своей книги автор выбрал три изречения ведущих политических лидеров: 1) «Теперь у нас есть силы, чтобы занять свое законное место в мире» (Си Цзиньпин, государственный и партийный лидер Китая); 2) «Теперь мы должны сами бороться за свое будущее, будущее европейцев, за нашу судьбу» (Ангела Меркель, канцлер Германии) и 3) «Я хочу вернуть своих солдат из Азии» (Дональд Трамп, президент США).

Фрэнк Сирен прожил в Китае более четверти века. Его книга о Китае всесторонне освещает влияние новой сверхдержавы на современные мировые процессы. На протяжении веков именно Запад определял глобальные правила игры мировой политики. Но в начале XXI в. мир оказался в начале новой эпохи, когда мировое лидерство с Атлантики начинает перемещаться в сторону Тихого океана и страны Азии на равных начинают разговаривать с прежними мировыми западными лидерами.

Китай на подъеме и расширяет свое влияние на всех континентах. Его влияние бросает вызов всему коллективному Западу. Одной из

главным визитных карточек современного Китая стал его глобальный проект «Новый шелковый путь» стоимостью 1000 млрд. долл. США, который должен будет простираться от Пекина до Дуйсбурга и благодаря которому Китай уже «завоевал» многочисленные страны Восточной Европы и Центральной Азии. «Китай вместе с США является лидером в технологиях будущего искусственного интеллекта (ИИ), которые перевернут знакомый нам мир с ног на голову. По онлайн-трейдингу и оплате с помощью смартфонов китайцы уже являются мировыми лидерами» (Sieren, 2018a, p.11).

За свою 3500-летнюю историю Китай впервые инвестирует на всех континентах ключевые отрасли промышленности, добычу природных ресурсов и инфраструктуру. Он активно строит железные дороги, плотины и электростанции. Причем делает все это с высоким качеством, что даже строгий Всемирный банк вынужден был это признать. Но самым главным проектом Поднебесной является новый глобальный шелковый путь, который по планам пекинских мечтателей должен простираться до Германии, Панамы и Сенегала. На сегодняшний день «это крупнейший инфраструктурный проект в мире со времен строительства Великой стены, начатой в VII веке до нашей эры. Все больше и больше стран становятся на сторону Китая, потому что он щедро вкладывает в них средства, а также потому, что эти страны хотят стать такими же, как Китай: самостоятельными и независимыми» (p. 11).

Автор призывает Запад (и особенно ФРГ) к фундаментальному переосмыслению роли Китая в глобальной структуре власти: «Мы не можем изменить ситуацию, в которой Китай неуклонно движется к мировой власти, но мы можем приспособиться к этому и выбрать разумную стратегию, которая позволяет нам защищать наши интересы. Китай уже давно освободился от влияния запада и теперь уже составляет нам серьезную конкуренцию. Совершенно очевидно, что сегодня Запад испытывает страх потери власти. У нас есть огромная проблема с направлением, которое диктуется незападной державой впервые за сотни лет. Принять это или придумать концепцию контрмер - большая проблема» (p. 17).

Самой главной опасностью является то, что Китай постепенно начинает верить в свои силы. Если раньше его мучили сомнения на этот счет, то в будущем он может отбросить в сторону эти сомнения и начать играть сугубо только по своим правилам игры. «Китай не только более уверен в себе... - констатирует Франк Сирен, - но он все чаще определяет глобальные правила игры. В ходе написания этой

книги стало еще яснее, что прямое влияние Китая на нашу жизнь намного больше, чем я думал. С одной стороны, Китай - это возможность для мира обновиться. Но это также опасно для нас, если мы не примем вызов, если мы думаем, что не должны меняться» (р. 17). И ЕС явно уступает Китаю в этом глобальном соперничестве. Влияние Кита на ЕС будет становиться всё более фатальным. И это будет уже «война» ценностей, в которой победу будет одерживать далеко не европейские ценности¹.

Вместе с тем журналист признает, что и у Китая есть тоже весьма серьезные проблемы, главным образом связанные с соблюдением прав человека и уровнем потреблением внутреннего рынка². «Правовая система является прозрачной, частично политически контролируемой. В тюрьме все еще есть люди, которым даже не разрешают встретиться с адвокатом. Объявляются судебные решения, которые уже были установлены до суда. Людей преследуют или заключают в тюрьму за их политические взгляды. СМИ не могут писать и публиковать то, что хотят. Партийные ячейки должны быть установлены в каждой компании, включая западные... В некоторых областях протекционизм еще усиливается. Целые отрасли защищены от иностранной конкуренции. ...западные компании вынуждены передавать технологии, чтобы вообще быть представленными на китайском рынке. Пиратство и нарушение патентных прав все еще существуют» (р.15). И на все эти замечания Запада Китай никак не реагирует. Главными его козырями в экономической войне с Западом является рост качества экономики Поднебесной. И у Пекина есть неоспоримые перед Западом достижения. «Даже в том, что касается сокращения бедности, Китай лидирует по сравнению с Западом. Ни одна большая страна в мировой истории не освободила свой народ от бедности так быстро, как Китай» (р. 13).

Коллективный Запад упустил свою глобальную инициативу (прежде всего в сфере высоких технологий). Германский журналист с горечью вынужден констатировать: «Очевидно, что Запад играет все

¹ Франк Сирен отмечает, что «в ближайшие десятилетия ни одна другая страна в мире не определит наше будущее - будущее Германии и Европы - больше, чем Китай. И, да, Китай также будет глобально подавлять влияние всего Западного полушария. Это означает, что мы должны идти на компромиссы, отказываться от власти. Это также означает, что нам нужно работать усерднее и быть более умелыми в укреплении наших идей во всем мире. И мы хотим этого, верно? Наши ценности важны для нас» (Sieren, 2018a, p. 18).

² В этой связи автор отмечает: «Китай вырвался вперед, но все еще имеет много возможностей для маневра: годовой доход на душу населения в Китае составляет всего около 9000 долларов США. В США более 60 000. Ничто не мешает Китаю достичь этого уровня за один день. И вряд ли можно предположить, что ВВП Китая будет в два раза выше, чем американский ВВП. Предполагаемый доход домохозяйства растет в среднем примерно на шесть процентов в год. И это займет больше времени» (Sieren, 2018a, p.14).

более незначительную роль в мире. Руководители в Пекине, а также руководство стран, с которыми сотрудничает Китай, больше не подотчетны нам. У них есть свои представления о том, как должен выглядеть мир в будущем. На Западе люди также читают, что мировой порядок был разрушен из-за подъема Китая. Мировой порядок, в котором мы задаем тон. С другой стороны, я слышу от китайцев, что наконец все будет хорошо. Мир будет сбалансирован, справедливее. Подобные вещи можно услышать в Африке или Центральной Азии» (р. 16)³.

О мощи и масштабности китайской экономики свидетельствуют начавшееся повсеместное отставание от него коллективного Запада, и прежде всего США. Преимущество Китая кроется в его инновационном поведении. Поднебесная стала лидером инновационных технологий. Это видно на примере стремительного роста качества университетского образования в Китае, и на примере создание аналогов Силиконовой долины в США. «Технологические компании, такие как Alibaba, Tencent и China Mobile, лидируют и сейчас входят в число крупнейших публичных компаний мира. И даже в том, что касается мягкой силы, Китай догоняет. Мастер чаепития уже существует в образе лего... Крупнейшие киностудии в мире сейчас находятся в Китае. Большинство кинотеатров по всему миру принадлежат китайцам, включая многие американские. Одна из крупных голливудских студий уже в руках китайцев. Даже сегодня ни один голливудский фильм не может быть рассчитан без доходов от китайских кинотеатров» (р. 13).

Франк Сирен убежден, что вслед за экономическим превосходством Китая грядет и его мировая гегемония. Китай превращается в новую сверхдержаву и ему уже экономически никто не может помешать. И это грядущее господство может быть разрушительным для прежних лидеров, в частности для Европейского Союза. Пекин начал негативно влиять на коллективную Европу, фактически разрушая ее. Брюссель больше не может говорить с Китаем на равных. Более того, брюссельская бюрократия ведет себя крайне неразумно отталкивая от себя Россию – вводимые против Москвы санкции фактически толкают ее в объятия Пекина. Официальный Пекин удивлен такой большой европейской близорукостью. Сближение Москвы и Пекина ничего хорошего для ЕС не несет.

³ В качестве негатива, который приносит с собой Китай, журналист отмечает его демократические традиции: «авторитарная система завоевывает все больше сторонников, особенно в развивающихся странах. Для многих регионов Азии или Африки стабильность и процветание важнее для людей, чем всестороннее участие и разнообразное гражданское общество» (Sieren, 2018a, p.14).

По мнению Франка Сирена, восходящая мировая держава (Китай) умело переигрывает всё ещё господствующую мировую державу (США) в их глобальной геостратегической борьбе за власть в XXI в. Между новым и старым лидером уже идет самая настоящая война – война торговая, война экономическая (соперничество и конфликты в патентной сфере, конфликты корпораций, валютное соперничество, погоня за природными ресурсами и т.д.). В отличие от целенаправленно идущего к своей цели Китая, западные страны действуют сумбурно и бессистемно. Это видно на многих конкретных примерах – особенно на примере экономического проникновения Поднебесной в африканский регион и в Центральную Азию.

Несомненный интерес для политической элитологии представляет то, что западные и сами китайские политические лидеры думают об этом глобальном изменении и как они его оценивают. Федеральный министр экономического сотрудничества и развития Герд Мюллер утверждает, что «Европа находится на грани того, чтобы упустить Африку как шанс столетия» (р. 308), имея в виду упущенные возможности инвестирования в экономику стран Африки, учитывая, что Китай уже сделал свои инвестиции, и, когда в молодого, талантливого населения этих бедных стран появится интернет, коммуникации, электричество и железные дороги, то они будут знать и помнить, что им в этом помог Китай, а не Европа (р. 310). Бывший министр иностранных дел Германии самокритично заявляет «Пекин инвестирует, хотя это не его забота, что сотни тысяч беженцев стоят у нас за порогом» (р. 311). «Для нас было бы шансом позаботиться об уровне жизни африканцев, ведь благосостояние Африки означает заказы для нашей экономики, а вместе с этим, и наше собственное благосостояние... Пекин это понял. Берлин и Брюссель пока еще нет» – говорит автор книги (Sieren, 2018a, р. 311).

ВЫВОДЫ

Мировое лидерство Китая складывается из целого ряда частных достижений, которые могут быть на первый взгляд даже и не заметны для постороннего наблюдателя. В сочетании со стратегическим планированием и инновационными технологиями, Китай достиг уже желаемого превосходства над коллективным Западом, который увлекшись борьбой с мнимой российской угрозой, совершенно упустил китайскую угрозу, чем поставил себя в крайне невыгодные позиции.

Общий вывод этой книги гласит: времена, когда Запад устанавливал свои стандарты, безвозвратно прошли. Впереди наступает эра

господства Азии, несомненным лидером которой в настоящее время является Китай. Впервые за многие столетия азиатская страна становится мировой державой и ставит под сомнения западные ценности, которые западные аналитики и политики считали универсальными и незыблемыми. Китай утверждает свою монополию на лидерство по четко спланированному плану. Автор пытается дать наиболее точный анализ потенциала современного Китая, чтобы донести до европейцев тающиеся для ЕС угрозы и вызовы со стороны этой новой сверхдержавы.

Список литературы

- Sieren, F. (2018a). *«Zukunft? China!»: Wie die neue Supermacht unser Leben, unsere Politik, unsere Wirtschaft verändert*». Penguin Verlag.
- Sieren, F. (2018b). *“Future? China!»: How a new superpower will change our life, our politics, our economy”*. Penguin Books.

References

- Sieren, F. (2018a). *«Zukunft? China!»: Wie die neue Supermacht unser Leben, unsere Politik, unsere Wirtschaft verändert*». Penguin Verlag.
- Sieren, F. (2018b). *“Future? China!»: How a new superpower will change our life, our politics, our economy”*. Penguin Books.

ISSN:

18+

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Научный электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 1, №1

2020

ISSN:

18+

ISSUES IN ELITOLOGY

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol 1, No 1

2020